

В. Ф. ИВАНОВА

СОВРЕМЕННЫЙ
РУССКИЙ
ЯЗЫК

Графика
и орфография

В. Ф. ИВАНОВА

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

**ГРАФИКА
И ОРФОГРАФИЯ**

Допущено
Министерством просвещения СССР
в качестве учебного пособия для
студентов педагогических институтов
по специальности
«Русский язык и литература»

**ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ**

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1976

Иванова В. Ф.

И 20 Современный русский язык. Графика и орфография. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература». Изд. 2-е, перераб. и доп. М., «Просвещение», 1976.

288 с.

Учебное пособие посвящено одному из разделов курса современного русского языка — графике и орфографии. В книге излагаются сведения по истории русской графики, рассказывается о ее особенностях. Русская орфография представлена как определенная система. Второе издание коренным образом переработано и значительно дополнено.

И $\frac{60602-761}{103(03)-76}$ 10-75

4Р

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебное пособие, посвященное рассмотрению вопросов графики и орфографии русского языка, входит в цикл пособий по современному русскому языку, которые углубленно освещают основные разделы курса¹.

Вопросы графики и орфографии являются важными в подготовке будущего учителя-словесника. Необходимо, чтобы студент понимал сущность орфографии, не считал бы ее набором скучных и ненужных правил. Важно, чтобы русская орфография предстала перед ним как определенная система, связанная с лексикой, фонетикой, словообразованием и грамматическим строем русского языка.

Студент должен четко представлять отношение алфавита к звуковой системе языка, буквы к звуку, знать, как формировалась наша графика, разбираться в особенностях графических средств, видеть их своеобразие.

Все это необходимо для будущей практической работы, т. к. в школьном курсе русского языка правильному письму закономерно отводится и должно отводиться значительное место.

Учебное пособие охватывает все темы и вопросы, предусмотренные ныне действующей программой по современному русскому языку для педагогических институтов. Помимо этого, излагаются некоторые темы, не вошедшие в программу, но помогающие лучше понять сущность русской графики, особенности орфографии русского языка.

В конце каждого большого раздела помещена дополнительная литература. В ней не приводятся учебники и учебные пособия, а также материалы местных изданий (практически малодоступные для массового читателя).

Рекомендуемая литература может быть использована не полностью: по усмотрению ведущего преподавателя и в соответствии с интересами студента.

При подготовке второго издания автор учел все новые работы по графике и орфографии, появившиеся в последние годы, особенно в связи с деятельностью Комиссии по усовершенствованию русской орфографии, созданной при Отделении литературы и языка АН СССР в 1962 г.

¹ См.: Е. А. Земская. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973; С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., 1969; А. Б. Шапиро. Современный русский язык. Пунктуация. М., 1966; изд. 2-е. М., 1974.

Сохраняя в целом идею первого издания, его построение, автор внес изменения в изложение отдельных вопросов, произвел некоторую композиционную перестройку внутри отделов. Все это было сделано для того, чтобы сделать пособие более четким, ясным, чтобы полнее донести до студента сущность рассматриваемых вопросов.

Помимо этого, во второе издание введено понятие фонемы, без чего в настоящее время невозможно изложение орфографии. Понятие фонемы при анализе нашей орфографии используется не только в научной литературе и вузовских пособиях, но стало применяться и в практике школьного обучения. При этом автор основывается на том понимании фонемы, которого придерживаются последователи Щербовского фонологического направления, или, иначе, Ленинградской фонологической школы.

Автор признателен сотрудникам кафедры русского языка ЛГУ, общению, беседам, а иногда и спорам с которыми помогли более четко изложить многие проблемы в пособии.

Автор приносит благодарность доктору филологических наук П. А. Леканту, ознакомившемуся с переработанным пособием и сделавшему ряд замечаний, позволивших улучшить книгу.

Пользуясь случаем, автор заранее выражает признательность всем тем, кто выскажет критические замечания и пожелания, направленные на дальнейшее усовершенствование руководства.

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА I

ПИСЬМО И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Язык—важнейшее средство человеческого общения. Мы говорим и пишем, чтобы передавать другим людям свои мысли. Слушая и читая, мы узнаем мысли других людей. Устная и письменная формы общения—две формы, два проявления одного и того же языка. Эти две формы речи и сходны и различны. Они сходны своим содержанием: и устная и письменная формы речи передают мысль. Различны же они по средствам выражения и восприятия.

Устная речь—это речь звучащая, она предполагает слушание. Звучающая речь обычно служит для общения между людьми в данное время. Человек, воспринимающий звуковую речь, а тем самым и мысль другого человека, должен слышать своего собеседника, причем обычно и присутствовать здесь же.

Письменная речь—это речь, фиксированная постоянными зрительно воспринимаемыми знаками на бумаге, камне, металле, дереве, коже, ткани или других материалах. „Без письма язык оставался бы лишь мгновенным орудием сообщения. Одно письмо придает прочность летучему слову, побеждает пространство и время. Письмо—необходимое дополнение языка, сильнейший рычаг общезнания, знания... Без него немислимы ни достоверная история, ни наука“¹,—писал акад. Я. К. Грот. И действительно, письменный язык имеет перед языком устным то преимущество, что он сохраняет нам речь

¹ Я. К. Грот. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого донныне, изд. 2. СПб., 1876, с. 92.

надолго и связывает между собой людей не только разных поколений, но и разных веков. С письмом человеческая мысль, человеческие знания приобрели долговечность.

„И хотя в настоящее время созданы могучие технические средства передачи человеческой звучащей речи на любые земные и даже космические расстояния (телефон и радио), средства звукозаписи, позволяющие хранить и воспроизводить человеческую речь в ее, можно сказать, подлинном звучании, но обычное письмо, усиленное печатью, не только не утрачивает своего бывшего значения, но упрочивает и расширяет его. Это потому, что у письма имеются только одному ему присущие особенности и преимущества, среди которых немаловажным является простота использования письма, особенно при чтении; отсутствие необходимости в какой-либо аппаратуре, дополнительной энергии, чтение про себя, не создающее каких-либо помех другим, и т. п.“¹.

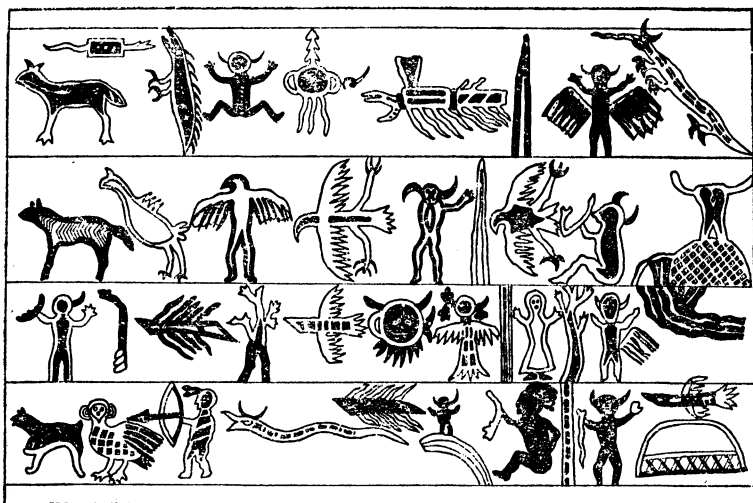
Звуковой язык—это необходимая материальная оболочка нашего мышления, письмо же—это изобретение человека, и такое значительное, что в прошлом создание письма люди приписывали богам. Древние египтяне приписывали создание письма либо Тоту, либо Исиде; вавилоняне—богу Набу́, сыну Мардука, который считался также богом человеческой судьбы. Греческие мифы связывали создание письма с Гермесом и другими богами.

„Без письма не было бы культуры,—так начинается свою книгу „Развитие письма“ известный чешский ученый Ч. Лоукотка.—В наше время оно настолько тесно связано с развитием цивилизации, что мы вообще не можем представить себе цивилизацию без письма; письмо является ее неотъемлемой частью, так как только благодаря ему сохраняются для будущего мысли и достижения человека, плоды настоящего. Письму мы обязаны и сравнительно быстрой эволюцией человечества от начала исторического бытия до наших дней“².

Большинство современных народов передает на письме с помощью условных знаков звучание речи. Однако письменный язык не должен со всей точностью переда-

¹ А. И. Моисеев. Буквы и звуки. О современном русском письме. Л., 1969, с. 17.

² Ч. Лоукотка. Развитие письма. М., 1950, с. 13.

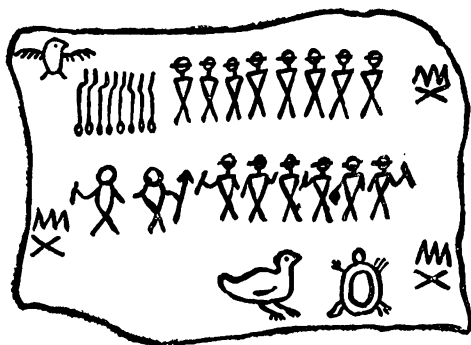
Пиктографическое письмо североамериканских индейцев племени чикева.

вать это звучание. Для письма самое важное—это сохранить содержание мысли и те языковые формы, в которые она облечена. Поэтому не случайно то, что первые попытки письма вовсе не передавали звуковую сторону речи. Человек понял главное: письмо должно передавать мысль.

Письмо началось с рисунка. И лишь позднее человек „узнал“, что и письменную форму речи не только можно, но и удобнее связать со звуковой: больше можно передать, сообщить.

При картинном письме (или пиктографии¹) знаки-рисунки передавали мысль хотя и в конкретных формах, но приблизительно: они скорее на нее лишь намекали. „Рисунок лодки, трех солнц и животных, перевернутых вверх ногами, мог, например, быть средством передачи сообщения об охотничьем путешествии по воде в течение трех дней, в результате которого эти животные были убиты; однако такой рисунок не подразумевал

¹ Буквальный перевод слова „пиктография“—рисуночное письмо, от лат. *pictus*—писанный красками, нарисованный и греч. *gráphō*—пишу.

Идеографическое письмо североамериканских индейцев. Письмо, рассказывающее о походе индейцев.

ни слов, в которых может быть изложено это сообщение, ни даже языка, на котором оно может быть сделано“¹.

Пиктографическое письмо сформировалось в VIII—VI тысячелетиях до н. э., ко времени перехода к неолиту.

Особенно трудно при пиктографическом письме выразить отвлеченные понятия: дружбу изображали линией, соединяющей руки; любовь — стрелой, пронзающей символическое изображение сердца; линия, соединяющая глаза, говорила об общих единых взглядах.

Элементы пиктографии применяются еще и сейчас, например в изобразительной рекламе.

С течением времени рисунки становились отвлеченнее. Вместо того чтобы изображать предмет, рисунок стал лишь условным его знаком, или идеограммой². При идеографическом письме знаки могут не иметь ничего общего с обозначаемым предметом. Идеограмма — это символ, знак понятия.

В настоящее время идеографическое письмо точнее называют письмом логографическим: логограммы обозначают слово³. При этой системе письма, как и при пиктографии, по-прежнему отсутствует связь между нарисованным знаком и его произношением: знаки могут читаться на любом языке.

Идеографическое (логографическое) письмо появляется в эпоху перехода от первобытно-общинного строя к рабо-

¹ И. М. Дьяконов. О письменности (предисловие к кн.: Д. Дириггер. Алфавит, пер. с англ.). М., 1963, с. 7.

² Идеограмма от греч. *idéa* — понятие и *grámma* — запись.

³ Логограмма от греч. *lógos* — слово и *grámma* — запись.

Идеографическое письмо североамериканских индейцев. Обозначение зимы 1858—1859 гг. в „перечне зим“ племени дакота: индейцы племени дакота купили в эту зиму у Джона Ричарда много мексиканских плащей. (В „перечне“ изображен мексиканский плащ.)

владельческому. Причиной возникновения этого, уже систематизированного вида письма считают появившуюся у людей потребность в письменном общении в связи с образованием древнейших государств, развитием городской жизни и торговли. Старейшие из дошедших до нас памятников начальных стадий формирования идеографического (логографического) письма относятся к IV тысячелетию до н. э.

Примерами использования идеографического письма могут служить цифры, знаки четырех арифметических действий: + (знак сложения), — (знак вычитания), × (знак умножения), : (знак деления); черная рамка, в которую заключается фамилия умершего человека, и т. п.

При идеографическом письме нужно запоминать огромное количество условных знаков. Человечество искало поэтому более удобный способ письма и нашло его в звуковом письме, сначала в слоговом, позднее в буквенном.

Слоговые системы письма (когда знаком обозначается целый слог) появляются во II тысячелетии до н. э.

Буквенно-звуковое письмо появляется во второй половине II тысячелетия до н. э., причем сначала с элементами логографии.

Чисто звуковую систему письма впервые создали финикийцы. Древнейшие из дошедших до нас памятники финикийского письма относятся к X—XI векам до н. э.¹

Но, даже будучи связанной со звуковой стороной речи, письменная форма языка все же в какой-то степени отвлекается от звуковой. У тех, кто уже овладел письмом, устанавливаются непосредственные соотношения между написанием и смыслом. Процесс чтения поэтому

¹ Подробные сведения о возникновении и развитии письма см. в кн.: В. А. Истрин. Развитие письма. М., 1961.

может протекать во много раз быстрее, чем процесс слушания.

Исследования последних лет показывают, что речевой аппарат человека в целом значительно быстрее может изменять свое состояние, чем его слуховой аппарат, который регистрирует изменение звучаний, следующих одно за другим в количестве не более 16—20 в секунду¹. Медленность процесса слушания определяется и тем, что сама звучащая речь протекает в определенное время, звуки не могут „наслаиваться“ один на другой. На письме же уже „все сказано“, и только от читающего зависит темп его движения по тексту: он может быть замедленным (например, при особо вдумчивом чтении научной статьи или поразившего нас своей яркостью художественного текста) или, наоборот, стремительно быстрым. Недаром существует выражение „пробежать глазами“ газету, книгу, журнал и т. д.

Указанные особенности письменной формы речи повышают значение письма, значение книг как орудия культуры и источника знаний.

При письме не нужна точность передачи всего многообразия звуков речи, важна лишь передача типичных звуков. Определенное соотношение между письменной и устной формами речи устанавливается на основе национальной алфавита в виде правил правописания (орфографии). И так же, как важна была понятность рисунка при пиктографическом письме, так же, как важна условность знака при логографическом письме, так же важно соблюдение единства национальной орфографии при звуковом письме. Это можно показать на простых примерах. Если мы напишем „возг“, „восг“, „возк“ (вместо *воск*) или „виск“, „вист“, „визк“ (вместо *визг*), мы далеко не сразу пойдем, о каком предмете идет речь, хотя все четыре написания (три неправильные и одно правильное), приведенные на каждое слово, читаются одинаково: только [воск] и только [виск]. Именно так мы произносим слова *воск* и *визг*. На письме же мы их узнаем только в указанных „костюмах“ (*воск* и *визг*). Поэтому

¹ См.: Н. И. Жинкин. Новые данные о работе речевого анализатора в его взаимодействии со слуховым. Сб. „Вопросы психологии мышления и речи“. М., 1956 („Известия АПН РСФСР“, вып. 81), с. 222 и сл.

и не может быть проведен в жизнь принцип: „как ни нопесал фсировно лижбы прачезть“ (в переложении на правильное письмо: „как ни написал—все равно: лишь бы прочесть“). Единообразное грамотное письмо—это орудие культуры, и недаром слово *неграмотный* стало синонимом слова и понятия ‘необразованный’. Писать грамотно—„социально совершенно необходимо и вытекает из очень простых вещей: это, так сказать, мысль о других, потому что безграмотное писание читать трудно, точно едешь в таратайке по мерзлой дороге. Так что писать грамотно требует социальная порядочность, уважение ко времени своего соседа. Надо приучать всякого к этому делу и стараться сделать его не бессмысленным, а осмысленным...“¹.

Чтобы хорошо владеть русским письмом и правильно судить о нем, чтобы умело, т. е. с наименьшей затратой времени и с максимальным успехом преподавать орфографию, нужно знать историю и теорию русского правописания. Русское, как и всякое другое правописание, строится на основе национального алфавита и национальной графики. Курс теории русского письма в зависимости от этого естественно распадается на две части: графику и орфографию.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Добиа ш-Рождественская О. А. История письма в средние века. М.—Л., 1936.

Дирингер Д. Алфавит, пер. с англ. М., 1963.

Истрии В. А. Возникновение и развитие письма. М., 1965.

Лоукотка Ч. Развитие письма, пер. с чешск. М., 1950.

¹ Л. В. Щерба. Основные принципы орфографии и их социальное значение (1926). В кн.: Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 49.

ГЛАВА II

ВАЖНЕЙШИЕ ТРУДЫ ПО ТЕОРИИ И ИСТОРИИ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

Уже в ранних грамматиках встречаются различного рода орфографические указания и даже правила. Находим в них и некоторые общие суждения об орфографии, однако какой-либо развернутой орфографической теории в них не давалось.

Первым теоретическим трудом по орфографии можно считать трактат Василия Кирилловича Тредиаковского (1703—1769) „Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и всем, что принадлежит к сей материи“, вышедший в 1748 г. в Санкт-Петербурге¹.

По своему содержанию трактат распадается на три части. В первой дается описание старой, т. е. церковнославянской, орфографии. Во второй части Тредиаковский выдвигает ряд теоретических принципов, на основе которых он анализирует и критикует церковнославянскую орфографию. В третьей части он представляет новую, рекомендуемую им орфографию, которая логически вытекает из принципов, им выведенных. Новая орфография описывается Тредиаковским параллельно с анализом физиологии звуков речи и фонетической системы русского языка.

Интересно отметить, что трактат написан В. Тредиаковским по предлагаемой им орфографии.

¹ „Разговор ...“ Тредиаковского в отрывках напечатан в „Хрестоматии по истории русского языка“, составленной С. П. Обнорским и С. Г. Бархударовым, ч. 2, вып. 2 (М., 1948, с. 169—195).

В основу своего рассуждения Тредиаковский положил одиннадцать руководящих принципов (или, по Тредиаковскому, „оснований“). Важнейшие из них следующие:

1) Каждый знак алфавита должен обладать своим собственным, ему одному принадлежащим значением, которым он должен отличаться от всех других знаков (*основание I*).

2) В алфавите не должно быть лишних букв, т. е. таких, функции которых дублируются другими знаками (*основание II*).

3) В орфографии не должно быть „связных“ букв, т. е. таких, которыми обозначается сочетание двух звуков и которые поэтому заменимы сочетанием соответствующих двух знаков, как например буквы ξ (кси), Ψ (пси), ψ (шч) (*основание III*).

4) Прописной и строчной варианты каждой буквы должны иметь одинаковую графическую форму (*основание VI*).

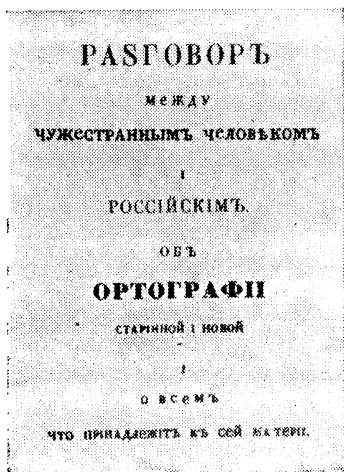
5) Русская орфография должна следовать собственной природе русского языка и не считать для себя обязательными правила орфографии других языков (*основание X*).

6) Новая русская азбука должна, сколько возможно ближе, походить своим внешним видом на латинскую, а не на греческую, так как именно ради этой цели она и была изобретена и введена в жизнь Петром I (*основание XI*).

К его общему принципу о том, что в орфографии ничего не должно быть лишнего, восходят не только его требования об исключении лишних букв, но и требования об исключении из русской орфографии знаков придыхания, ударения и титлов (*основания VII, VIII и IX*). Тредиаковский настаивает на постановке знаков ударения только в случаях наличия графических омономов, например: *зна́ком* и *знако́м*. Основания IV и V касаются букв *й*, *ѿ* и *ь*. Тредиаковский считает, что *ѿ* для рус-

Тредиаковский Василий
Кириллович
(1703—1769).

Титульный лист книги
В. К. Тредиаковского.

ского письма, в сущности, не нужен (он считает его полезным лишь в функции отделения (*объявить*)).

Разумность требований, предъявляемых В. К. Тредиаковским к алфавиту, подтвердила жизнь. Состав нашего современного алфавита почти полностью совпадает с требованиями В. К. Тредиаковского.

Основное теоретическое положение в области орфографии сформулировано В. К. Тредиаковским следующим образом: „...так писать надлежит, как звон требует“. Он не считает необходимым „хранить ... характеристиче-

ские (знаменательные) буквы“, т. е. писать *сладкий* с *д*, а не с *т* (так как *сладость* имеет характеристическую букву в середине—*д*), как это принято в церковнославянской орфографии. „Что мне нужды, — пишет Тредиаковский, — что произведения корень виден не будет?“ „Старается ли о корнях все общество пишущих?“ Таким образом, Тредиаковский провозглашает фонетический принцип орфографии¹, хотя в своей собственной орфографии он соблюдал отражение „звон“ только для согласных, а гласные писал „по кореню“.

Трактат Тредиаковского, так как он написан особой орфографией и очень устарел по языку, трудно читать; есть в его книге ошибки и недоразумения, объяснимые уровнем языковедческой науки того времени, но это орфографическое исследование сыграло свою роль в возбуждении внимания к теории русской орфографии. В наши дни трактат представляет собой исторический интерес. Причем не потеряли своей остроты и теоретические рассуждения В. К. Тредиаковского.

Хорошо понял важность орфографии Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765). Рассуждение об

¹ О фонетическом принципе орфографии см. ниже, с. 170 и след.

орфографии и основные правила правописания М. В. Ломоносов включил в свою „Российскую грамматику“ (1755).

В специальной главе „О правописании“ Ломоносов пишет:

„В правописании наблюдать надлежит, 1) чтобы оно служило к удобному чтению каждому знающему российской грамоте, 2) чтобы не отходило далече от главных российских диалектов, которые суть три: московский, северный, украинский, 3) чтобы не удалялось много от чистого выговору, 4) чтобы не закрывались совсем следы произвождения и сложения речений“ (§ 112).

Необычайно важно то, что в первом пункте своей формулы, характеризующей орфографические начала, Ломоносов подчеркивает социальное и практическое значение правописания, а именно то, что оно должно служить „к удобному чтению каждому знающему российской грамоте“: не избранным, а каждому знающему российской грамоте! Во втором пункте подчеркивается необходимость общенародности (наддиалектности) русской орфографии.

Хотя Ломоносов и не дал развернутой теории правописания, в приведенных формулировках сжато выражено все существенное для русской орфографии: четко сказано и о тех основаниях, на которых должно строиться русское правописание: фонетическом („чтобы не удалялось много от чистого выговору“), словопроизводственном, или морфологическом (более точным для определения, данного самим Ломоносовым, является термин „словопроизводственный“). Но характерно, что при изложении конкретных правил правописания Ломоносов на первое место по важности ставит не сохранение следов „произвождения речений“ (словопроизводство), а легкость, или удобство, чтения: „Слитные предлоги должны в сложении удерживать свои прежние гласные, невзирая

Ломоносов Михаил
Васильевич
(1711—1765).

па мягкость (по современной терминологии — звонкость. — В. И.) или твердость (глухость. — В. И.) следующих согласных. Посему должно писать: *втекаю, обхожу, подпираю, отдыхаю*, а не так, как выговариваются и как для того некоторые в правописании требуют: *фтекаю, опхожу, потпираю, оддыхаю*, что весьма странно и противно способности легкого чтения и распознавания сложных от простых“ (§ 126). Сейчас мы можем сказать, что Ломоносову казалось важным для легкости чтения графическое единообразие морфем.

Конкретные правила Ломоносова хорошо предваряют важнейшее положение морфологического принципа правописания¹, а именно то, что выбор букв для обозначения звуков слабых позиций² определяется буквами, передающими звуки сильных позиций: „При выключении самогласная (т. е. гласных. — В. И.) из какого речения стоящая перед нею мягкая произношением ожесточается, однако для § 101 должна быть мягкая оставлена, например, *легок, легка*, а не *лехка*; *сладок, сладка*, а не *слатка*“ (§ 128).

Дальнейшая теоретическая и практическая разработка орфографических вопросов пошла по пути, намеченному Ломоносовым. В этом и состоит значение орфографической части его „Российской грамматики“.

Впервые установив общие принципы русского правописания, Ломоносов выработал и некоторые частные правила. Эти правила совершенствовались и дополнялись в работах его последователей: Василия Прокофьевича Светова (1744—1783), издавшего в 1773г. „Опыт нового российского правописания, утвержденный на правила Российской грамматики и в лучших примерах российских писателей“, и Антона Алексеевича Барсова (1730—1791), автора известного в то время учебника „Краткие правила российской грамматики“. Даже в изданной А. А. Барсовым „Азбуке“ много проектов нововведений, о которых долгие годы спорили филологи, например об уничтожении **ѳ** и **ѷ**.

„Словопроизводный“ принцип правописания, выдвинутый Ломоносовым, был окончательно утвержден в „Рос-

¹ О морфологическом принципе правописания см. ниже, с. 141.

² О слабых и сильных позициях см. ниже, с. 135, 143, 148.

сийской грамматике“, изданной Российской Академией (1802 г., а также 1809 г., 1819 г.).

Однако ни Ломоносов, ни последующие грамматисты (А. Х. Востоков, Н. И. Греч, И. И. Давыдов, Ф. И. Буслаев и др.) не дали более или менее полного свода орфографических правил. Не могли они обосновать и многие принятые написания, а также объяснить многочисленные колебания в орфографии. Для этого нужно было предпринять специальное исследование.

Такое исследование было осуществлено Яковом Карловичем Гротом (1812—1893).

Исследование Я. К. Грота „Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого донныне“ (СПб., 1873), посвященное истории и теории русского правописания, не утратило своего познавательного значения и в настоящее время.

Задача, которую поставил перед собой Грот, была сформулирована им очень скромно: „Цель настоящего труда заключается вовсе не в каких-либо нововведениях и даже не в окончательном решении всех спорных вопросов нашего правописания (такая задача была бы слишком смела), а в том только, чтобы историческим путем уяснить мыслящему читателю настоящее состояние русской орфографии и способствовать к большему единообразию письма“¹. И эта задача была им выполнена.

В книге Я. К. Грота рассказывается о принципах правописания, о их применении в письме разных народов, дается характеристика современной Гроту орфографии. Показывая, что в современной ему орфографии нет единообразия, Грот считает справедливым всеобщее требование разумно установленного единообразного правописания и повторяет слова Сумарокова:

Грот Яков Карлович
(1812—1893).

¹ Я. К. Грот. Спорные вопросы русского правописания от Петра великого донныне. СПб., 1873, с. 14.

„...правописание должно быть общее и по естеству дела, и по существу слова“ (стр. 12).

Ведущим принципом нашего правописания Грот считает этимологический¹, который разумно сочетается с фонетическими написаниями. Этимологический принцип, по Гроту, целесообразен тем, что помогает добиться единообразного написания слов, различать на письме омонимы устной речи, и тем, что создает наддиалектное письмо.

Грот подробно рассказывает о введении в России гражданской грамоты, об орфографических воззрениях Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, о роли в орфографической практике Карамзина, Греча, Востокова, Павского, Срезневского, Буслаева, о попытках изменить наше письмо. При описании этих попыток Грот дает их критический анализ, изобретательно привлекая для критики тексты самих авторов.

Существенно отметить, что, рассуждая о составе русского алфавита, Грот приходит к выводу о ненужности дублетных букв, а также буквы **ѣ** (стр. 79—86).

Во второй части книги подверглись подробному рассмотрению все основные спорные и трудные случаи русского правописания.

Рассматривая спорные вопросы как с исторической, так и с теоретической стороны, Грот во многих случаях находил правильные решения. Многие написания, предложенные Гротом, до сих пор сохраняются. В частности, по его настоянию не употребляется этимологический **ѣ** в словах типа *суметь*, *сыграть* и т. п. (до Грота писали *сѹмѣть*, *сѣиграть* и т. п.), сделал он и первый шаг по отходу от церковных написаний прилагательных на **-аго**: ввел окончание **-ого** для тех прилагательных, у которых окончание **-ой** находилось под ударением (*худѡй*, *худѡго*) и нек. др.

„...Своим выдающимся трудом Грот положил конец тому периоду в развитии русской орфографии, который можно назвать периодом поисков, периодом отбора лучших способов написаний, периодом господства индивидуальных орфографий, правда, с небольшими расхождениями, но всё же с расхождениями, основанными на

¹ Этимологическим Я. К. Грот называет морфологический принцип.

произволе пишущего. С этого момента идет постепенное свертывание разнобоя и неуклонное внедрение единообразия в русской письменности¹.

Значительную веху в истории развития орфографических идей представляет работа Александра Ивановича Томсона (1860—1935) „К теории правописания и методологии преподавания в связи с проектированным упрощением русского правописания“ (Одесса, 1903)².

В этом труде, явившемся откликом на проекты упрощения русского правописания, А. И. Томсон особое внимание уделил теоретической стороне вопроса. Его взгляды на характер русской орфографии, на то, какой принцип лежит в ее основе и чем он целесообразен, сохраняют свое наиактуальнейшее значение и для наших дней.

А. И. Томсон сначала дает развернутую и аргументированную критику предложения перейти на фонетическое правописание (имея в виду идеи Р. Ф. Брандта), затем формулирует основной принцип русской орфографии как морфологический, считая, что „единицей письма“ у нас являются „начертания морфологических частей“.

Употребляя вместо термина „морфема“ (что он специально оговаривает) термин Ф. Ф. Фортунатова „морфологическая принадлежность слова“ (а также, по практическим соображениям, термин „морфологическая часть слова“), А. И. Томсон всячески подчеркивает, что эти части всегда присутствуют в сознании носи-

Томсон Александр
Иванович
(1860—1935).

¹ Е. П. Щенников. Значение трудов Я. К. Грота в истории русского правописания. Автореферат канд. дис. Куйбышев, 1956, с. 14.

² Эта обширная монография была перепечатана в сборнике „Летопись историко-филологического общества при императорском Новороссийском университете“ (Одесса, 1904, с. 75—242).

телей языка и что именно этими частями удобнее всего и писать и читать.

Обращая внимание на то, что пишущий анализирует слова по их составу, А. И. Томсон подчеркивает, что эта осознанность частей слов даже не приобретает посредством грамматических упражнений, как иногда думают: „...у всякого неграмотного русского человека морфологические принадлежности ассоциированы в группы несколько не хуже, а обыкновенно лучше, чем у грамотного. Это доказывается так называемыми образованиями по аналогии в языке.

Как отдельные слова выделяются говорящими бессознательно из предложений, так в самих словах выделяются морфологические принадлежности их, вследствие ассоциации по сходству между одинаковыми по звукам и значениям частями слов. Вырабатываются абстрактные принадлежности слов с абстрактными значениями“ (стр. 32—33). „Если... напр., в слове *беленького* звуковой комплекс (формальная принадлежность) *-еньк-* вносит известные признаки в значение основной звуковой принадлежности *-бел-*, а окончание (формальная принадлежность) *-ого* определяет известные синтаксические функции данного слова, и если эти же принадлежности встречаются и в других словах в подобных же функциях (*белый, белить; красенький; доброго* и пр.), то они по психической необходимости обособляются и являются в абстрагирующей бессознательной деятельности души нашей звуковыми представителями известных элементов значений слов, т. е. морфологическими принадлежностями слов.

Не имею, конечно, здесь в виду какого-либо искусственного анализа слов, по данным словопроизводства или истории, а лишь те морфологические части слов, которые фактически существуют в душе всякого индивидуума, владеющего русским языком“ (стр. 34).

„Так как отдельные морфологические принадлежности слов встречаются чаще, чем целые слова, содержащие их, то понятно, что наиболее прочно в зрительных воспоминаниях запечатлеваются, как единицы, начертания морфологических принадлежностей слов“ (стр. 36).

Объяснение морфологического правописания носит у А. И. Томсона не отвлеченно-психологический характер, а именно практический. „Следовательно,—пи-

шет А. И. Томсон, — на практике действие тех факторов, которыми обуславливается существование морфологического писания, сказывается в том, что пишущий напишет в данном слове его морфологические принадлежности так, как он привык писать эти же принадлежности в других сочетаниях морфологических принадлежностей (в других словах)“ (стр. 38).

Но во взглядах А. И. Томсона наблюдаем все же и значительные отступления от требований практичности общепринятого письма. Так, он высказывался за сохранение дублетных букв на случай, если они еще понадобятся, считал целесообразным и употребление буквы **ѣ** на конце слов.

Непрактичность этих взглядов доказала и теория и практика нашего письма, но по-прежнему остаются ценными идеи морфологического правописания, высказанные А. И. Томсоном. Эти идеи были приняты, в частности, Дмитрием Николаевичем Ушаковым (1873—1942).

В 1911 г. Д. Н. Ушаков написал научно-популярную брошюру, имевшую большое значение, „Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе“ (2-е издание этой брошюры в 1917 г.).

Очерк Д. Н. Ушакова „Русское правописание“ является, по словам самого автора, „общедоступным изложением теоретических основ“¹ русского правописания. Теоретическое изложение основ правописания Д. Н. Ушаков считал необходимым, так как „постоянно встречающийся у нас в образованном обществе недостаток

Ушаков Дмитрий
Николаевич
(1873—1942).

¹ Д. Н. Ушаков. Русское правописание... Предисловие к 1-му изданию. М., 1911.

известных теоретических сведений"¹ мешает правильному отношению как к вопросам реформирования письма, так и к вопросам методики обучения ему.

В первых, очень небольших главах этого очерка (I, II, III) дается понятие о специфике письменной формы речи, о фонетической транскрипции, о физиологии звуков речи. Четвертая, обширная глава „Отношение русского письма к русскому языку“ посвящена центральному вопросу письма—соотношению звуков русского языка и букв. Звуковой состав русского языка раскрыт автором со значительной полнотой, о соотношении звуков и букв рассказано доступно и интересно. В этой же главе толкуются не только вопросы графики, но и орфографии. Глава заканчивается сводом звуковых значений букв.

В главе VI изложены главнейшие факты истории русского правописания. В главе VII раскрыт характер современной Д. Н. Ушакову (дореформенной) орфографии. Д. Н. Ушаков выделяет в нашем письме этимологические, фонетические и искусственные (на основе принципа полной условности) написания. Ведущим принципом русского правописания Д. Н. Ушаков считает этимологический (словопроизводственный)².

Очень важной для понимания сущности письма вообще и особенно для понимания сущности русского письма с его ведущим этимологическим (морфологическим) принципом орфографии является глава VIII „Процессы чтения и письма и обучение правописанию“. Д. Н. Ушаков считает глубоко различными способы чтения и письма у грамотных и у обучающихся письму и чтению людей: „...грамотный при чтении вовсе не читает подряд букву за буквой, а схватывает общий образ слова...“, „...прочный зрительный образ слова, гарантирующий правильное писание, разлагается именно не на буквы, а на иные части. Слова дробятся у нас при письме и чтении на известные составные части, соответственно своему значению, а значения слов слагаются из значений корней, суффиксов, окончаний, при-

¹ Д. Н. Ушаков. Русское правописание... Предисловие к 1-му изданию. М., 1911.

² Этимологическим (словопроизводственным) Д. Н. Ушаков называет морфологический принцип правописания.

ставок. Мы пишем и читаем не по буквам, не по словам, а именно по основным частям слов... Не звуки языка вступают в соотношение с буквами, а составные части слов языка — с зрительными образами этих частей. Эти части повторяются в разных словах (иначе говорящий и не сознавал их в своем языке). Вот почему для усвоения письма и для чтения легче, если эти одинаковые части пишутся одинаково..." (стр. 79—81).

В главах IX и X оцениваются сравнительные достоинства различных принципов правописания для проведения на основе одного из них обсуждавшейся в то время реформы, излагается история создания проекта реформированного правописания и сам проект, даются комментарии к нему. Кроме того, Д. Н. Ушаков критически разбирает соображения противников реформированного правописания и в заключение для наглядности дает образцы текстов, написанных в соответствии с разными принципами орфографии.

Очерк Д. Н. Ушакова, написанный просто, живо и полемически страстно, весьма интересен и для современного читателя.

Идеи морфологического правописания находим и в вышедшей также в 1912 г. книге Ивана Алексеевича Бодуэна де Куртенэ (1845—1929) „Об отношении русского письма к русскому языку“ (СПб., 1912).

В книге дается анализ соотношения письменной и звуковой форм речи, или, как пишет Бодуэн де Куртенэ, соотношения „писанно-зрительных и произносительно-слуховых представлений“. В этой работе впервые в русской науке поставлена проблема взаимоотношения букв и фонем (именно фонем!) русского языка. Этому вопросу посвящена большая часть книги.

Отношения между письмом и языком Бодуэн де Куртенэ последовательно рассмотрел в трех выделенных им следующим образом частях: алфавит, графика, орфография. Среди специфических единиц письменной речи у него отмечены графема, написанное слово, написанное предложение, и при этом отчетливо показано несоответствие этих письменных единиц с соответствующими единицами языка произносимого.

Бодуэн де Куртенэ дает подробное описание „внешней“ стороны русского письма (начертаний букв), излагает историю отдельных элементов русского алфавита

Бодуэн де Куртенэ Иван
Александрович
(1845—1929).

в связи с алфавитом древне-церковнославянским, детально освещает соотношения букв и звуков.

В разделе, посвященном орфографии, очень важным является определение морфологического принципа русского правописания: „Способ писания слов не по одному, только их произношению, то есть не на основании ассоциации писанно-зрительных представлений с одними только произносительно-слуховыми представлениями, но принимая в соображение также ассоциации с представлениями морфологического родства в данном состоянии языкового мышления, такой способ называется обыкновенно этимологическим принципом правописа-

ния“ (стр. 82). Сохраняя это традиционное название (гровтовское) для основного принципа русского правописания, Бодуэн де Куртенэ употребляет и более точное название — „морфологический принцип“. Он пишет: „Отделение морфем... достигается на письме с помощью морфологического принципа правописания, или писания на основании морфологической ассимиляции: *водка, просьба...* а не *вотка, прозьба...* и т. п.“ (стр. 86—87). В отношении термина „этимологический принцип“ Бодуэн де Куртенэ сам замечает, что этимологический принцип в „обширном смысле этого слова вмещает в себе“ и написания исторические, „соответствующие прежнему составу слов... например, *второй, вторник...*“ (стр. 82—83).

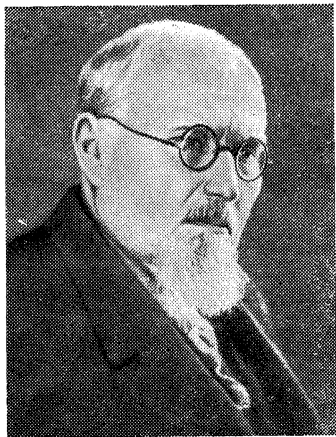
Отмечая полноту изложения теории русского письма в книге Бодуэна де Куртенэ, а также то, что она была специально предназначена для учительства, Л. В. Щерба писал: „Книжечку эту... конечно, хорошо бы переиздать, так как она несколько не потеряла своей актуальности“. В настоящее время в небольших извлечениях это иссле-

дование опубликовано во 2-м томе избранных работ Бодуэна де Куртенэ¹.

Много внимания вопросам теории, истории и методики правописания уделял Василий Ильич Чернышев (1867—1949). Особо должны быть отмечены его книги „Упрощение русского правописания“ (изд. 1, СПб., 1904; изд. 2, дополненное, СПб., 1912; изд. 3, Тверь, 1913), состоящая из двух частей: I. Современное состояние русского правописания. II. Исторический очерк вопроса о его упрощении; „Письма о старой и новой орфографии“ (СПб., 1904); „Обучение русскому правописанию (Дидактика как основа методики правописания. Диктовка. Списывание. Составление примеров на правила правописания)“ (1910).

В. И. Чернышев подробно описал в обзоре „Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов — реформаторы русского правописания. (По материалам архива Академии наук и личным воспоминаниям)“² деятельность Комиссии по вопросу о русском правописании, созданной Академией наук в 1904 г. Как известно, именно эта Комиссия подготовила материалы, которые в дальнейшем легли в основу реформы русской орфографии, проведенной в 1917—1918 гг. В. И. Чернышев, активно участвовавший в деятельности Комиссии, подробно, основываясь на документах, описал все этапы и перипетии борьбы за введение новой орфографии. Обзор особенно ценен обилием фактического материала, архивных документов.

Крупный вклад в теорию русской орфографии внес выдающийся советский ученый Лев Владимирович

Чернышев Василий Ильич
(1867—1949).

¹ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. II. М., 1963, с. 209—236.

² См.: В. И. Чернышев. Избранные труды. М., 1970, т. II, с. 557—652.

Щерба Лев Владимирович
(1880—1944)

Щерба (1880—1944), который в течение своей научной деятельности неоднократно обращался к вопросам русского правописания.

Хотя он и не успел завершить начатый в последние годы жизни обобщающий труд „Теория русского письма“, но даже в посмертно опубликованных отрывках из этой книги¹ Л. В. Щерба предстает перед нами как большой теоретик русского правописания. Он поставил и осветил такие важные теоретические вопросы, как вопрос о семантизации звуковых различий, вопрос о разных стилях произношения (применительно к пись-

му), вопрос об отношении орфоэпии к орфографии. Применительно к письму рассмотрены также слоговое строение, словесное ударение, длительность отдельных звуков. Опубликованная часть работы заканчивается рассмотрением звукового состава русского литературного языка в его соотношении с графическими средствами. Книга Л. В. Щербы, по всей видимости, была задумана как продолжение и углубление книги И. А. Бодуэна де Куртенэ „Об отношении русского письма к русскому языку“. Несмотря на то что написанное Л. В. Щербой составляет лишь небольшую часть задуманного, опубликованные материалы значительно обогащают теорию русского правописания.

Теоретическими и практическими вопросами русской орфографии занимался Александр Николаевич Гвоздев (1892—1959), автор многочисленных и разнообразных работ по русистике.

Из его работ по правописанию особенно известны и значительны две: „Основы русской орфографии“ (4-е изд.

¹ См.: Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 144—179.

М., 1954¹) и „Об основах русского правописания. В защиту морфологического принципа русской орфографии“ (М., 1960)².

А. Н. Гвоздев считал, что „только широкое понимание общего характера нашего правописания дает возможность учителю точно ставить конкретные задачи по проработке отдельных орфографических тем, предвидеть имеющиеся трудности, осознать причины разнообразных ошибок, допускаемых учащимися, и находить меры к их предупреждению и исправлению“. Раскрытию этого общего характера нашего правописания и посвящена работа „Основы русской орфографии“, в которой излагаются не только основы орфографии, но и основы русской графики; раскрывается соотношение правописания и произношения, отношение различных видов написаний к морфологическому строю языка. В работе четко определяются принципы, на которых построена русская орфография, причем объем понятия орфографии не ограничен только звуко-буквенной ее стороной: в нее включено и раздельное написание слов, и употребление прописных букв.

Для методики преподавания орфографии особенно ценной является глава „Отношение русской орфографии к произношению“. Вопрос об определмости (обусловленности) и неопределимости (необусловленности) произношением и сейчас еще часто смешивают с вопросом о совпадении и несовпадении с произношением. Поэтому четкое разделение написаний на фонетические и нефо-

Гвоздев Александр
Николаевич
(1892—1959).

¹ Первое издание „Основ русской орфографии“ относится к 1947 г.

² Обе названные работы вошли в сборник: А. Н. Гвоздев. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963, с. 27—85 и с. 213—251.

нетические и более глубокая, детализирующая эти ряды классификация написаний с выделением опорных, косвенно проверяемых произношением и беспроверочных написаний—все это не потеряло своей значимости.

В работе освещен вопрос о связи теории орфографии с фонологией.

Более детально эта проблема разработана в специальной брошюре А. Н. Гвоздева „Об основах русского правописания. В защиту морфологического принципа“, вышедшей в свет посмертно. Написание брошюры было необходимо, так как существование теории о фонематическом характере русского правописания, покоящейся на трактовке фонем, разработанной московскими фонологами,¹ широким кругам учителей оставалось неясным. Нужно было рассмотреть теоретическую обоснованность и практическую целесообразность этой теории. С этой целью в брошюре дается экскурс в историю орфографии. Автор показывает, что морфологический характер русской орфографии был отмечен еще в XVIII в., что на морфологической основе были созданы правила правописания и что признание морфологического характера русского правописания постепенно распространялось в методике.

Но не только то, что морфологический принцип был выдвинут раньше фонематического, является важным для его признания в качестве теоретической основы русского правописания в наше время. Фонемный принцип мог существовать и объективно, как, например, существовала проза до того, как ее сумели назвать прозой. Для того чтобы доказать, что в наиболее важных для орфографии отношениях морфологический принцип имеет явные преимущества перед фонематическим и что его следует считать основой нашего правописания в соответствии с прочно установившимися в науке взглядами, автор приводит тщательное сравнение различий морфологического и фонематического принципов орфографии применительно к конкретным вопросам русского правописания, показывая, что морфологический принцип имеет практический уклон, он возник и развивался в контакте с методикой орфографии, в то время как фонематический принцип имеет более отвлеченный

¹ Эта теория была разработана в 30-е годы XX в. (Р. И. Аванесовым, В. Н. Сидоровым.) Подробнее см. ниже, с. 231 и след.

теоретический характер: он часто поднимает такие вопросы, решение которых не требуется практикой. Таковы конечные выводы А. Н. Гвоздева.

Важное значение в теоретической разработке русского правописания имеет фундаментальное исследование Абрама Борисовича Шапиро „Русское правописание“, вышедшее двумя изданиями¹.

Книга А. Б. Шапиро является самым обширным трудом по теории русской орфографии, написанным после исследования Я. К. Грота. К тому же и выполнена она в духе „Спорных вопросов...“ Я. К. Грота, так как в ней излагается не только теория правописания, но дан также и систематический обзор правил с историческими комментариями к ним. После обобщающего труда Я. К. Грота такого обзора правил не было.

Второе издание книги отличается от первого тем, что оно значительно расширено: в него введен раздел о русской пунктуации, добавлено небольшое приложение об орфографических словарях и приемах пользования ими, увеличено также количество исторических справок и пояснений. Комментарии к действующим орфографическим правилам во втором издании приобрели большую критическую заостренность. К сожалению, во второе издание не включен весьма полезный „Краткий очерк истории русского правописания“, написанный Н. С. Рождественским. Он имеется только в первом издании. Общее же содержание и направленность книги во втором издании сохраняются. Книга содержит сведения о физиологии русских звуков, очерк их системы, дает общее описание русской графики в ее отношении к системе звуков русского литературного языка. Но более полной, ценной и интересной является орфографическая часть работы. В ней дается характеристика современной русской орфографии и очень подробный комментарий ко всем общим и частным случаям нашего правописания.

Кроме указанной выше работы по русской орфографии А. Б. Шапиро, вышло в свет в 1955 г. очень интересное и полезное исследование Михаила Николаевича Петерсона (1885—1962) „Система русского

¹ А. Б. Шапиро. Русское правописание. М., 1951; изд. 2, переработ. М., 1961.

правописания"¹. Эта книга значительно отличается от всех исследований по русскому правописанию, вышедших ранее. Автор из десяти связанных текстов известных русских писателей брал отрезок в 1000 печатных знаков, рассмотрев, таким образом, 10000 печатных знаков. На этом материале он тщательно прослеживает соотношение написаний с произношением, устанавливая употребительность отдельных написаний и употребительность отдельных звуков. Все наблюдения сопровождаются цифровыми и процентными подсчетами.

Выделив два разряда написаний—соответствующие и не соответствующие произношению,— автор подробно останавливается на последних. Они разбиты на две группы: написания, опирающиеся на морфологические соотношения, и написания, не опирающиеся на морфологические соотношения. Наибольшее внимание автор уделил анализу написаний, опирающихся на морфологические соотношения.

Материал, приведенный М. Н. Петерсоном, может быть использован для самых различных справок, так как он необычайно конкретен.

Кропотливая работа, проделанная автором, еще раз подтвердила морфологичность русского правописания.

„На основании фактического материала,— пишет он в предисловии,— доказывается, что русское правописание не беспорядочное сплетение множества правил и не меньшего количества исключений, а стройная система, в которой царит один принцип—единообразное написание морфологических элементов слова—основ, приставок, суффиксов и окончаний“.

Вопроса не звуко-буквенной стороны правописания М. Н. Петерсон касается лишь вскользь. Он посвятил три страницы текста лишь слитному и отдельному написанию слов.

Недостатком книги М. Н. Петерсона является то, что он, говоря о написаниях, соответствующих произношению², ставит в один ряд написания, прямо определяе-

¹ См.: М. Н. Петерсон. Система русского правописания. М., 1955.

² О написаниях, соответствующих и не соответствующих произношению, а также о написаниях, определяемых и не определяемых произношением, см. ниже, с. 191 и след.

мые произношением (такие, как, например, *з о л о т а я, лом, клич, твой, море*) и косвенно определяемые произношением (*суп, шапка, резьба, трава*). Если в написаниях, прямо определяемых произношением, нельзя сделать ошибки, то в написаниях, хотя бы и соответствующих произношению, но определяемых произношением лишь косвенно, можно сделать ошибку. В этом отношении они смыкаются с написаниями, косвенно определяемыми произношением, нефонетическими (не соответствующими произношению) и требуют таких же морфологических сопоставлений, какие сделаны М. Н. Петерсоном для последнего типа написаний. Между тем такого анализа косвенно проверяемых фонетических написаний книга М. Н. Петерсона не содержит.

Все перечисленные выше ученые внесли большой вклад в разработку теории нашего письма. Их труды помогли выяснить те принципы, которые лежат в основе русской орфографии.

Следует назвать и некоторые методические работы, смыкающиеся с теорией орфографии. Здесь прежде всего должны быть названы работы М. В. Ушакова и Н. С. Рождественского. Оба ученых в своих работах опирались на свойства самой орфографии.

Многочисленные работы Матвея Васильевича Ушакова (1898—1967) в области русской орфографии были объединены им в книги по методике русского языка. Наиболее значительная из них — „Методика правописания“ (изд. 4, переработ. и доп., М., 1959; первым изданием книга вышла в 1936 г.).

Исходной позицией автора служит положение, что „орфография как общепринятая система письменного оформления мыслей зависит от языка, отражая его закономерности“ (стр. 3). Именно поэтому методические рекомендации М. В. Ушакова вытекают из характера анализируемых здесь же правил орфографии, обусловленных, в свою очередь, особенностями русского языка. При рассмотрении орфографических правил автор привлекает значительный (или, во всяком случае, наиболее показательный) языковой материал, охватываемый этими правилами. Очень ценно также то, что в книге все время обращается внимание на соотнесенность тех или иных орфограмм с произношением; в основу этого рассмотрения положена разработанная автором

(еще в 30-е годы) и широко принятая в науке система определяемых и неопределяемых произношением написаний.

Книга М. В. Ушакова вооружает учителя конкретными знаниями по изучаемому в школе орфографическому материалу и, что важнее, способствует пониманию самого существа действующих орфографических правил.

Из работ Николая Сергеевича Рождественского по методике, истории и теории правописания наиболее значительны: „Обучение орфографии в начальной школе“ (изд. 2, переработ., М., 1960), „Свойства русского правописания как основа методики его преподавания“ (М., 1960), „Очерки по истории методики начального обучения правописанию“ (М., 1961).

Все три работы тесно связаны между собой. Изучение истории методики и анализ сложившейся методической традиции в области изучения правописания привели автора к выводу, что в основу методики орфографии должны быть положены свойства самой орфографии. В первой книге эти свойства намечены, вторая книга специально им посвящена.

В книге „Обучение орфографии в начальной школе“ автор показывает, что нельзя относиться нерасчлненно к методам и приемам обучения орфографии, что успешно научить орфографии можно, только применяя различные приемы: и изучение правил, и грамматический разбор, соотносясь при этом с классом и проходимой темой.

Своеобразное введение составили разделы, где излагаются сведения об алфавите, графике, принципах орфографии, слитных и отдельных написаниях, переносе слов и прописных буквах.

Именно этот материал расширен и углублен в книге „Свойства русского правописания...“.

Эта работа состоит из четырех частей. В первой рассмотрены общие вопросы о языке и его письменной форме. Во второй части русское правописание характеризуется в его отношении к фонетической системе русского языка, в третьей — в отношении к грамматическому строю русского языка, причем на первый план выдвинут морфологический характер русской орфографии и важность обучения правописанию на основе изучения грамматики. В четвертой части выясняется отношение орфо-

графии к лексике и семантике (дифференциация лексических значений средствами орфографии, традиционные элементы в русской орфографии и др.).

В книге разрешаются вопросы о сущности орфографических явлений, о принципах, лежащих в основе той или иной области правописания.

Это исследование не является узкометодическим. Приводимые в книге методические указания естественно вытекают из наблюдений автора над особенностями русского правописания.

Основное содержание книги „Очерки по истории методики...“ составило изложение методических идей главным образом дореволюционных методистов и методистов первого периода после Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1933).

Автор характеризует в основном методические идеи, которые относятся к начальной школе, однако поскольку методика преподавания русского языка, и в частности правописания, долгое время не была дифференцированной, то в книге затронуты и методические труды, имеющие в виду среднюю школу.

Историческое освещение вопросов методики важно потому, что может подсказать научное решение и современных проблем методики правописания.

В советский период в разработке теории орфографии в связи с приближением теории к практическим вопросам жизни наметились и новые направления. Одним из достижений современной методики преподавания орфографии является дифференцированный подход к учащимся, живущим в разных языковых условиях. Общетеоретические и практические основы обучения орфографии в диалектных условиях были впервые разработаны в исследованиях Алексея Васильевича Текучева „Обучение орфографии с учетом особенностей местного диалекта“ (М.—Л., 1948), „Основы методики орфографии в условиях местного диалекта“ (под ред. С. П. Обнорского, М., 1953), „Преподавание русского языка в диалектных условиях“ (М., 1974).

Известный советский лингвист Б. А. Ларин писал о работах А. В. Текучева: „Обширное исследование А. В. Текучева, основанное на его многолетних наблюдениях и подготовительных работах, посвящено новому вопросу в методике обучения родному языку и

отвечает назревшей потребности в усовершенствовании приемов борьбы с давнишним нашим бедствием — малограмотностью учащихся“. А. В. Миртов, видный лингвист, занимавшийся анализом диалектной лексики и вопросами методики, отмечал: „Мы до сей поры, исходя из самых лучших мотивов, занимались методическими проблемами для русской школы в целом, законно предъявляя требования одинаковых результатов работы городской и сельской школы. Однако лучшие методисты давно отметили, что сельская школа нуждается в особой методике, но никто еще до А. В. Текучева не попытался сделать необходимо-нужные практические шаги“.

В книге А. В. Текучева „Основы методики орфографии в условиях местного диалекта“ дается классификация диалектных ошибок, анализ их причин, описываются методические приемы, которые могут быть эффективно использованы в работе над диалектными ошибками, ставятся и общие вопросы методики обучения орфографии в диалектных условиях.

Автор делает акцент на том, какие коррективы нужно внести в методику орфографии в тех или иных диалектных условиях по сравнению с обучением орфографии учеников, владеющих литературной речью. Эти же мысли развиваются А. В. Текучевым в книге „Преподавание русского языка в диалектных условиях“.

Поскольку для успешной работы по обучению орфографии в диалектных условиях требуется знать и учитывать, какие приемы обучения лучше, плодотворнее можно применить в тех или иных конкретных диалектных условиях, книга А. В. Текучева должна быть настольной.

В настоящее время вопросы теории и методики орфографии не могут решаться без учета психологических особенностей усвоения различных орфограмм. С психологией связаны такие вопросы, как восприятие орфограмм, внимание, осмысление орфографических явлений, обобщение, распознавание орфограмм и воспроизведение правил, автоматизация орфографического навыка и др.

Этим вопросам посвящены книги Дмитрия Николаевича Богоявленского „Психология усвоения орфографии“¹ и Надежды Николаевны Алгази-

¹ Д. Н. Богоявленский. Психология усвоения орфографии. М., 1957; изд. 2-е, 1966.

ной „Предупреждение орфографических ошибок учащихся V—VIII классов“¹.

Д. Н. Богдавленский разработал общую психологическую теорию усвоения орфограмм, представил психологию усвоения орфографии как единый целостный процесс и установил органическую связь между отдельными психологическими моментами обучения.

Автор останавливается на особенностях русской орфографии, оказывающих существенное влияние на процесс ее усвоения, показывает механизм процесса усвоения морфологической орфографии, а также то, что усвоение правил „индивидуализируется“ в зависимости от дополнительных особенностей орфографических правил, намечает структуру ассоциаций, которые лежат в основе правильного письма. Д. Н. Богдавленский стоит на позициях так называемого грамматического направления обучения орфографии и говорит о большой роли грамматики в обучении орфографии.

В общей теории усвоения орфографии центральное место занимает мысль автора о той особой роли, которую играет в процессе усвоения понимание языковых значений структурных элементов языка. Этот фактор, считает автор, входит обязательным компонентом в оба звена орфографических ассоциаций (грамматического и собственно орфографического). Дав определенное решение общих проблем психологии орфографического навыка, автор под этим углом зрения рассматривает и отдельные практические вопросы обучения.

Д. Н. Богдавленский дает определенную психологическую характеристику орфографических правил в зависимости от задач, которые ставятся перед учеником тем или иным правилом. С этой точки зрения все орфографические правила разделены на три группы: 1) имеющие однозначный характер, или безусловные, или, по-другому, одновариантные; 2) обусловленные, или двухвариантные; 3) не содержащие прямого указания на то или иное написание, а указывающие на прием, который

¹ Н. Н. Алгазина. Предупреждение орфографических ошибок учащихся V—VIII классов. М., 1965.

позволяет найти нужный графический образец посредством изменения слов (проверки) или постановки вопроса.

Эти три группы правил имеют разную степень „усвояемости“.

Эту „психологическую“ сторону орфографических правил, несомненно, нужно учитывать при создании новых орфографических правил, при шлифовке, совершенствовании старых.

В книге Н. Н. Алгазиной особенно важным для теории орфографии является анализ и обобщение (как с методической, так и с собственно лингвистической точек зрения) вариантов орфограмм¹. Под вариантом орфограммы условно понимается разновидность орфограммы, имеющая ту или иную особенность (семантическую, фонетическую или грамматическую), в результате которой учащиеся затрудняются применять соответствующее орфографическое правило.

Без учета вариантов орфограмм, как показывает автор, нельзя, удовлетворяя высоким требованиям сегодняшнего дня, составлять ни диктанты, ни упражнения, нельзя подбирать дидактический материал.

Автор ищет пути изучения орфографии, которые способствовали бы формированию у учащихся мыслительных навыков.

Особо отметим работы по орфографии ученых Московской фонологической школы.

В 30-е годы XX в., когда встал вопрос об усовершенствовании русской орфографии, Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров, являющиеся одними из основателей Московской фонологической школы, выступили со статьей „Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка“. В ней они предлагали толкование ведущего принципа русской орфографии на основе теории фонем, разработанной московскими фонологами.

Теоретические основы орфографии, построенные в соответствии с этой фонологической теорией, изложены в ряде научно-популярных книг и брошюр.

¹ Термин „вариант орфограммы“ был впервые употреблен Н. С. Рождественским, но теория этого вопроса развита Н. Н. Алгазиной.

В первую очередь здесь должны быть названы следующие три книги:

1) М. В. Панов. „И все-таки она хорошая. Рассказ о русской орфографии“ (М., 1964). Эта теоретическая и увлекательно написанная книга состоит из пяти глав. В первой главе „Нужна ли орфография?“ для положительного ответа на этот вопрос (к ответу читатель должен подойти сам) автор описывает жизнь в фантастических городах Орфографополь (где люди пользуются стабильной орфографией) и Какографополь (в котором люди пишут, как им вздумается). Жизнь в городе Какографополе оказалась социально ущербной. Во второй главе „Что слышу, то пишу“ автор прекрасно показал, что писать так, как слышу, не только невыгодно, но и невозможно. В третьей главе „Письмо, соединяющее поколения“, М. В. Панов описал неудобство традиционной орфографии. Четвертая глава „Хорошая орфография“ посвящена описанию системы современной орфографии. Ее ведущим принципом признается фонемный¹. В главе пятой „Что можно улучшить“ рассмотрен с определенных позиций ряд трудных вопросов русской орфографии.

2) „Орфография и русский язык“. Отв. редактор И. С. Ильинская (М., 1966). Авторы книги пишут, что для умения правильно оценить целесообразность того или иного орфографического правила нужно понимать, как „устроена“ наша орфография, как она связана с звуковым языком (с. 4). „Помочь читателю получить научное представление об отношении орфографии к языку и является целью... книжки“ (с. 4).

Книга состоит из пяти глав, написанных разными авторами. В первой главе—„Орфография и фонетика“ (автор И. С. Ильинская)—рассказано о соотношении звуков и букв и основном принципе русской орфографии. Во второй главе—„Орфография и грамматика“ (автор Н. А. Еськова)—изложен вопрос о том, как орфография передает грамматические различия между словами. Автор подводит читателя к выводу о „незаконности услуг“ орфографии передавать грамматические

¹ Раскрытие содержания фонемного принципа, разработанного на основе теории фонем Московской фонологической школы (сокращенно—МФШ), см. ниже, в специальном разделе, с. 225—237.

значения в тех случаях, когда эти различия не выражены в звуковом составе слов. В третьей главе — „Орфография и школа“ (авторы Л. Н. Булатова и Т. С. Ходорович) — рассмотрены некоторые недостатки нашей орфографии, которые, с точки зрения авторов, мешают ее преподаванию в школе. Рассмотрены и недостатки самого преподавания орфографии. Авторы видят основной недостаток преподавания орфографии в том, что „школьников заставляют учить огромное количество правил, не давая им путеводной нити, с помощью которой они смогли бы ориентироваться в этом лабиринте правил. Такой путеводной нитью является знание основного принципа нашей орфографии“ (стр. 53). В четвертой главе — „Коснемся истории“ (автор Н. А. Еськова) — живо и интересно описаны изменения в русском алфавите, а также в правилах русской орфографии. Хорошо показано отношение общества к этим изменениям. Пятая глава — „Язык, орфография и писатель“ (автор В. П. Григорьев) — посвящена использованию особенностей русской орфографии и пунктуации в стилистических целях.

3) В 1969 г. вышла книга „Письма об орфографии“, написанная Б. З. Букчиной, Л. П. Калакуцкой, Л. К. Чельцовой. Эта работа появилась в связи с подготавливавшимися в 60-е годы изменениями русской орфографии. Специальная Орфографическая комиссия, созданная в 1962 г. при Отделении литературы и языка АН СССР, в 1964 г. опубликовала для обсуждения „Предложения по усовершенствованию русской орфографии“. В Институт русского языка АН СССР, в котором работала Орфографическая комиссия, поступило много писем-откликов по поводу этих „Предложений...“. Авторы книги, проанализировав присланные письма, попытались „дать по возможности объективную картину общественной оценки предложений, столкнуть разные доводы и мнения, ответить на письма одних авторов письмами других“ (стр. 6). Таким образом был как бы создан „круглый стол“ людей, объединенных горячей любовью к родному языку, близко и всерьез воспринимающих попытку специалистов внести усовершенствования в существующую орфографию.

В книге четко выражено и собственное отношение авторов к „Предложениям...“. Разделяя теорию Московской фонологической школы (на основе которой строились

„Предложения...“), авторы показывают полезность подготовленного Комиссией проекта предложений.

Значительный вклад в развитие теории и практики русской орфографии внесли работы, вошедшие в орфографические сборники, изданные Институтом русского языка АН СССР во время деятельности Орфографической комиссии, организованной в 1962 г.

Поскольку перед Орфографической комиссией был поставлен вопрос о возможности упрощения, а следовательно, и изменения действующих правил (а такая постановка вопроса чрезвычайно серьезна), нужны были исследования, которые должны были и теоретически, и экспериментально подтвердить целесообразность усовершенствования отдельных сторон нашей правописной системы. Результаты исследований, которые легли в основу предложенных Комиссией изменений, были опубликованы в специальных сборниках.

Сборник «Вопросы русской орфографии» (М., 1964) в основном посвящен слитным и раздельным написаниям (сложным словам, наречиям, частице и приставке *не*). В сборнике «Проблемы русского правописания» (М., 1964) опубликован текст предложений по усовершенствованию русской пунктуации, статьи о правописании *е/о* после шипящих, о написании двойных согласных и употреблении прописных букв. Интересным по содержанию является сборник «О современной русской орфографии» (М., 1964). Большую часть его составили статьи по графике (об употреблении отдельных букв и сочетаний), есть статья о графических сокращениях, несколько статей посвящено правописанию личных глагольных окончаний, сложным словам и некоторым другим вопросам. Сборник «Орфография собственных имен» (М., 1965) посвящен специфическим вопросам оформления как русских, так и заимствованных имен.

История и анализ предложений по усовершенствованию русской орфографии с XVIII в. по наши дни даются в ценнейшем пособии „Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.)“ (отв. редактор В. В. Виноградов. М., 1965). Книга подготовлена по заданию Орфографической комиссии 1962 г. Она написана группой сотрудников Института русского языка и Института языкознания: Б. З. Букчиной, Н. А. Еськовой, Л. П. Калакуцкой, Л. К. Максимовой (Чельцовой), М. В. Пановым (руководитель работы), В. Э. Сталтмане, А. В. Суперанской.

В книге подробно рассматриваются достоинства и недостатки каждой из существующих и предлагавшихся орфограмм, причем любое написание теоретически оценивается как отвечающее тому или иному принципу русской орфографии (фонетическому, фонемному, морфологическому, традиционному).

Анализ орфограмм и предложений по их изменению, сопровождающийся описанием теоретического к ним подхода, сам по себе является историко-теоретическим исследованием, и, кроме того, он является и материалом для дальнейшего углубления в историко-теоретическом плане затронутых в книге вопросов. Самостоятельную ценность в книге имеет и библиография, насчитывающая более тысячи названий (с. 418—471). Интересен и приведенный в „Приложении“ список текстов, в которых использована неофициальная орфография (с. 471—482).

Примыкает по своему характеру к вышеназванным орфографическим сборникам новый сборник, изданный Институтом русского языка АН СССР, — «Нерешенные вопросы русского правописания» (М., 1972); его также характеризует теоретическое осмысление орфографических фактов, подбор совершенно конкретного материала.

Итак, мы видим, что проблемы правописания, принципы русской орфографии были в центре внимания отечественных языковедов со времен М. В. Ломоносова. Каждый из ученых стремился к тому, чтобы наша орфография была четкой, чтобы правила были ясными и доступными для обучающихся русскому языку.

Стремление усовершенствовать орфографию характерно и для нашего времени. Широкое обсуждение проекта „Предложений по усовершенствованию русской орфографии“, подготовленного комиссией 1962 г., показало, что всякий, кому дорог русский язык, хочет, чтобы его правописание было лучше, четче, проще, опиралось на строгие языковые законы.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Винокур Г. О. Орфографическая теория Третьяковского. В кн.: Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

Рождественский Н. С. Краткий очерк истории правописания. В кн.: Шапиро А. Б. Русское правописание. М., 1951.

Рождественский Н. С. М. В. Ломоносов в истории русской орфографии. — „Русский язык в школе“, 1937, № 1.

ГРАФИКА

ГЛАВА I

ПОНЯТИЕ О ГРАФИКЕ. ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ГРАФИКЕ

Графика—слово греческое по происхождению: *graphō*—по-гречески „пишу“.

В языкознании графика¹—это:

I. а) совокупность начертаний, через которые устная речь передается на письме: буквы алфавита (в их различных видоизменениях в зависимости от шрифта), знаки ударения, апостроф. Часть графической системы представляют собой и знаки препинания (но не правила их употребления);

б) способы обозначения фонем и их сочетаний при помощи букв (или сочетаний букв) алфавита; графика связана с фонемами, как таковыми, и не учитывает смысловых единиц языка (в то время как орфография определяет правила обозначения фонем в составе определенных морфем и слов; следовательно, орфография связана со смысловой стороной языка);

в) в более широком понимании: система соотношений между буквами и фонемами в тексте (графика в широком охвате).

II. Графикой называется и сама наука, исследующая и описывающая соотношения между буквами и фонемами.

Фонема—это минимальная звуковая единица языка. Она обобщает представление о целом ряде звуков речи (при этом они могут быть весьма несходны аку-

¹ В искусстве графика—один из видов изобразительного искусства, включающий рисунок (как самостоятельную область творчества) и различные виды его воспроизведения.

стически), противопоставленных в данном языке (в качестве определенной фонемы) всем другим фонемам. Эта противопоставленность определяется функцией фонемы (словообразующей и словоразличительной)¹. Так, разные в акустическом и артикуляторном отношении звуки [э] (ср.: *дело* и *день*) в русском языке объединяются в фонему |э|; разные в артикуляторном и акустическом отношении звуки [с] (ср.: *суд* и *сад*) объединяются в фонему |с|. Каждый реально произнесенный звук (а звуков — бесконечное множество) является представителем какой-либо фонемы, ее реализацией (число фонем — невелико и ограничено)². Буквы алфавита (количество которых также ограничено) предназначены для обозначения фонем, а не звуков речи.

В школьных учебниках по русскому языку в таблицах звукового состава русской речи названы звуки, но фактически имеются в виду фонемы³. В отдельных случаях в нашем учебном пособии фонемы также называются звуками⁴.

На изучении характера букв, истории их развития строится теория алфавита. Теория алфавита уже как бы обособляется от графики — графика рассматривает, какие звуковые значения имеют отдельные буквы или как читаются те или иные буквы. Иначе говоря, графика рассматривает отношение алфавита к звуковой системе данного языка. Основным вопросом графики является, таким образом, отношение буквы к звуку (точнее — к фонеме), а сами буквы, алфавит — это лишь графические средства.

То, что графика имеет свой круг задач по сравнению с алфавитом, видно из факта различного звукового зна-

¹ Подробнее о понятии фонемы см. ниже, с. 226 и след.

² Звуки речи и фонемы обозначены в книге квадратными скобками. В тех случаях, когда необходимо подчеркнуть различие звуков и фонем, последние даются в прямых скобках.

³ См. статью: В. Ф. Иванова. Звуки и буквы в новом школьном учебнике. — „Русский язык в школе“, 1970, № 5.

⁴ Термин „фонема“ заменяется словом „звук“ в тех случаях, когда речь идет о звучании: говорится, например, о произношении звука [ч], звука [а], звука [ы] и т. п. Соблюдая точность, следовало бы говорить о произношении оттенка фонемы |ч|, оттенка фонемы |а|, оттенка фонемы |ы| и т. п. (поскольку фонемы не произносятся, а произносятся лишь оттенки той или иной фонемы), однако такое словоупотребление громоздко.

чения букв в разных алфавитах даже тогда, когда буквы графически одинаковы. Так, русский алфавит имеет ряд букв, сходных с буквами латинского алфавита, применяемого в английском, немецком и французском языках. Это прописные буквы: **А, В, Е, М, О, Р, Т, Х** и строчные: **а, с, е, р, х, у**. Но читаются эти буквы в русском языке и в названных языках по-разному. Так, прописная буква **В** в русском письме обозначает звук [в] (*Вал*), в английском, немецком, французском—звук [b] (ср. чтение англ.—*Black*, нем.—*Bad*, франц.—*Balle*); буква **С** в русском письме обозначает звук [с] (*сад*), в английском—[k] (*cold*) и [s] (*city*), в немецком—[к] (*der Cousin*) и [ц] (*das Cellephan*), во французском—[к] (*cas*) и [с] (*citoyen*). Строчная буква **х** обозначает в русском языке звук [х] (*хор*), а в английском (*extreme*), немецком (*extrem*) и французском (*extrême*)—сочетание [кс].

Основным графическим средством при обозначении звучащей речи на письме являются буквы. Это и определяет то, что основное внимание в данной главе будет уделено теории алфавита.

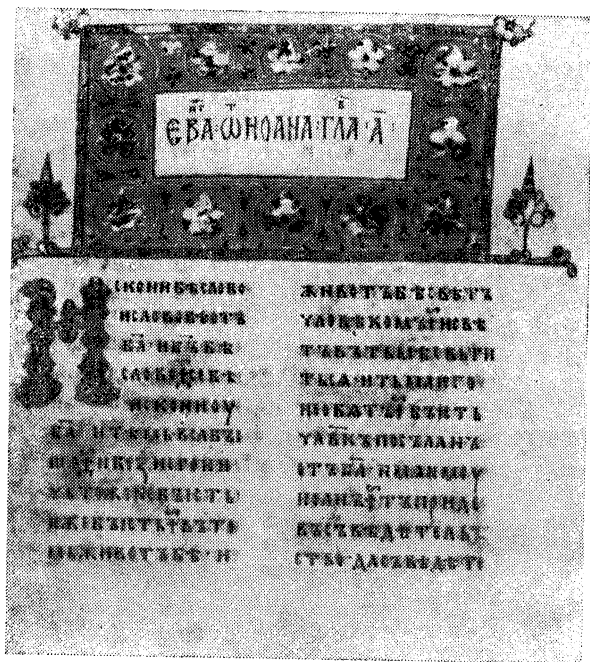
АЛФАВИТ

Алфавит—это совокупность расположенных в определенном порядке графических знаков—букв, которыми пользуются при письме на том или ином языке. Слово *алфавит* составлено из названий двух первых букв греческого алфавита: „альфа“ и „вита“¹. Отсюда: *алфа-вита*. Таким же способом составлено русское слово *азбука*. Первая буква русского алфавита **а** по-старому называлась „аз“, вторая—„буки“, отсюда: *аз-бука*.

Кириллица и ее постепенное изменение

Современный русский алфавит является модификацией древнейшей славянской азбуки, называемой кириллицей. Для того чтобы лучше понять состав современного алфавита и оценить его, нужно предста-

¹ Название греческой буквы В (вита)—более позднее (новогреческое), древнегреческое название ее—„бета“, отсюда в Западной Европе: *альфа-бет* (нем. *Alphabet*, фр. *alphabet* и т. д.).

Страница из древнейшей датированной кирилловской рукописи —
„Остромирова евангелия“
(1056—1057 гг.)

влять себе изменения в составе букв кириллического алфавита.

Кириллица¹ была составлена в конце IX в. в Болгарии для перевода греческих богослужебных книг на славянский язык. На основе кириллицы развилось болгарское, древнерусское и сербское письмо.

На Руси эта азбука получила широкое распространение с конца X в. после официального введения хри-

¹ Греческие миссионеры, братья Кирилл (Константин) и Мефодий, составили славянскую азбуку и перевели на славянский язык греческие богослужебные книги. По имени одного из них и была названа азбука. Азбук было две: кириллица и глаголица. Которую из них создал Кирилл — до сих пор не выяснено, однако название „кириллица“ для одной из них является уже традиционным.

стианства (988 г.). Позднее (примерно к XIV в.) древнерусский язык распался на русский, украинский и белорусский языки. Все три народа — русские, украинцы и белорусы — пользуются азбуками, в основе которых лежит кириллица.

Примечание.

На основе современного русского алфавита строятся алфавиты многих народов Советского Союза.

ДРЕВНЯЯ СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА (КИРИЛЛИЦА)

Буквы	Название	Буквы	Название
А	аз	Ц	цы
Б	буки	Ч	червь
В	веди	Ш	ша
Г	глаголь	Щ	ща
Д	добро	Ъ	ер
Е	есть	Ы	еры
Ж	живете	Ь	ерь
З	зело	Ъ	ять
И	земля	Ю	ю
І	и	Ѳ	я
Н	иже	Ѳ	е
К	како	Ѳ	юс малый
Л	люди	Ѳ	юс большой
М	мыслете	Ѳ	йотированный
Н	наш		(йотованный)
О	он		юс малый
П	покой	Ѳ	йотированный
Р	рцы		(йотованный)
Є	слово		юс большой
Т	твердо	Х	кси
Оу	ук	Ψ	пси
Ф	ферт	Θ	фита
Х	хер	Ϸ	ижица
Ѡ	омега		

В основу кириллицы было положено греческое унциальное¹ письмо торжественных книг. Кириллица состоит из 43 букв, из которых 24 буквы заимствованы из греческого унциала.

¹ Унциальное письмо — письмо крупными большими буквами, оно применялось главным образом в ранних священных текстах.

Кириллица состоит только из заглавных букв единого шрифта (впервые ввел две разновидности букв—прописные и строчные—Петр I в образце азбуки 1710 г.).

В греческом языке не было многих звуков, имеющих в славянских языках,—не было, естественно, в греческом письме и соответствующих букв. Поэтому в кириллицу применительно к особому звуковому составу старославянского языка было введено 19 новых, частично заимствованных из других алфавитов (*ш, ц*), а частично и специально созданных для этого букв.

БУКВЫ, ОТСУТСТВУЮЩИЕ В ГРЕЧЕСКОМ УНЦИАЛЕ

Б	буки ¹	Щ	ща	Ю	е (йотированное)
Ѣ	живете	Ъ	ер	А	юс малый
З	зело	Ы	еры	Ѧ	юс большой
Оу	ук	Ь	ерь	Ѣ	юс малый—йоти- рованный
Ц	цы	Ѣ	ять	Ѧ	юс большой—йоти- рованный
У	червь	Ю	ю		
Ш	ша	Ѧ	я (йотированное а)		

За более чем тысячелетнее существование кириллицы у восточных славян в русский алфавит введены всего лишь три новые буквы—*ѣ, э* (*э* обратное) и *ѣ* (*йо*).

Буква *ѣ* была введена Академией наук в 1735 г.

Буква *ѣ* была впервые применена в 1797 г. Н. М. Карамзиным в альманахе „Аонида“ (взамен применявшегося в XVIII в. лигатурного знака² ѣ), но впоследствии в русском письме не закрепилась: употребление буквы *ѣ* в современном письме не обязательно.

Буква *э* является перевернутым кириллическим *в*. В современной форме она узаконена Петром I, но употреблялась в русском письме и ранее.

Тредиаковский утверждал, что буква *э* началась еще с повреждения кириллицы. На употребление буквы *э*

¹ В греческом алфавите не имелось буквы Б (в таком начертании), но звук [б] в греческом языке был. Звук [б] в греческом алфавите обозначала буква Β (бета). По своему начертанию эта буква совпадает со славянской В (веди), обозначающей звук [в]. В позднем греческом письме буква Β читалась как [в].

² Л и г а т у р а — связанное изображение одним письменным знаком двух или более букв. От лат. *ligare*—связывать.

в ранних рукописных памятниках (XIII—XIV вв.) указывает известный русский палеограф Е. Ф. Карский¹.

Буква **я**—тоже не новая буква, это графическое видоизменение буквы **а**.

То, что кириллица и по сей день хорошо отвечает звуковому составу русского языка, объясняется, с одной стороны, не столь резким расхождением звукового состава русского языка и старославянского, а главное — талантливым составлением кириллической азбуки: при ее создании был тщательно учтен звуковой (фонемный) состав славянской речи.

К недостаткам кириллицы надо отнести то, что в нее вошли семь греческих букв, уже изначально ненужных для передачи звуков славянского языка. Это: $\bar{\omega}$ (омега), ξ (кси), ψ (пси), θ (фита), ν (ижица); в ней было по две буквы для обозначения звуков [з] и [и]: для **з**—**з** (зело) и **з** (земля), для **и**—**и** (и) и **и** (иже). Двойное обозначение одного и того же звука было излишним. Буквы эти были включены в кириллицу для обеспечения правильного произношения греческих звуков в заимствованных славянами греческих словах. Однако в заимствованных словах даже греческие звуки произносились на славянский лад. В связи с этим отпала необходимость в употреблении перечисленных букв, и при реформах русского письма они были постепенно исключены из алфавита (подробнее о порядке исключения этих букв при соответствующих реформах см. ниже, стр. 260 и след.).

Примечание.

Буква ω (омега) обозначала в греческом письме долгий звук [ō], в отличие от краткого греческого [ō], обозначаемого буквой \omicron (омикрон) (в кириллице греческой букве \omicron (омикрон) соответствовала буква \diamond (он)). Но поскольку русский язык не знает долготы и краткости гласных, в русском письме буквы \diamond (он) и ω (омега) совпали по звуковому значению (ср. *олтарь*, *Иоанъ*). Чаще всего „омега“ в русском письме применялась с надписанной над ней буквой „твердо“ для обозначения предлога *от*— $\bar{\omega}$.

Буквы ξ (кси) и ψ (пси) служили в греческом письме для обозначения характерных для греческого языка звуковых сочетаний

¹ См.: Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, с. 186.

[кс] и [пс]; в русском языке буквы „кси“ и „пси“ употреблялись в редких случаях, причём исключительно в заимствованных словах: например, *Алеѡанѡдрѣ*, *Маѡимовѣ*, *ѡалѡмѣ* и т. п.

Букву *ѳ* (фиту) в русском письме употребляли в словах греческого происхождения на месте греческой буквы *ѳ* (тэты), например: *ѳеологѣ*, *ѳимамѣ*. Греческая буква *ѳ* (тэта) обозначала придыхательный звук *th* [т]. Но поскольку в русском языке соответствующего звука не было, то буква *ѳ* (фита) совпала по звуковому значению с буквой *Ѵ* (ферт) и стала ненужной.

Буква *з* (в кириллице — „земля“, в греческом алфавите она называлась „дзета“) служила в греческом письме для обозначения аффрикаты [дз]; буква *з* (зело) в греческом письме отсутствовала и в кириллический алфавит была введена для передачи славянского звука [з]. В русском языке буквы „земля“ и „зело“ совпали по звуковому значению, и одна из них стала излишней.

Буква *ѣ* (в кириллице — „иже“, в греческом алфавите она называлась „эта“¹) обозначала в греческом письме долгий звук [ĕ], в отличие от буквы *Ѳ* (эпсилон), обозначавшей в греческом краткий звук [ĕ]; буква *ѣ* (и) соответствовала греческой букве *Ѳ*, именуемой „йота“, которая обозначала в греческом письме звук [и]. В русском же письме буквы *ѣ* и *Ѳ* совпали в значении [и]. Позднее кирилловскую букву *Ѳ* (и) стали называть „и десятиричное“, а букву *ѣ* (иже)² стали называть „и восьмеричное“ в соответствии с их цифровыми значениями³.

¹ Букву „эта“ иногда называют „итой“. В этом названии отражен факт изменения древнего греческого произношения звука, обозначавшегося этой буквой (в новогреческом языке она обозначает звук [и]). Очень вероятно, что в то время, когда создавалась кириллица, эта буква действительно уже читалась как [и]. Значение и название этой буквы в кириллице — один из подтверждающих это фактов.

Чтение буквы „эта“ как буквы, обозначающей [и], называется „рейхлиновым“ в отличие от „эразмова“. Иоганн Рейхлин (1455—1522) и Эразм Роттердамский (1466—1536) — деятели эпохи Возрождения, по-разному читавшие древнегреческие тексты. Подробнее о „рейхлиновом“ и „эразмовом“ чтении см.: В. А. Трофимов. Современный русский литературный язык. Фонетика. Графика. Л., 1957, стр. 84—86.

² Впоследствии, уже на русской почве, у буквы *ѣ* (иже), а также у буквы *Ѳ* (наш) изменились начертания. *ѣ* (иже) стало писаться как и, а *Ѳ* (наш) — как н.

³ Все буквы, заимствованные из греческого письма имели цифровое значение, буква *Ѳ* (и) обозначала число десять, буква *ѣ* (иже) — число восемь. Отсюда и их названия: „и десятиричное“ и „и восьмеричное“. Цифровые значения букв сейчас забыты; как пережиток сохраняются лишь эти два названия.

Буква *ч* (в кириллице—„ижица“, в греческом алфавите она называлась „ипсилон“ и обозначала звук [y̥]) использовалась для передачи греческого „ипсилона“ в заимствованных из греческого языка словах (например, *кѹмѣль*); в русском письме она стала смешиваться с буквами *и*, *оу*, *ю*. Вместо буквы *и* „ижицу“ устойчиво писали только в слове *мѹро* (благовонная мазь).

Наряду с перечисленными греческими буквами, ненужными для передачи славянской речи, в кирилловском алфавите имелись еще четыре совершенно особые буквы. Это четыре „юса“: *ѧ*—юс малый, *Ѩ*—юс большой, *ѩ*—юс малый йотированный, *Ѫ*—юс большой йотированный. Юсы были введены в кириллицу специально. Они применялись для обозначения славянских носовых гласных. Но у восточных славян—к моменту прихода письменности—носовых гласных уже не было¹.

Примерно к началу XIII в., не обозначая особых фонем, юсы постепенно вышли из употребления (кроме *ѧ*—юса малого, который, по мнению Е. Ф. Карского, преобразовался в букву *я*), однако в XIV—XV вв. во время так называемого второго южнославянского влияния они временно вновь появились в русском письме.

Со временем стала ненужной и буква *ѣ* (ять). Буква *ѣ* обозначала долгий закрытый звук [e̞], который впоследствии (к XVII—XVIII вв.) в литературном языке совпал со звуком [e]. Так оказалось две буквы (*ѣ* и *е*) для обозначения одного и того же звука (одной фонемы). Одна из двух букв, естественно, стала лишней. Лишней стала буква *ѣ* (ять), поскольку исчез именно тот звук (фонема), который обозначала эта буква. Тем не менее буква *ѣ* удержалась в русской азбуке до 1917—1918 гг.

Очень важным было также изменение в значении и применении кириллических букв *ѣ* (ер) и *ѣ* (ерь). Первоначально эти буквы служили: *ѣ*—для обозначения редуцированного (т. е. ослабленного) глухого гласного, близкого к [q], а *ѣ*—для обозначения редуцированного глухого гласного, близкого к [э]. С исчезновением слабых

¹ Из живых славянских языков носовые гласные в настоящее время сохраняются в польском языке и в отдельных македонских говорах.

глухих гласных (этот процесс называют „падением глухих“) буквы **ѣ** и **ѵ** получили иное значение.

Так на основе кириллической азбуки постепенно складывался состав современного русского алфавита.

Примечание.

Приемы и правила употребления «лишних» и дублетных с фONOлогической точки зрения букв кириллицы составили особую страницу в истории русской орфографии.

Излишние для передачи фонемного состава славянской речи согласные буквы были включены в кириллицу для обеспечения правильного произношения греческих звуков в заимствованных славянами греческих словах. На начальном этапе заимствования, вероятно, это имело какой-то свой смысл, впоследствии, однако, утерянный.

Правда, в славянской и русской письменности дублетные буквы (а также графические вариации отдельных букв) использовались иногда с особой «нагрузкой»: с помощью дублетных букв могли обозначаться звуковые оттенки и отдельные просодические (интонационные) явления.

В древних грамматических сочинениях описание подобных случаев употребления отдельных букв и надстрочных знаков являло собой приемы правописания. Приемы использования «лишних» букв менялись в русском письме. Активность употребления «лишних» букв подвергалась и внешним воздействиям. Так, во время второго южнославянского влияния уже «малоактивные» буквы «фита», «ижица», «кси», «пси» стали вновь широко использоваться в словах, заимствованных в подражание греческим оригиналам. Именно в это время было придумано, например, дожившее до реформы 1917—1918 гг. чисто условное правило, согласно которому букву **ѣ** нужно было писать перед гласными, а букву **ѵ** — перед согласными.

На протяжении всей истории русской орфографии происходила борьба с «лишними» буквами, увенчавшаяся частичной победой при реформировании графики Петром I (1708—1710 гг.) и окончательной победой при орфографической реформе 1917—1918 гг.

При этом следует отметить, что эта борьба не всегда была правильной по отношению к русскому письму. Так, М. В. Ломоносов считал лишней букву **ѣ** (оборотное). Он даже не включил ее в свою азбуку, комментируя это следующим образом: «Вновь вымышленное или, справедливее сказать, старое **ѣ** на другую сторону обороченное, в российском языке не нужно, ибо... буква **ѣ**, имея несколько разных произношений, может служить и в местоимении «етоть» и в между-

метии «ей»¹. Несмотря на авторитет Ломоносова и активность в «истреблении» буквы э, эта буква в алфавите осталась.

Выступая против буквы э, Ломоносов был прав и неправ. Против буквы э можно было возражать, но не в этот период времени. В древнерусском письме того периода, который предшествовал смягчению полумягких согласных, буква е обозначала самостоятельную фонему |э| после полумягких (фонематически твердых) согласных. После мягких согласных для обозначения той же фонемы употреблялась буква ю. Буква ю употреблялась и для обозначения сочетания фонемы йот с |э| (например, в начале слова). С перестройкой фонематических отношений после смягчения полумягких буква е, «оставшись на месте», стала обозначать фонему |э| после мягких согласных. Буква ю утратилась. К букве е отошла и функция буквы ю обозначать |э| с предшествующим йотом. Так появилась необходимость в букве, которая обозначала бы |э| без предшествующего йота. Этой буквой стала буква э.

В советский период отрицательно относился к букве э Н. Ф. Яковлев (1928), но предложение отмены буквы э явилось у него логическим продолжением определенных, фонологически оправданных алфавитных преобразований².

В абсолютном начале, а также после гласных буква э обозначает |э| без предшествующего йота, например: *эра, эллин, этика; поэт, маэстро, статуэтка* и т. д.

Названия и начертания букв современного алфавита

В процессе развития, совершенствования нашего письма изменились и названия букв. Старые кириллические названия „аз“, „буки“, „веди“ и т. д. в XVIII в. были устранены и вместо них приняты названия „а“, „бэ“, „вэ“ и т. д. Такие названия дали буквам римляне. Заимствуя греческий алфавит, они отказались от длинных греческих названий: „альфа“, „бета“, „гамма“, „дельта“ и т. д.— и вместо них ввели собственные, стараясь называть буквы по возможности короче. Они стремились лишь к тому, чтобы название буквы указывало на соответствующий этому названию звук.

¹ М. В. Ломоносов. Российская грамматика. 1755, § 88.

² См.: Н. Ф. Яковлев. Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории). В кн.: А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. М., 1970, с. 123 и сл.

Это было почти революцией в обучении письму, если учесть, что раньше учили читать, складывая названия букв: „бета“ + „альфа“ = ба. (Ведь звуковой метод обучения чтению принят не так давно. На Руси тоже учили читать так же: „буки“ + „аз“ = ба.) Вспомните сцену обучения грамоте маленького Алеша Пешкова (М. Горький и й. „Детство“).

...Вдруг бабушка, достав откуда-то новенькую книжку, громко шлепнул ею по ладони и бодро позвал меня:

— Ну-ка, ты, пермяк, солены уши, поди сюда! Садись, скула калмыцкая. Видишь фигуру? Это—аз. Говори: аз! Буки! Веди! Это—что?

— Буки.

— Попал! Это?

— Веди.

— Врешь, аз! Гляди: глаголь, добро, есть,— это что?

— Добро.

— Попал! Это?

— Глаголь.

— Верно! А это?

— Аз,

Вступилась бабушка:

— Лежал бы ты, отец, смирно...

— Стой, молчи! Это мне в пору, а то меня мысли одолевают.

Валяй, Лексей!

Он обнял меня за шею горячей, влажной рукою и через плечо мое тыкал пальцем в буквы, держа книжку под носом моим. От него жарко пахло уксусом, потом и печеным луком, я почти задыхался, а он, приходя в ярость, хрипел и кричал в ухо мне:

— Земля! Люди!

Слова были знакомы, но славянские знаки не отвечали им: „земля“ походила на червяка, „глаголь“—на сутулого Григория, „я“—на бабушку со мной, а в бабушке было что-то общее со всеми буквами азбуки. Он долго гонял меня по алфавиту, спрашивая и в ряд и вразбивку; он заразил меня своей горячей яростью, я тоже вспотел и кричал во все горло...

...Вскоре я уже читал по складам псалтырь; обыкновенно этим занимались после вечернего чая, и каждый раз я должен был прочитать псалом.

— Буки-люди-аз-ла-бла; живе-те-иже-же-блаже; наш-ер-блажен,— выговаривал я, вода указкой по странице...

Краткие названия букв („а“, „бэ“, „вэ“ и т. д.), которые дали римляне буквам, значительно меньше мешали при обучении чтению. Вот эти-то краткие латинские названия букв и были со временем у нас приняты.

Если в названиях букв кириллического алфавита — по традиции названий букв древних алфавитов — в большинстве случаев лежали знаменательные слова, лишь начинающиеся с соответствующих звуков (аз — **а**, буки — **б**, веди — **в**, глаголь — **г** и т. д.), то в современном русском алфавите названия букв, по римскому образцу, не знаменательны, название указывает лишь на качество обозначаемого буквой звука (а — **а**, бэ — **б**, вэ — **в**, гэ — **г** и т. д.).

Названия „аз“, „буки“, „веди“ и т. д. употреблялись, наряду с названиями типа „а“, „бэ“, „вэ“, еще и в XIX в., а также и в начале XX в. Окончательно победили названия „а“, „бэ“, „вэ“ и т. д. лишь в советское время.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ АЛФАВИТ И НАЗВАНИЯ БУКВ

Буквы		Названия букв	Буквы		Названия букв
Печатные	Рукописные		Печатные	Рукописные	
А а		<i>Аа</i>	Р р		<i>Рр</i>
Б б		<i>Бб</i>	С с		<i>Сс</i>
В в		<i>Вв</i>	Т т		<i>Тт</i>
Г г		<i>Гг</i>	У у		<i>Уу</i>
Д д		<i>Дд</i>	Ф ф		<i>Фф</i>
Е е		<i>Ее</i>	Х х		<i>Хх</i>
Ё ё		<i>Ее</i>	Ц ц		<i>Цц</i>
Ж ж		<i>Жж</i>	Ч ч		<i>Чч</i>
З з		<i>Зз</i>	Ш ш		<i>Шш</i>
И и		<i>Ии</i>	Щ щ		<i>Щщ</i>
Й й		<i>Ий</i>	Ъ ъ		<i>Ъ</i>
К к		<i>Кк</i>	Ы ¹ Ы		<i>Ы</i>
Л л		<i>Лл</i>	Ь ь		<i>Ь</i>
М м		<i>Мм</i>	Э э		<i>Ээ</i>
Н н		<i>Нн</i>	Ю ю		<i>Юю</i>
О о		<i>Оо</i>	Я я		<i>Яя</i>
П п		<i>Пп</i>			

¹ Русских слов с начальным **ы** (с которого могли бы начинаться и имена собственные, пишущиеся с прописной буквы) нет, но сред-

Как видно из таблицы, каждая буква представлена в четырех вариантах: приводятся две прописные (большие, заглавные) буквы: печатная и рукописная—и две строчные (малые) буквы: печатная и рукописная. Эти „варианты“ букв (а точнее, именно сами буквы) в научной литературе принято называть „аллографами“ одной и той же „графемы“. Графема—это, таким образом, абстрактная единица алфавита, имеющая четыре формы выражения, например: *Аа, Аа*¹.

Названия букв—это и название графемы, точнее, название графемы—это и название буквы.

Поскольку „графему нарисовать нельзя, можно нарисовать лишь аллограф“², то последовательная таблица русских графем имеет следующий вид:

РУССКИЕ ГРАФЕМЫ³

Номер графемы	Название	Номер графемы	Название	Номер графемы	Название
1	а	12	ка	23	ха
2	бэ	13	эль	24	цэ
3	вэ	14	эм	25	че
4	гэ	15	эн	26	ша
5	дэ	16	о	27	ща
6	йэ	17	пэ	28	йэр
7	йо	18	эр	29	ы (еры)
8	жэ	19	эс	30	йэрь
9	зэ	20	тэ	31	э
10	и	21	у	32	йу
11	и краткое	22	эф	33	йа

ствами русской графики могут передаваться иноязычные названия, например: *Биндин, Ыныкчанский, Ытык-Кель* и др. под. Поэтому в русском алфавите есть и строчная и прописная буква *ы*.

Кроме того, буквами *э, ы, ь* после точки могут начинаться предложения. Ср., например: „*ь* указывает на то, что...“ (М. Н. Петерсон. Система русского правописания. М., 1954, с. 25).

¹ См.: З. М. Волоцкая, Т. Н. Молошная, Т. М. Николаева. Опыт описания русского языка в его письменной форме. М., „Наука“, 1964, с. 10.

² Там же.

³ Таблица взята из книги З. М. Волоцкой и др. (1964, с. 11).

В представленной таблице, составленной Т. М. Николаевой, некоторые названия графем даны не по современным графико-орфографическим нормам, а как бы транскрипционно. Это названия „йэ“, „йо“, „йэр“, „йэрь“, „йу“, „йа“. Написание „йэ“ вместо „е“ позволило Т. М. Николаевой легко перейти на неупотребление слова „оборотное“ при названии „э“.

Ниже, при описании названий букв, мы пользуемся такими написаниями этих названий, которые отвечают слоговому принципу русской графики: „е“, „ё“, „ер“, „ерь“, „ю“, „я“. Эти написания орфографически нормативны.

Современные названия русских букв (графем)

Названия букв очень существенны в системе письма. По названиям букв читаются аббревиатуры; важно учитывать названия букв и при формулировках орфографических правил. Названия букв всегда даются в школьных учебниках, и существенно, чтобы в школьных учебниках указывались те названия букв, которые отвечают общей теории письма.

Важно не только установить единые названия букв, но важно установить и единообразное написание названий букв, поскольку есть особые слова, созданные из названий букв.

Современные названия букв разделяются на два типа: комплексные названия букв и индивидуальные. Комплексными можно считать названия букв, обозначающих целые классы звуков (фонем), объединенных в группы одним общим признаком, например: буквы гласных звуков, буквы согласных [или, иначе, буквы, обозначающие гласные звуки (фонемы): буквы, обозначающие согласные звуки (фонемы)].

Рассмотрим сначала комплексные названия.

Не только в учебной, но и в научной литературе пользуются названиями „гласные буквы“, „согласные буквы“. Они, конечно, неточны, что отмечалось в литературе (например, Д. Н. Ушаковым, В. А. Богородицким), но экономны¹. В строгих научных текстах употреб-

¹ Название „гласные буквы“ особенно экономно по отношению к буквам *я, ю, е, ё*, обозначающим сочетание согласного йот с гласными.

ляют и более точные наименования. Так, В. А. Богородицкий употреблял описательное название „буквы согласного звука“ и под. Аналогичное название, а именно „графемы гласных“, употреблял Бодуэн де Куртенэ.

Для части русских букв (а именно для *ж, ш, ч, щ*) есть еще одно комплексное название — „шипящие“. Официально шипящими называют звуки [ж], [ш], [ч], а не буквы. Название „шипящие“ дано этим звукам по создаваемому ими акустическому впечатлению, но „по смежности“ перенесено и на буквы. Во всех современных сводах орфографических правил находим формулировки типа „гласные после шипящих и *ц*“ (при этом под гласными имеются в виду буквы)¹.

Непосредственно указывается само слово „буквы“ при описании орфограмм в школьном учебнике: „Буквы *и, у, а* после шипящих“, „Буквы *ѣ—о* после шипящих в корне слова“².

В школьных учебниках специально не оговаривается, что шипящими называются не только звуки, но и буквы, их обозначающие, однако это название практически широко употребляется, и оно удобно. Как удобное, хотя и с оговоркой, это название употреблял уже Я. К. Грот. Он писал об этих буквах как о „так называемых шипящих буквах *ж, ш, ч, щ*“³.

Более точные описательные названия букв *ж, ч, ш, щ* (такие, как „буквы, обозначающие шипящие звуки“, „буквы для шипящих“ или „буквы шипящих“) употребляются редко.

Название „шипящие“ (для букв) образовано по тому же типу, как образованы названия „гласные“ и „согласные“ буквы, т. е. по смежности.

Конечно, не следует слишком злоупотреблять „переносными“ со звуков на буквы названиями, как это мы иногда встречаем. Так, М. Н. Петерсон пишет о „написаниях сонорных согласных“, о написаниях глухих согласных“, о „написаниях звонких согласных“⁴.

¹ См., например, „Правила русской орфографии и пунктуации“. М., 1956, с. 7.

² „Русский язык. Учебное пособие для 4 класса“, под ред. Н. М. Шанского, изд. 5. М., „Просвещение“, 1972, с. 252

³ Я. К. Грот. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне, изд. 2. СПб, 1896, с. 34.

⁴ М. Н. Петерсон. Система русского произношения. Изд-во МГУ, 1955, с. 30.

Как образец правильного употребления названий букв приведем их названия в вышедшей пятым изданием книге Р. И. Аванесова „Русское литературное произношение“ (М., 1972): буквы гласных, буква гласного *а* (и т. п.), буквы согласных, буквы сонорных, буквы звонких согласных, буквы глухих согласных; буквы (например, *б, м*), на месте которых произносятся твердые согласные; буквы (например, *б, м*), на месте которых произносятся мягкие согласные; буквы шипящих, буквы твердых шипящих *ш, ж* и т. п. (см. таблицу „От буквы к звуку“ на с. 211—288 указанной книги).

В школьном учебнике буквы, обозначающие согласные звуки, называются согласными буквами. Это *б, в, г, д, ж, з, й, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ* (21 буква). Буквы, обозначающие гласные звуки, называются гласными буквами. Это *а, е, ё, и, о, у, ы, э, ю, я* (10 букв)¹.

Буквы *ѣ* и *ь* звуков не обозначают. Поэтому в некоторых пособиях их называют безгласными². Название „безгласные“ есть уже у М. В. Ломоносова (1755 г.). Первым обратил внимание на отсутствие собственного звукового значения у букв *ѣ* и *ь* Мелетий Смотрицкий (1619 г.).

В ряду комплексных названий букв с элементами „гласные“ (*гласные, согласные, безгласные*) стояло и название „полугласная“, которое долгое время было принято для буквы *й*. В новом школьном учебнике эта буква включена в класс согласных: соответственно она больше не называется полугласной (об ее индивидуальном названии см. ниже).

Перейдем к рассмотрению индивидуальных названий букв, объединяя сходные названия в группы.

Названия гласных букв

1. Названия, состоящие из одного звука:
*а, и, о, у, ы*³, *э*.

¹ См.: Русский язык. Учебное пособие для 4 класса. Указ. изд., с. 85.

² См.: А. М. Земский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев. Русский язык, ч. 1, изд. 6, переработ. М., 1963, с. 68.

³ Буква *ы* еще не так давно называлась „по-кириллически“: „еры“. Название „еры“ находим в Орфографическом словаре Д. Н. Ушакова и С. Е. Крюčkова до 20-го издания (т. е. до 1964 г.).

Это названия букв, обозначающих соответствующие гласные: здесь буквы называются тем звуком, который они обозначают.

Обратим внимание на то, что название буквы *э* в действующем школьном учебнике дано без сопровождающего его слова „оборотное“. Это для школы — новшество, к тому же не во всех школьных пособиях еще принятое. Так, в 27-м издании школьного орфографического словаря Д. Н. Ушакова и С. Е. Крюčkова, переработанном и подготовленном к печати Л. А. Чешко (1972 г.), сохраняется название: *э (оборотное)*.

К снятию слова „оборотное“ следует отнести положительно. Еще Я. К. Грот писал: „относительно „э“ и „е“ я нахожу, что к названию первой совершенно излишне присоединяется эпитет *оборотное*, если вторая, сообразно с названиями других дифтонгов, будет называться „йэ“, а не „э“¹. Если вместо *е* (в современном начертании) употреблялось бы древнерусское начертание *ѣ*, то внутренняя форма названия „э оборотное“ применительно к букве *э* была бы более понятна.

Поясняющее слово при названии буквы *э* — а именно слово „оборотное“ — дается в современных пособиях чаще в скобках, но внутренняя форма этого поясняющего слова в настоящее время, действительно, настолько стерта, что сама собой наметилась явная тенденция вообще не употреблять слово „оборотное“. Так, без этого слова употреблена буква *э* в качестве заголовка к § 8—9, излагающим правила употребления этой буквы, в „Правилах русской орфографии и пунктуации“ (1956 г.). Встречается название буквы *э* без сопровождающего его слова „оборотное“ и в специальных лингвистических работах².

2. Названия, состоящие из двух звуков: гласного и предшествующего ему согласного звука йот: *я* [йа], *ю* [йу], *е* [йе], *ѣ* [йо].

Эти буквы называют еще (также по смежности с обозначаемыми ими звуками, поскольку одна из их функ-

¹ Я. К. Грот. Указ. соч., с. 145.

² См., например: И. П. Мучник. Неизменяемые существительные, их место в системе склонения и тенденции развития в современном русском литературном языке. В сб.: „Развитие грамматики и лексики современного русского языка“. М., 1964, с. 155.

ций—обозначать „йот + гласный“) йотированными (или йотованными) гласными буквами.

Йотированные буквы **я, ю, е, ё** могут обозначать соответствующий гласный звук и без предшествующего йота (ср.: *мята, любовь, лето, вёсла*) и в сочетании с йотом (*яма, юг, ель, ёж*). Поскольку в первом случае буквы **я, ю, е, ё** сигнализируют о чтении предшествующей согласной буквы как такой, которой обозначается мягкий согласный, эти буквы называют „смягчающими“. Буквы же **а, у, э, о** соответственно называют „несмягчающими“. Названия эти, конечно, неточные, метафорические, сами буквы **я, ю, е, ё** ничего не смягчают: буквы из обоих приведенных рядов лишь сигнализируют об определенном чтении предшествующих букв, обозначающих употребление в слове либо твердых, либо мягких согласных (из числа парных по твердости-мягкости)¹. При этом в ряд так называемых „смягчающих“ букв включается еще буква **и**, а в ряд „несмягчающих“—**ы**.

В связи с функцией йотированных букв обозначать „йот + гласный“ следует еще раз обратиться к букве **и**. В ее названии нет предшествующего йота (буква называется просто „и“): название состоит из одного звука (поэтому оно и отнесено нами к первой группе), но в отличие от всех остальных букв первой группы (**а, о, у, ы, э**), обозначающих только тот звук, которым они называются, буква **и** может обозначать не только [и] без предшествующего йота, как, например, в словах *лиса, караси*. В тех словах, где буква **и** следует после гласного, при намеренно тщательном произношении возможно произношение [и] с предшествующим йотом (например: *сара[йи], злоде[йи], кро[йи]ть*). Встречается произношение [йи] на месте начальной буквы **и** и в местоимениях *их, им, ими*, если они следуют после предлогов и союзов, например: *в их доме, с их представлениями, но их становилось меньше, но им это нравилось, но ими это было замечено* и т. п.).

Как правило, сочетание йота с **и** произносится после разделительного знака. Ср. *воробыи, ручьи*: *воро/б[йи],*

¹ К тому же буква **е**—сигнал, плохо работающий: буквы парных по твердости-мягкости согласных, стоящие перед нею, обозначают то твердые, то мягкие согласные звуки (ср. *денди* и *дело*).

ру/ч[йи]. Таким образом, можно утверждать, что буква **и** может обозначать не только [и] без предшествующего йота, но также [и] с предшествующим йотом. В этом отношении она отличается от других букв первой группы.

Итак, для обозначения сочетаний „йот+гласный“ употребляются особые буквы: **я**, **ю**, **е**, **ѣ**, но буква **и** выполняет эту функцию как бы „по совместительству“. Я. К. Грот заметил по этому поводу: „редко встречающийся доегласный **йи**... может обойтись без отдельного знака“¹.

Названия согласных букв

3. Названия букв для обозначения согласных, состоящие из соответствующего твердого согласного звука в соединении с последующим гласным **э**: „бэ“, „вэ“, „дэ“, „жэ“, „зэ“, „пэ“, „тэ“, „цэ“.

К этим названиям примыкает название „че“, хотя оно состоит из мягкого согласного звука с последующим гласным **э**.

Звуковые сочетания **бэ**, **вэ** и т. д. передаются на письме по-разному: в одних пособиях и словарях последовательно пишут названия букв с **э**, т. е. „бэ“, „вэ“, „гэ“, „дэ“ и т. д. (это более распространено), а в других с **е**, т. е. „бе“, „ве“, „ге“, „де“, и т. д.² Иногда для некоторых букв проводятся два названия „бэ“ и „бе“ и т. п.

Так, в частности, в Словаре современного русского литературного языка (в 17-ти томах) двойные названия букв приведены только для букв **б**, **г** и нек. др. Но для буквы **в** указывается только название „ве“, для **д** — только название „дэ“. Для буквы **п** в этом же словаре указывается название „пэ“, а о названии „пе“ говорится, что оно устарело. При этом неясно, имеется ли в виду, что устарело написание „пе“ или устарело произношение [п'э], ибо тут же указывается еще третье название для буквы **п**: „просторечн. **п**“. В последнем случае должно было бы иметься в виду произношение звука [п],

¹ Я. К. Грот. Указ. соч., с. 123.

² См.: В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, изд. 2, 1880—1882 гг. (то же. М., 1955).

поскольку просторечных написаний не бывает, но говорится именно о названии буквы „п“.

Названия „бэ“, „вэ“ (с произношением твердого согласного звука) сложились под влиянием произношения названий букв латиницы. Названия латинских букв пишутся, естественно, с *e*: „ве“, „се“, „е“ и т. д. (в латинице нет буквы э), но произносятся они с твердым согласным звуком—в латинском языке соответствующие согласные только твердые. Поскольку же мы сохраняем „заимствованное“ произношение, то для неперменной передачи такого произношения целесообразнее было бы всегда писать „бэ“, „вэ“, „гэ“, „дэ“ и т. д. В школьном учебнике все эти названия пишутся с буквой э¹.

Произношение с твердым согласным звуком: [бэ], [вэ] и т. д.—укрепилось в современном языке, кроме наименования „че“, поскольку звук [ч] не может быть в русском языке твердым. Даже тогда, когда по традиции сохраняются написания „бе“, „ве“, „ге“ и т. д., их нужно читать как [бэ], [вэ], [гэ] и т. д. Название буквы *ч* пишется в школьном учебнике с *e*: *че*².

Поскольку принципиально важно все же подсказать читающему литературное произношение названий букв: [бэ], [вэ], [гэ] и т. д., названия букв в качестве русских слов, которые всегда следует писать с буквой э, целесообразно было бы включить в § 8—9 о „Букве э“ „Правил русской орфографии и пунктуации“. Включение названий букв в список русских слов, пишущихся с э, целесообразно было бы, во-первых, для „уединообразия“ написаний названий букв; во-вторых, для достижения единства в написании слов, образованных из названий (и от названий) букв, и, в третьих, для „подсказки“ произношения и названий букв и слов, образованных из названий букв. Справочники, в частности Словарь-справочник „Русское литературное произношение и ударение“ под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, не содержат никаких сведений о произношении названий букв. Между тем такие сведения очень нужны: далеко не ко всем словам, „этимология“ которых восходит к названиям букв, в словарях, и в частности в упомянутом, дается справка, как нужно

¹ Русский язык. Учебное пособие для 4 кл. Указ. изд., с. 84.

² Там же, с. 84.

произносить такие слова. Например, в словаре под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова указано произношение для слов *эсер* [сэ], *эсдек* [дэ], а таких слов, как *фезеушник*¹, *чепе*², в справочнике нет. Написания приведенных слов (с буквосочетаниями *фе*, *зе*, *пе* и т. п.) правильного произношения не подсказывают.

Пишутся по-разному в текстах произведений и названия букв (поскольку это не предусмотрено „Правилами орфографии и пунктуации“). Так, находим, с одной стороны: „три *ре*“ (сокращенно—три рубля.— *В. И.*) („Новый мир“, 1968, № 12, с. 7); с другой: „— Он букву „*рэ*“ не говорит“ („Новый мир“, 1967, № 7, с. 53).

Названия букв входят в инициальные псевдонимы и имена и также пишутся по-разному. Ср. имя персонажа из „Гранатового браслета“ А. Куприна: *Пе Пе Же*³.

Имеется колебание в употреблении букв *э* и *е* после *ж*, *ц* в названиях этих последних букв: пишут то „*же*“, „*це*“⁴, то „*жэ*“, „*цэ*“⁵. Хотя для чтения (произношения) это и неважно (поскольку [ж] и [ц] только твердые в русском языке), тем не менее было бы желательно единообразие в написаниях. В новом школьном учебнике для IV класса дано „*жэ*“, „*цэ*“.

4. Названия букв для обозначения согласных, состоящие из соответствующего согласного звука в соединении с последующим гласным [а]: „*ка*“, „*ха*“⁶, „*ша*“, „*ща*“.

Названия типа „*ка*“, „*ша*“ имеют некоторую тенденцию к выравниванию по образцу типа „*бэ*“, поскольку названий с последующим [а] только четыре, а названий с последующим [э]—девять. Так, в „Словаре сокраще-

¹ В орфографических словарях этого слова нет. В таком написании слово приведено в книге Н. М. Шанского „Очерки по русскому словообразованию“ (М., 1968, с. 115).

² См.: „Новый мир“, 1969, № 8, с. 58.

³ Пример заимствован из статьи: Д. И. Алексеев. Графические сокращения и слова-аббревиатуры. Сб. „Развитие современного русского языка.“ М., 1963, с. 150.

⁴ И. П. Мучник. Указ. статья, с. 115.

⁵ Орфографический словарь для учащихся средней школы, изд. 27. М., 1972, с. 4.

⁶ Названия „*ка*“, „*ха*“ восходят тоже к классическим латинским названиям, причем название „*ха*“ восходит к латинскому *ha* (латинская буква *h*, ставшая международной „математической“ буквой, читается как „икс“).

ний русского языка“ (М., 1963) зафиксировано как общепринятое чтение аббревиатуры *ШКМ* как „ше-ка-эм“ (вместо „ша-ка-эм“).

5. Названия букв для обозначения согласных, состоящие из соответствующего согласного звука в соединении с предшествующим ему гласным [э]: „эль“, „эм“, „эн“, „эр“, „эс“, „эф“.

В приведенных здесь названиях, кроме „эль“, согласный звук твердый. Официальное название буквы „эль“ отличается от всех других аналогично составленных наименований тем, что в названии этой буквы соответствующий согласный звук мягкий. Название „эль“ восходит к названию буквы *l* в латинском алфавите. В латинском алфавите для названия буквы *l* (эль) было фонетическое оправдание, так как этот звук в латинском языке был только полумягким. В русском же языке есть соответственно и мягкий согласный звук [л'], и твердый согласный звук [л]. Поэтому некоторые языковеды считают, что, так же как и другие буквы (*ж*, *н* и т. д.), служащие для обозначения и твердых и мягких согласных звуков (ср.: *мох* и *мех*, *нос* и *нес* и т. д.), букву *л* (ср.: *лось* и *лес*) можно было бы называть не „эль“, а „эл“¹, тем более что любая другая буква, обозначающая согласный звук, без дополнительных знаков обозначения мягкости чаще обозначает твердый звук: ср. *конфета* (с твердым согласным *н*) и *пенсия* (со звуком [н']). Случаев типа *пенсия*, когда согласная буква обозначает (без дополнительных знаков, сигнализирующих о мягкости согласного звука) мягкий согласный, значительно меньше. Впрочем, это последнее положение на букву *л* не распространяется: буква *л* без знака мягкости звука [л'] не обозначает (кроме случая с удвоением букв: *иллюзия*, *гулливый*).

В школьной традиции буква *л* устойчиво называется „эль“, однако, например, в Словаре русского литературного языка (в 17-ти томах) для нее указываются два наименования: „эл“ и „эль“.

Следует отметить, что при практическом использовании названия этой буквы чтение (произношение) его

¹ См.: В. А. Архангельский, Л. А. Введенская. О названиях букв русского алфавита.—„Русский язык в школе“, 1961, № 4, с. 20—21.

колеблется: при чтении аббревиатур, образованных по названиям букв, типа *ДЛТ* (Дом ленинградской торговли), *ВЛКСМ*, *ЛГУ* (Ленинградский государственный университет) и т. п., чаще произносят название этой буквы с твердым согласным: *дэ-эл-тэ*, *вэ-эл-ка-эс-эм*, *эл-гэ-у* и т. п.¹.

При использовании названия буквы с письменной его фиксацией также заметно движение от „эль“ к „эл“. Ср. название „эль“ в инициальном псевдониме меньшевистского деятеля М. Я. Лукомского — *Эм-Эль*, о котором упоминает В. И. Ленин: „...компания либеральных писак, все эти Ф. Д., Гаммы, Л. М., *Эм-Эль*, Ракитин и пр.“ (В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 74²), с названием „эл“ в журнале „Октябрь“, 1969, № 9, стр. 85 (сообщается, что в Британском музее за литерой „эл“ под № 13 занимался В. И. Ленин). Все эти факты говорят о стихийном процессе выравнивания типовых названий букв.

Отметим, что названия букв типа „эм“, „эн“, так же как названия букв типа „ка“, имеют тенденцию к выравниванию по образцу названий типа „бэ“: в произношении некоторых аббревиатур и образованных от них слов „эф“ заменяется на „фэ“. Ср. вышеприведенное слово *фэззушник*, а также аббревиатуры *ФЗУ*, *ФРГ*. Кроме процесса выравнивания названий букв (в русском алфавите 13 названий с последующим гласным: „бэ“, „вэ“..., „ка“..., „тэ“ и т. п.— и только шесть с предыдущим гласным: „эль“, „эм“, и т. п.), в замене „эф“ на „фэ“ можно усмотреть также стремление к произношению открытых слогов. Ср. просторечное произношение „*рэсэфэсэрэ*“ (РСФСР), а также невольное деление на открытые слоги в произношении: *э-рэ-сэ-фэ-сэр* (строго буквенное произношение *эр-эс-эф-эс-эр* затруднительно).

Стремление к открытости слога и к унификации названий букв обнаруживается и в частом искажении названия букв учащимися (произносят „мэ“, „нэ“ и т. п.). С такими искажениями надо, конечно, бороться.

¹ Такое чтение, как нормативное, в частности, указывается в „Словаре сокращений русского языка“, составл. под рук. Д. И. Алексеева (М., 1963).

² Пример заимствован из указанной выше статьи Д. И. Алексеева, с. 150.

Названия букв, не обозначающих звуков

б. Сюда относятся названия „ер“ и „ерь“ для букв **ѣ** и **ѵ**. В научной литературе употребляются именно эти названия. В записи „йэр“ и „йэрь“ они приведены в таблице, составленной Т. М. Николаевой. Эти названия вместе со старым названием „еры“ (в таблице Т. М. Николаевой: „йэры“) прежде образовывали особую группу „старых кириллических названий“ в группе названий гласных букв, ибо „ер“ и „ерь“ прежде обозначали гласные (редуцированные) звуки.

Во всех этих названиях — „ер“, „ерь“, „еры“ — есть буквенный комплекс *ер* = (звуковой: [йэр]). Название „еры“ сейчас уже себя не оправдывает и заменено на „ы“. В кириллической азбуке это название было закономерным, так как буква „еры“ была действительно сочетанием графического знака **ѣ** (а позднее **ѵ**) с графическим знаком **и** (**ы**, **ь**), обозначавшим [и]. После твердого согласного [р] буква **ѣ** читалась как [ы]: йэр+и=йэры — еры.

Сняты в действующем школьном учебнике и названия „ер“ и „ерь“, они заменены названиями „твердый знак“ и „мягкий знак“.

Одной из функций буквы **ѵ** является использование ее для обозначения на письме мягкости согласного звука: *конь*, *нянька*, поэтому название „мягкий знак“ для нее оправдано (другая функция буквы **ѵ** — служить разделительным знаком). В противоположность названию буквы **ѵ**, а именно ее названию „мягкий знак“, буква **ѣ** названа „твердый знак“, хотя она не является непременным показателем „твердости“ произношения предшествующих согласных. Ср., например, встречающееся мягкое произношение звуков [с'], [д'] на месте букв **с** и **д**, после которых стоит **ѣ**: *сѣл* [с'йэл], *адъютант* [ад'йутант]. Буква **ѣ** используется только в функции разделительного знака, указывая, что последующую йотированную букву надо читать с предшествующим гласному йотом: *вѣявь* [в'йаф'].

Название „твердый знак“ у буквы **ѣ** полностью оправдывало себя до реформы 1917—1918 гг., когда эта буква (не обозначая никакого звука) употреблялась на конце слов после всех твердых согласных. После реформы 1917—1918 гг. название „твердый знак“ для буквы **ѣ** стало чисто условным.

7. Особого внимания заслуживает буква **й**.

Буква **й** была богата названиями, но в последних изданиях нового школьного учебника она никак не названа. Среди названий букв, приводимых под каждой буквой, под буквой **й** повторно в качестве ее названия указано то же „й“¹. Как произнести это название? Легко произносить один звук, если он гласный (ср. **а, и, о, у, ы, э**), согласный же без „помощи“ гласного произнести трудно. Наименование „й“, очевидно, рассчитано на разговорно-школьное произношение „ий“².

В школьном орфографическом словаре (включая 27-е издание, 1972) для буквы **й** указывается принятое на протяжении многих лет название „**и** краткое“.

Изменение названий буквы **й** связано с изменением отношения к звуку, обозначаемому этой буквой.

Звук, обозначаемый буквой **й**, в школьной практике еще совсем недавно считался полугласным³. Соответственно называлась „полугласной“ и буква **й**⁴. Это было ее комплексное название (по отношению к классу букв согласных и гласных). Индивидуальное же название буквы „**и** краткое“ находилось в соответствии с обозначаемым ею неслоговым гласным (поэтому как бы полугласным) звуком [и] (в научной фонетической транскрипции этот звук обозначают знаком *i*).

В новом школьном учебнике буква **й** отнесена к числу согласных букв.

Такое коренное изменение в отнесении буквы **й** к другому комплексному классификационному разряду связано с тем, что в новом школьном учебнике звук, обозначаемый этой буквой, отнесен к числу согласных звуков (фактически—фонем). Это хорошо, поскольку и звук, обозначаемый в русском письме буквой **й**, и звук, обозначаемый (вместе с соответствующими гласными

¹ См.: «Русский язык. Учебное пособие для 4 класса», указ. изд., с. 84.

² На распространенность в школе разговорного названия „ий“ указывает А. И. Моисеев. См. его книгу „Буквы и звуки“ (Л., 1969, с. 40).

³ См. консультацию в журн. „Русский язык в школе“, 1965, № 4, с. 118.

⁴ Буква **й** называлась полугласной в школьном учебнике С. Г. Бархударова и С. Е. Крючкова. Полугласной она называется и в учебнике для педучилищ А. И. Земского, С. Е. Крючкова, М. В. Светлаева (указ. изд., с. 68).

звуками) буквами **я, ю, е, ё** (а иногда и буквой **и**), являются „представителями“ согласной фонемы йот (в научной фонемной транскрипции эту фонему обозначают знаком j , в данном учебном пособии она обозначается знаком $|й|$).

Но в то же время квалификация звука, обозначаемого буквой **й**, как согласного может показаться в школе сомнительной, ибо акустически и артикуляторно звук, непосредственно обозначаемый самой буквой **й**, — это все-таки неслоговой гласный $[и]$; в виде согласного звука фонема $j|й|$ реализуется тогда, когда вместе с гласными звуками обозначается буквами **я, ю, е, ё** (**яр, юг, ел, ёж**). Поэтому объяснить школьникам, каким образом хотя и неслоговой, но все-таки гласный звук (ср. *сарай* и *сарай*) в конечном счете оказывается согласным¹, если не вводить понятия фонемы, — трудно, хотя и возможно².

Букву **й** называли еще (а иногда называют так и сейчас) „**и** с краткой“ (по значку „кратка“ над буквой), но со времен Я. К. Грота за буквой **й** закрепилось предложенное им название: „...**й** несправедливо называется по внешнему признаку своего начертания (с краткой), а вернее было бы называть эту букву по ее натуре, просто „**и** краткое...“³.

Предложенное Я. К. Гротом название хорошо „работало“, пока звук, непосредственно обозначаемый буквой **й**, определялся как неслоговой гласный (или полугласный) на основании артикуляторных и акустических впечатлений. Теперь, когда новый школьный учебник приблизился к фонематическому решению вопроса о неслоговом гласном $[и]$, отнеся его к согласным звукам (фактически — фонемам), название „**и** краткое“ для буквы **й** становится фонологически (не фонетически) менее подходящим. Поэтому можно признать резонным рассуждение И. С. Ильинской, считающей более подходящим название для буквы **й** „**и** с краткой“: „...название

¹ Звук j (неслоговой гласный $[и]$) — неосновной оттенок фонемы йот; согласный же в случаях типа $[йук]$, $[йэл]$, $[йош]$ — основной оттенок фонемы йот. Поэтому фонема йот и считается согласной фонемой.

² См.: В. Ф. Иванова. Звуки и буквы в новом школьном учебнике. — „Русский язык в школе“, 1969, № 5, с. 60—61.

³ Я. К. Грот, указ. соч., с. 145.

„и краткое“, — пишет И. С. Ильинская, — ставит йот в один ряд с гласными звуками, дает основание считать его какой-то разновидностью гласной фонемы и тем самым мешает его пониманию как самостоятельной согласной фонемы¹.

Название „и краткое“ применительно к букве *й* при современном уровне развития фонологии считает неудачным и А. А. Реформатский. Более удачное, по его мнению, название „и с краткой“ А. А. Реформатский сравнивает для подкрепления „правильности“ этого последнего названия с названием латинской буквы *i*: „и с точкой“².

Итак, в настоящий момент конкурирующими названиями для буквы *й* можно считать три: „и краткое“, „и с краткой“ и „ий“. Первое название как бы „перекликается“ с природой звука, непосредственно обозначаемого самой буквой *й*; второе название описательно раскрывает начертание этой буквы; третье название — звуковое (типа „эм“, „эс“), хотя оно имеет разговорный оттенок.

Все названия букв — это имена существительные среднего рода (принято говорить: строчное *о*, прописное *п* и т. п.).

В школьных учебниках классификаций названий букв обычно не дается, хотя в новом школьном учебнике элементы классификации „индивидуальных“ названий букв представлены. Это сделано в форме упражнения на названия согласных букв³.

НЕБУКВЕННЫЕ ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

К небуквенным графическим средствам письменной речи относятся: знак ударения, дефис (черточка), знаки препинания, апостроф, знаки параграфов, пробелы между словами, более крупные пробелы между главами, параграфами и другими частями печатных тек-

¹ И. С. Ильинская. Фонетика и орфография. В кн.: „Книга о русском языке“. М., 1969, с. 24.

² А. А. Реформатский. Рецензия на книгу „Книга о русском языке“. — „Русский язык в школе“, 1969, № 5, с. 109.

³ См.: „Русский язык. Учебное пособие для 4 класса“, указ. изд., упр. 221, с. 85.

стов, а также курсив, разрядка, подчеркивание, различие букв и слов по цвету.

Хотя в русском языке ударение разноместное, т. е. свободное, обычно оно не фиксируется средствами графики. Таким образом, письмо наше рассчитано на лиц, владеющих нормами ударения. Обозначается ударение лишь в текстах учебников русского языка для иностранцев и народов СССР¹. Однако в отдельных случаях оно должно быть обозначено и в текстах, рассчитанных на русского читателя.

В русском языке есть слова, которые различаются только местом ударения: *замо́к*—*за́мок*, *му́ка*—*мука́*, *нареза́ть*—*наре́зать*, *уже́*—*уже* и т. п. Поскольку же ударение в русском письме, как правило, не обозначается, то тем самым создаются омо́графы—слова, одинаково пишущиеся, но произносимые различно². Но обычно и в словах-омографах ударение не обозначается, так как правильное чтение (озвучивание) обеспечивает нам контекст. Ср.: *На двери висел большой замо́к*; *На горе высился большой за́мок*; *Какая-то особенная му́ка терзала старика*; *В банке лежала мука́*; *Повар стал мелко-мелко нареза́ть баранину*; *Девочка хотела наре́зать флажков для елки*; *Он уже́ не маленький*; *Этот лист бумаги значительно уже*.

И все-таки обозначение места ударения в слове в отдельных случаях необходимо. Причем обозначение ударения иногда бывает необходимо не только в таких случаях, когда многие формы у разных слов совпадают, но даже и тогда, когда омографы создаются при совпадении какой-либо одной формы разных слов, например: *крою* (от *крыть* и от *кроить*), *пищу* (1-е лицо от глагола *пищать* и вин. п. от существительного *пища*) и т. д.

Ср. такой текст: „Пчелка потянулась на своем мшистом ложе, сложила ручки и увидала, как звезды, мерцая, стали загораться на бледном небе; потом глаза ее наполовину закрылись, но все-таки ей показалось, что она

¹ Как правило, ударение обозначается в словарях, причем не только в специальных (орфоэпических), но и в других (толковых, энциклопедических и т. п.).

² Подробнее о русском ударении см. брошюру Р. И. Аванесова „Ударение в современном русском литературном языке“ (М., 1955) и книгу В. А. Редькина „Акцентология современного русского литературного языка“ (М., 1971).

видит в воздухе гнома, который летит, сидя верхом на *вóроне*. Натянув поводья, которыми была взнуздана черная птица, гном приостановился вверху над девочкой и глянул на нее своими круглыми глазами, затем прищипорил своего скакуна и умчался крылатым галопом. Пчелка смутно видела, как он пролетел и исчез, а потом и совсем заснула“ (А н а т о л ь Ф р а н с. Пчелка (сказка), перевод С. Боброва). В тексте обозначено ударение: *на вóроне*. И это, как видит читатель, очень важно, ибо *гном на вóроне*—это как-то сниженно, смешно, *гном на вóроне* поэтично.

Необозначение ударения в словах-омографах может оставлять неясность. Например, в книге Вл. Гиляровского „Москва и москвичи“ так говорится о тяжелом труде банщиков старой Москвы, который оплачивался только чаевыми: „Парильщики жили подачками от мывшихся за свой каторжный труд в пару, жаре и *мокроте*“ (М., 1959, с. 220). В последнем слове читатель может не сразу определить правильное ударение¹.

Иногда ударение ставится для помощи читающему лишь быстрее правильно прочесть омограф. Общий смысл предложения подсказывает правильное ударение, однако оно может быть „найдено“ не сразу, читатель может „споткнуться“ и потерять время на обдумывание получившейся бессмыслицы. Ср. такой текст с поставленным знаком ударения:

„Когда „СК-0519“, приняв на борт корректировщиков, отошел от „малой земли“, шинель лейтенанта Решетникова была еще в полном порядке, если не считать серых пятен от удивительно въедливой грязи, по которой ему приходилось отползать от автоматчиков, и двух других дырок *в полé*, сделанных очередями“ (Л. Соболев. Зеленый луч).

Логическое ударение (особое выделение важного в смысловом отношении слова) обозначается (впрочем, очень редко) курсивным выделением слова: „Пахло слегка сыростью, пылью, старой бумагой и еще чем-то. Я узнал

¹ О правильном ударении в незнакомых или трудных в отношении постановки ударения словах следует справляться в специальном справочнике: „Русское литературное произношение и ударение“. Словарь-справочник, под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1959.

чем только в следующей большой комнате... пахло мышами" (Вл. Гиляровский. Москва и москвичи).

К небуквенным графическим средствам относятся знаки препинания. Однако правила их употребления не имеют отношения ни к графике, ни к орфографии: они строятся на смысловой, синтаксической и интонационной основе. Правила расстановки знаков препинания, или, иначе, правила пунктуации,— это второй раздел русского правописания (первый—орфография), и замыкает он к синтаксису.

Не является знаком препинания дефис (черточка). Это особый знак, служащий для графического соединения разделенных пробелом частей слов. Например: *по-хорошему, социал-демократ, садово-огородный, русско-французский* и т. д.

Соединяются дефисом также и отдельные слова, имеющие значение одного слова: *кафе-ресторан, премьер-министр, изба-читальня, пила-рыба* и т. п. Передается дефисом и интонационное объединение повторяющихся слов (или слов с одной основой): *маленький-маленький, день-деньской, давным-давно, крепко-накрепко* и т. п. Дефисом присоединяются и одиночные приложения, тяготеющие вместе с определяемыми ими словами к слиянию в одно слово: *завод-гигант, город-герой, девушка-грузинка, Москва-река, Аника-воин* и т. п. То, что дефис—это знак соединения слов или частей слов, особенно хорошо видно, когда дефисом обозначается, например, протяженность гласного в слове (ср.: *с неба звездочка упала-а-а*) или в одно целое соединяются части междометий: *ой-ой-ой! ай-ай-ай!* Ср. также „*И-го-го*“ (название пьесы Евг. Сперанского для кукольного театра). Ср. также дефис в качестве знака переноса. Не случайно знак переноса назывался на Руси знаком „соединительным“ (в грамматике Лаврентия Зизания, 1596), позднее—„единительным“ (у Ломоносова, 1755).

Дефис не следует путать с тире. Они различны и графически и по назначению. Дефис—коротенькая черточка, тире—длинная черта. Дефис—знак соединения¹;

¹ Употребление термина «дефис» очень своеобразно. *Дефис*—от нем. *Devís*, происходящего в свою очередь от лат. *divisio*—разделяю. Буквально означая „разделяющий“, он служит знаком соединения (хотя он „разделяющий“ в противоположность контакту).

тире — знак разделения, интонационного членения текста. Так же как и дефис, тире (наряду с другими случаями его употребления) ставится, например, между приложением и определяемым словом. Но если дефис ставится для присоединения одиночного приложения, то тире ставится для обособления, отделения приложения (чаще распространенного) от определяемого слова. Ср.: *Ходил на Оку-кормилицу, и на Цну-голубку, и на Волгу-матушку и много людей видал* (здесь дефис); *Я вынул из сумки глубомер — гирьку на длинной бечевке — и промерил глубину* (здесь два тире).

Чисто графическим средством — даже и по правилам употребления — являются в некоторых случаях кавычки. Это бывает тогда, когда кавычки ставятся для выделения слов-названий (названий произведений, учреждений, пароходов, книг, журналов и т. д.), а также для „зрительного сигнала“ о различного рода словесных новообразованиях. Ср.:

„— Что это дым над Суцевской частью? Уж не пожар ли?

— Не беспокойтесь, ничего, это „Русскую мысль“ жгут“ (Вл. Гиляровский. Москва и москвичи).

„...Папа у него „артиллерист“... Так у нас артельщиков называют...“ (Марк Еленин. Три шага в пустыне).

К небуквенным графическим средствам относится апостроф¹ — надстрочный знак в виде запятой, заимствованный из западноевропейского письма. Он употребляется при склонении иностранных слов, чаще фамилий (если они склоняются по образцу русских), для отделения основы слова, набранной иностранным шрифтом, от падежных окончаний, например: у Voltair'a, о Byron'e, для отделения однобуквенных частиц в иностранных именах собственных (на месте опущенной гласной) в соответствии с подлинником: д'Аламбер, Жанна д'Арк, газета *Джорнале д'Италия* и т. п.

При отсутствии буквы ъ в клавиатуре пишущих машинок апостроф употребляется вместо ъ в значении разделительного знака (*с'езд, об'явление*), однако по правилам русской орфографии здесь апостроф недопустим (*съезд, а не с'езд*).

¹ *Апостроф*, от греч. *apóstrophos* — обращенный в сторону, назад.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Д. И. Произношение сложносокращенных слов и буквенных аббревиатур.—„Вопросы культуры речи“, вып. 4. М., 1963.

Бодуэн де Куртене И. А. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912, с. 3—40.

Борковский В. И. Грамоты на бересте.—„Русская речь“, 1968, № 3.

Волоцкая З. М., Молошная Т. Н., Николаева Т. М. Опыт описания русского языка в его письменной форме. М., 1964 („Графические средства“, с. 9—33).

Глускина С. М., Жуковская З. В. Разделительные знаки в русском письме.—„Русский язык в школе“, 1961, № 4.

Граудина Л. К. Как произносятся и склоняются аббревиатуры.—„Русская речь“, 1975, № 5, с. 157—160.

Еськова Н. А. Из истории русской орфографии.—„Русская речь“, 1967, № 5.

Иванова Т. А. О названиях славянских букв и о порядке их в алфавите.—„Вопросы языкознания“, 1969, № 6.

Ильин М. Черным по белому. М., 1958.

Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуки (863—1963). М., 1963.

Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. М., 1965.

Лоукотка Ч. Развитие письма, пер. с чешского Н. Н. Соколова, под ред. и с предисл. проф. П. С. Кузнецова. М., 1930.

Макарова Р. В. Нужно ли менять русскую азбуку?—„Русская речь“, 1968, № 6.

Макарова Р. В. Нужна ли латинизация?—„Русская речь“, 1969, № 4, с. 123—124.

От азбуки Ивана Федорова до современного букваря. Сост. Богданов В. П., Карпюк Г. В. Авторы текста Горещкий В. Г., Карпюк Г. В. М., 1974.

Рубинштейн Р. И. Разгаданные письма. М., 1960.

Тарабасова Н. И. Буква э в скорописи.—„Русская речь“, 1969, № 4.

Филиппова И. С. Русская скоропись.—„Русская речь“, 1971, № 5.

Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956.

Черепнин Л. В. Грамоты на бересте.—„Русская речь“, 1971, № 4.

Щепкин В. Н. Русская палеография. Изд. 2-е. М., 1967.

Юшманов Н. В. Проблема названий букв латинского алфавита.—Сб. „Язык и мышление“, IX. 1940.

Юшманов Н. А. Проблема алфавитного порядка.—Сб. „Язык и мышление“, IX. 1940.

Янко-Триницкая Н. А. Имена букв.—„Русский язык в национальной школе“, 1971, № 4.

ГЛАВА II

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ БУКВАМИ (ГРАФЕМАМИ) И ЗВУКАМИ (ФОНЕМАМИ)

ФОНЕМНЫЙ СОСТАВ ЯЗЫКА И ПРИНЦИПЫ ОБОЗНАЧЕНИЯ ФОНЕМ

С помощью 33-х букв¹ русского алфавита (10 гласных букв, 21 согласная, а также буквы **ѣ** и **ѵ**) обозначается 41 фонема русского языка. Это 6 гласных фонем: [а, э, и, о, у, ы] и 35 согласных фонем: [б, б', п, п', м, м', в, в', ф, ф', н, н', д, д', т, т', з, з', с, с', л, л', р, р', ц, ч, ж, ш, ј (й), г, г', к, к', х, х'].

В приведенном перечне согласных фонем отсутствуют [ж̄'] и [ш̄'], которые считаются самостоятельными фонемами учеными МФШ. Звук [ж̄'], в соответствии со старомосковской нормой произношения, произносится лишь в немногих корневых морфемах: *брезжить*, *брюзжать*, *дребезжать*, *дождь*, *дрожжи*, *вожжи*, *визжать*, *жужжать*, *жжет*, *сожженный*, *можжевелик*, *можжечок*, *разможжить*, *езжу*, *приезжий*, *позже* и нек. др. Этот звук постепенно выходит из употребления и заменяется звуком [ж̄]². Считают поэтому, что [ж̄'] является уже

¹ Поскольку графему нельзя написать, то при рассмотрении звуковых значений графем в книгах широкого практического значения обычно пишут о звуковых значениях букв: о звуковом значении буквы **а**, буквы **б** и т. д. При этом в качестве основного представителя графемы чаще избирается строчная буква (прописные буквы наделены добавочной функцией „заглавности“ и некоторыми учеными считаются даже особыми самостоятельными графемами).

² О причинах вытеснения [ж̄'] см. монографию: „Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского языка. Народные говоры“, под ред. М. В. Панова. М., 1968, с. 91—102.

лишь произносительным вариантом [ж̄]. Долгое же твердое [ж̄] является сочетанием двух фонем |ж + ж|. Ср. |зз|, |сс|, |дд| и т. д.

Звук [ш̄'] употребляется наряду со звуками [ш'ч] в одних и тех же словах, например: *расчистить*, *возчик*: *ра[ш'ч]истить* и *ра[ш̄']истить*, *во[ш'ч]ик* и *во[ш̄']ик*. При произношении [ш̄'] (которое можно как бы разложить на элементы [ш'т'ш']) утрачивается смычный элемент [т'] и получается [ш̄']. Фонематически же сочетание [ш'ч] интерпретируется как сочетание фонем |шч|: фонемы |ш'| в русском языке нет, мягкий недолгий глухой шипящий звук может быть только перед следующим мягким согласным, получая от последнего чисто позиционное смягчение.

Обозначается звук [ш̄'], равно как и сочетание [ш'ч], буквосочетаниями *сч*, *зч*, *шч*, *жч*, *стч*, *здч*, *ждь*, а также буквой *щ* (*счастье*, *извозчик*, *веснушчатый*, *мужчина*, *жестче*, *бороздчатый*, *дождь*, *щавель*, *блещет*).

В школьном учебнике в таблице звуков русского языка указан звук [ш']. Это в первую очередь связано с наличием в алфавите особой буквы. Кроме того, фонологическая интерпретация произносимых [ш̄'] и [ш'ч] как сочетания фонем |шч| в школе, конечно, затруднительна¹.

Распространено мнение, что идеальным алфавитом следует считать такой алфавит, в котором для каждой фонемы имеется отдельная графическая единица. Но уже доказано и другое, а именно то, что такой способ обозначения фонем не только не обязателен, но и не всегда желателен, так как неэкономичен.

Указывая, что недостаток согласных графем в русском алфавите для обозначения согласных фонем устраняется излишком графем для гласных, И. А. Бодуэн де Куртенэ предполагал вывести математическую формулу (указать ее пределы или лимиты и исчислить частные случаи), которая должна была бы показать пределы возможностей графических сочетаний². Но Бодуэн де Куртенэ этой формулы не вывел. Математическая фор-

¹ Подробнее см.: Л. Л. Буланин. Фонетика современного русского языка. М., 1970, с. 83—84.

² См.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912, с. 67.

мула построения алфавита была выведена в 1928 г. Н. Ф. Яковлевым. Она была названа Н. Ф. Яковлевым „формулой построения наиболее экономного (в отношении числа букв) алфавита“¹.

Экономность построения алфавита достигается тем, что дифференциальные (различительные) признаки мягкости и твердости у согласных фонем обозначаются последующими гласными буквами. Этот способ для русского письма получил наименование силлабического², или слогового, принципа русской графики. Термин „силлабический“, по-видимому, принадлежит В. А. Богородицкому³.

В настоящее время предложен другой термин — «буквосочетательный принцип»⁴. Введение термина „буквосочетательный принцип“ полезно: он позволяет разграничить понятие слога как единицы фонетической от единицы графической. Фонетическим слогом может быть и такой слог, как, например, [б'аз'] слова *бязь*, который не равен „графическому слогу“ в том же слове. „Графический слог“ здесь *бяз*. Но, с другой стороны, название „буквосочетательный принцип“ имеет и отрицательную сторону: можно подумать, что им охватываются любые сочетания букв, например *зк* в словоформе *салазки* и т. п.

В данном учебном пособии сохранен традиционный термин „слоговой принцип русской графики“. Перейдем к его подробному рассмотрению.

СЛОГОВОЙ ПРИНЦИП РУССКОЙ ГРАФИКИ

Общие замечания

В русском языке в качестве единицы чтения и письма выступает графический слог. Сочетание согласной и гласной букв представляет собой цельный графический слог.

¹ Н. Ф. Яковлев. Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории). В кн.: А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М., 1970, с. 131.

² Силлабический происходит от греческого слова *syllabikós*, что значит „слоговой“.

³ См.: В. А. Богородицкий. Курс грамматики русского языка, ч. I, Фонетика. Варшава, 1887, стр. 43. Термин „поскладной принцип русской графики“ находим у Н. Н. Бахтина в книге „Проект новой системы азбуки и орфографии“ (Киев, 1886).

⁴ См.: А. И. Моисеев. Буквы и звуки. О современном русском письме. Л., 1969, с. 53.

ческий элемент, буквосочетание, обе части которого взаимно обусловлены: как гласные, так и согласные буквы пишутся и читаются с учетом соседних букв.

Слоговой принцип применительно к согласным буквам

В русском языке различают твердые и мягкие согласные фонемы. Они служат для различения слов (ср. *кон* и *конь*, *мол* и *моль*), поэтому необходимо их дифференцированное обозначение на письме. Между тем у нас нет особых букв для такого обозначения твердых и мягких согласных фонем; так, например, одна и та же буква *н* употребляется и для обозначения твердого согласного [н] и для обозначения мягкого согласного [н']. Указание на твердость или мягкость согласного осуществляется на письме последующей гласной буквой, ср., например: *пена* [п'эна] и *пéня* [п'эн'а] (*пéня*—особого рода штраф).

Помимо этого, в конце слов, а также перед согласными мягкость согласных обозначается на письме мягким знаком, который ставится после соответствующей согласной буквы, например: *пень*, *пенька*.

Л. В. Щерба отмечал, что возможность обозначения твердых и мягких согласных фонем одной буквой сильно облегчена строем русского языка, в котором они очень часто чередуются друг с другом в разных формах одного и того же слова: *стул*—*на стуле* [стул—на стул'-э], *труба*—*трубе* [труб-а—труб'-э], *сяду*—*сядешь* [сяд-у—сяд'-эшь], *сильный*—*сильнее* [с'ил'н-ый—с'ил'н'-эйэ] и т. д., а также при словопроизводстве: *черный*—*чернить* [черн-ый—черн'-ить], *лиса*—*лисий* [лис-а—лис'-ий] и т. п. Во всех этих случаях перемена твердого согласного на соответствующий мягкий создает звуковое видоизменение корней, семантически абсолютно тождественных: „стул-“ и „стул'-“ (в *на стуле*), „сяд-“ (в *сяду*) и „сяд'-“ (в *сядешь*), „черн-“ (в *черный*) и „черн'-“ (в *чернить*)¹.

Твердые и мягкие согласные, поскольку они часто чередуются в пределах одного корня, для большего

¹ Л. В. Щерба. Теория русского письма. См.: Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 169.

единообразия письма даже целесообразно обозначить одной буквой.

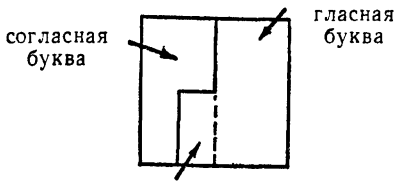
В нашем алфавите имеется два разряда гласных букв, один из которых указывает на то, что предшествующая им согласная буква обозначает соответствующий твердый согласный, а другой на то, что предшествующая им согласная буква обозначает соответствующий мягкий согласный. Функции этих двух разрядов гласных букв могут быть представлены в следующей таблице:

Гласные, указывающие на твердость согласного	а	о	у	э	ы
	<i>са</i> (сам)	<i>со</i> (сом)	<i>су</i> (суп)	<i>сэ</i> (сэр)	<i>сы</i> (сын)
Гласные, указывающие на мягкость согласного	я	ё	ю	е	и
	<i>ся</i> (вся)	<i>сё</i> (всё)	<i>*сю</i> (всю)	<i>се</i> (все)	<i>си</i> (восвояси)

Гласные, указывающие на мягкость предшествующего согласного, называют „смягчающими“ гласными буквами, а гласные, указывающие на то, что предшествующая согласная буква обозначает твердый согласный, называют „несмягчающими“ гласными буквами (разумеется, что гласные буквы обозначают при этом и саму гласную фонему).

Самым существенным в обозначении мягкости гласных на письме является то, что сочетание согласной и смягчающей гласной букв при чтении неразрывно. Для того чтобы, например, слог **ня** звучал как [н'а], буквы **н** и **я** должны читаться только вместе, целым слогом (*пéня*). Именно гласные буквы при этом обозначают на письме мягкость предшествующего согласного. Графически это можно передать так: **я** — [’а].

Обозначение твердости или мягкости согласного последующей гласной буквой и неразрывность сочетания согласной буквы с последующей гласной может быть представлена в такой геометрической схеме:

указание на твердость
или мягкость
предшествующего согласного

Согласная буква не обозначает ни твердости, ни мягкости: последние признаки обозначены гласной буквой. Их соединение подобно соединению в пазах.

В русском письме 15 согласных букв, которые могут обозначать соответственно либо твердый, либо мягкий согласный звук. Это может быть представлено в таблице чтения слогов с этими 15 согласными буквами.

Согласные буквы	Звуковые значения букв	Примеры слогов (согласная буква с последующей „несмягчающей“ гласной буквой)	Чтение слогов	Примеры слогов (согласная буква с последующей „смягчающей“ гласной буквой)	Чтение слогов
б	<i>б</i> либо <i>б'</i>	<i>ба</i>	ба	<i>бя</i>	<i>б'а</i>
в	<i>в</i> либо <i>в'</i>	<i>ва</i>	ва	<i>вя</i>	<i>в'а</i>
г	<i>г</i> либо <i>г'</i>	<i>га</i>	га	<i>гы</i>	<i>г'а</i>
д	<i>д</i> либо <i>д'</i>	<i>да</i>	да	<i>дя</i>	<i>д'а</i>
з	<i>з</i> либо <i>з'</i>	<i>за</i>	за	<i>зя</i>	<i>з'а</i>
к	<i>к</i> либо <i>к'</i>	<i>ка</i>	ка	<i>кя</i>	<i>к'а</i>
л	<i>л</i> либо <i>л'</i>	<i>ла</i>	ла	<i>ля</i>	<i>л'а</i>
м	<i>м</i> либо <i>м'</i>	<i>ма</i>	ма	<i>мя</i>	<i>м'а</i>
н	<i>н</i> либо <i>н'</i>	<i>на</i>	на	<i>ня</i>	<i>н'а</i>
п	<i>п</i> либо <i>п'</i>	<i>па</i>	па	<i>пя</i>	<i>п'а</i>
р	<i>р</i> либо <i>р'</i>	<i>ра</i>	ра	<i>ря</i>	<i>р'а</i>
с	<i>с</i> либо <i>с'</i>	<i>са</i>	са	<i>ся</i>	<i>с'а</i>
т	<i>т</i> либо <i>т'</i>	<i>та</i>	та	<i>тя</i>	<i>т'а</i>
ф	<i>ф</i> либо <i>ф'</i>	<i>фа</i>	фа	<i>фя</i>	<i>ф'а</i>
х	<i>х</i> либо <i>х'</i>	<i>ха</i>	ха	<i>хя</i>	<i>х'а</i>

Буква *а* и *я* взяты в таблице в качестве „представителей“, с одной стороны, „несмягчающих“ гласных букв (*а*), с другой — „смягчающих“ (*я*), но любой из 15 согласных может образовать слоги и с другими „не-

смягчающими“ гласными буквами (*бо, бу, бэ, бы; во, ву, вэ, вы* и т. д.), и с другими „смягчающими“ гласными буквами (*бѣ, бю, бе, би; вѣ, вю, ве, ви* и т. д.). Чтение слогов при этом (в отношении произношения на месте согласных букв либо твердых, либо мягких согласных звуков) будет таким же, как в слогах *ба, ва* и т. д., с одной стороны, и в слогах *бѣ, вѣ* и т. д.—с другой; перед „несмягчающими“ гласными буквами произносится твёрдый согласный, перед „смягчающими“ — мягкий.

Некоторые буквосочетания, указанные в таблице, для русского языка редки, например: *гя, кя, фя* и некоторые другие. Однако принципиально возможны любые из указанных буквосочетаний. Так, буквосочетание *гя* употребляется при передаче на письме диалектной деепричастной формы *берегя*; *кя*—при передаче просторечной формы *пекя*; буквосочетание *фя*—в слове *тюфяк*. Разнообразны буквосочетания в словах иноязычного происхождения, а также в аббревиатурах, читающихся как слова. Так, сочетания согласных букв с буквой *э* даже в заимствованных словах, если это не имена собственные, редки: *пэр, мэр, сэр*. В аббревиатурах же такие сочетания обычны. Ср. *БЭБИМ* (Бюллетень экспериментальной биологии и медицины), *ВЭС* (Ветеринарный энциклопедический словарь), *КЭЧ* (Квартирно-эксплуатационная часть), *ФЭД* (Феликс Эдмундович Дзержинский; в маркировке фотоаппаратов, например: *ФЭД-2, ФЭД-3*—так называют фотоаппараты этой марки) и т. д.

Для чтения слогов безразлично, откуда взят слог,— из русского слова, из заимствованного или из аббревиатуры, читающейся как слово,— важна система обозначения на письме твердых и мягких согласных фонем. Владая этой системой, можно всегда при возникшей необходимости, иногда даже и не в стандартных случаях, правильно обозначить мягкость или твердость согласного. Приведем пример. Слово *прелестный* в соответствии с литературной нормой произносится с мягкими согласными [р'] и [л']. Их мягкость на письме передана тем, что после букв *р* и *л* стоит „смягчающая“ гласная буква *е*. Но Маяковский, читая свою поэму „Человек“, произносил это слово иначе, с твердыми [р] и [л]. Как это передать на письме?

Лев Никулин описал чтение Маяковского следующим образом:

„Главу „Маяковский в небе“ он (Маяковский.— В. И.) начинал свободно и просто, со вздохом облегчения, как бы желая отдохнуть после долгого, утомительного пути:

*Стоп!
Скидываю на тучу
вещей
и тела усталого
кладь.
Благоприятны места, в которых
доселе не был.*

.

Далее идет диалог с ангелом в тоне светской беседы. Ангел спрашивает тоном светского человека, хозяина дома:

*„Ну, как вам,
Владимир Владимирович,
Нравится бездна?“
И я отвечаю так же любезно:
„Прелестная бездна.
Бездна — восторг!“*

Он произносил „прелестная“ именно в том пшюттовском тоне, который был характерен для светских бездельников,— а как же иначе можно, мол, беседовать с таким деликатным существом, как ангел!“¹

Используя систему определенных графических соотношений, орфографически неправильным, но графически точным написанием „прэлэстный“ Лев Никулин имел возможность передать на письме особое, стилистически направленное произношение Маяковского.

Буквы *ж, ш, ц, ч, щ* обозначают согласные звуки либо только твердые, либо только мягкие. Звук [ч] в русском языке только мягкий, звуки [ж], [ш] и [ц] только твердые.

Как уже говорилось (см. выше, стр. 75), особое положение занимает буква *щ*. Звука [щ] в русском языке нет. На месте орфографического *щ* одни из говорящих по-русски произносят долгий мягкий согласный звук

¹ Лев Никулин. Люди и странствия. Воспоминания и встречи. М., 1962, с. 51—52.

[ш'ш'], другие произносят сочетание звуков [ш'ч]. Но главным, конечно, является здесь то, что букве **щ** соответствуют только мягкие согласные звуки. В этом отношении буква **щ** стоит в одном ряду с буквой **ч**. В школьном учебнике в таблице звуков русского языка у знаков [ш] и [ч] стоит поэтому справа знак мягкости: [щ'], [ч'].

Буква **щ** возникла из лигатуры **шт** (**ш** и **т**), которая по-древнеболгарски читалась (и до сих пор так читается у болгар) как [шт]: *пушам* [пуштам] по-болгарски, *пущу* — по-русски [пуш'у] или [пуш'чу].

Чтение слогов с буквами **жс**, **шс**, **цс**, **чс**, **щс** может быть представлено в следующей таблице:

Согласные буквы	Звуковые значения букв	Примеры слогов (согласная с последующей „несмягчающей“ гласной)	Чтение слогов	Примеры слогов (согласная с последующей „смягчающей“ гласной)	Чтение слогов
ж	<i>жс</i>	<i>жа</i>	<i>жа</i>	<i>же</i>	жэ (не ж'э)
ш	<i>шс</i>	<i>ша</i>	<i>ша</i>	<i>ше</i>	шэ (не ш'э)
ц	<i>цс</i>	<i>ца</i>	<i>ца</i>	<i>це</i>	цэ (не ц'э)
ч	<i>ч'</i>	<i>ча</i>	<i>ча</i>	<i>че</i>	чэ
щ	<i>ш'ш'</i> (<i>ш'ч'</i>)	<i>ща</i>	<i>ш'ш'а</i> (<i>ш'ч'а</i>)	<i>ще</i>	ш'ш'э (ш'ч'э)

После букв **жс**, **шс**, **цс**, **чс**, **щс** употребляются не все „несмягчающие“ гласные и не все „смягчающие“ (это определяется особыми, условными правилами). Но главным здесь является то, что независимо от последующей „смягчающей“ или „несмягчающей“ гласной буквы на месте букв **жс**, **шс**, **цс**, **чс**, **щс** произносятся соответственно либо только твердые, либо только мягкие согласные звуки.

Слоговой принцип применительно к гласным буквам

Обозначение звука йот

Как и согласные буквы, гласные буквы в русском письме читаются так или иначе в зависимости от того, рядом с какими буквами они стоят в слове. Так, например, буквосочетания **ня**, **ню** (*нёня*, *нёх*), в отличие от буквосочетаний **на**, **ну** (*пена*, *нуль*), являются опре-

обозначают звук йот, т.е. будто буквы и звуки находятся в таком соответствии:

буквы	<i>а</i>	<i>д</i>	<i>ѣ</i>	<i>ю</i>	<i>т</i>	<i>а</i>	<i>н</i>	<i>т</i>
звуки	<i>а</i>	<i>д</i>	<i>й</i>	<i>у</i>	<i>т</i>	<i>а</i>	<i>н</i>	<i>т</i>

буквы	<i>ч</i>	<i>ѣ</i>	<i>и</i>
звуки	<i>ч</i>	<i>й</i>	<i>и</i>

Но для современных звуко-буквенных соотношений это неверные представления. Они порождаются наличием таких пар, как:

<i>семья</i>	[с'им'я]	— <i>семя</i>	[с'эм'а]
<i>костью</i>	[кос'т'йу]	— <i>Костю</i>	[кос'ту]
<i>многоводье</i>	[...вод'йэ]	— <i>водё</i>	[вад'э]
<i>сѣмка</i>	[с'йомка]	— <i>Сѣмка</i>	[с'омка]
<i>семь</i>	[с'им'йи]	— <i>семі</i>	[с'им'и]

Приведенные пары на слух отличаются наличием звука йот в словах левого столбца и отсутствием его в словах правого столбца (в отдельных случаях также местом ударения), а зрительно эти пары отличаются только наличием или отсутствием букв *ѣ* и *ѣ*. Это и создает иллюзию, что именно буквы *ѣ* и *ѣ* обозначают звук йот¹.

Однако это не так. Возможность передавать йот с гласным звуком: [йа], [йу], [йэ], [йо], [йи]—одно из собственных значений букв *я*, *ю*, *е*, *ѣ*, *и*. Оно проявляется в тех случаях, когда указанные буквы не следуют после согласных букв (ср. *яма*, *юрта*; *пояс*,

¹ О том, что именно *ѣ* и *ѣ* непосредственно обозначают звук йот, говорит, например, в интересной, но спорной статье Р. Якобсон. Он считает, что буквы *я*, *ю*, *е*, *ѣ*, *и* указывают лишь на смягчение предшествующих ерю и еру согласных. Его суждению противоречат следующие факты: 1) написания типа *чью* (зачем здесь обозначать мягкость всегда мягкого *ч*? Ср. написания *чай*, *чудо*); 2) в словах *объём*, *объятие* согласные перед *ѣ*—твёрдые.

Логически продолжает теоретическую концепцию Р. Якобсона его предложение заменить букву *й* мягким знаком и писать так: *Петье китаьскиь чавь*. (См. R. Jakobson, Избыточные буквы в русском письме, „Selected writings“, I, 's-Gravenhage, Mouton, 1962, с. 559—562).

ною и т. д.). Никаких принципиальных изменений в это значение букв не вносится, если они следуют после буквы **ѣ** или после буквы **ь**. Это можно доказать сопоставлением таких пар, как:

<i>терпенье</i>	[т'ирп'эн'йэ]	— <i>терпение</i>	[т'ирп'эн'ийэ]
<i>варенье</i>	[вар'эн'йэ]	— <i>варение</i>	[вар'эн'ийэ]
<i>житьѣ</i>	[жыт'йо]	— <i>житие</i>	[жыт'ийэ]
<i>житьѣ-бытьѣ</i>	[быт'йо]	— <i>бытиѣ</i>	[быт'ийо]
<i>Марья</i>	[Мар'йа]	— <i>Мария</i>	[Мар'ийа]
<i>счастья</i>	[ш'ч'ас'т'йа]	— <i>счастия</i>	[ш'ч'ас'т'ийа]
<i>смертью</i>	[см'эрт'йу]	— <i>смертию</i>	[см'эрт'ийу]

Если считать, что в словах левого столбца звук йот обозначен буквой **ь**, то какой же буквой обозначен йот в словах правого столбца? Он может быть обозначен только буквами **я**, **ю**, **е**, **ѣ** (вместе с соответствующим гласным—[а], [у], [э], [о]), так как предшествующая буквам **я**, **ю**, **е**, **ѣ** буква **и** не может одновременно обозначать и звук [и] и следующий за ней звук йот; буквы **ь** в словах правого столбца нет. Буква **и** в словах *терпение*, *варение* и т. д. обозначает только звук [и]. Но если в словах правого столбца буквы **я**, **ю**, **е**, **ѣ** имеют звуковое значение [йа], [йу], [йэ], [йо], то и в словах левого столбца они имеют то же значение: буква **ь** лишь „отделяет“ их от согласных букв, чтобы они не слились с согласными в буквосочетание и не получили при этом другое звуковое значение.

О том, что буквы **ѣ** и **ь** не обозначают йота, свидетельствуют и сложносокращенные слова типа *детясли*, *главювелирторг*, где благодаря осознанию морфологической границы между отдельными, образующими одно слово частями (*дет-ясли*, *глав-ювелир-торг* и т. п.), буквы **я**, **ю**, **е**, **ѣ** и без разделительных знаков читаются как [йа], [йу] и т. д. (т. е. так, как они читаются в начале соответствующих слов: *ясли*, *ювелирный* и т. п.).

Итак, подлинное соотношение букв со звуками в сочетании букв **ѣю**, **ью** и т. п. следующее:

Буквы	а	д	ѣ	ю	т	а	н	т
Звуки	а	д'	—	йу	т	а	н	т

Буквы	н	о	ч	ь	ю
Звуки	н	о	ч'	—	йу

Так как в буквах **я, е, ю** как бы скрывается йот, эти буквы М. В. Ломоносов называл „потаенными“ двогласными буквами¹.

Среди „потаенных“ букв у Ломоносова не указана буква **ѣ** (ее тогда не было), а также буква **и**, положение которой несколько отлично от букв **я, ю, е**.

Сочетание букв **ѣи**, действительно, несколько особое и требует пояснений.

В отношении этого сочетания особенно устойчивым является представление, что не сама буква **и** обозначает сочетание звуков [ѣи], а что звук йот непосредственно обозначается буквой **ь**.

Устойчивость этого представления создается благодаря тому, что, в отличие от гласных **я, ю, е, ѣ**, буква **и** не употребляется после **ѣ**. Этому способствует также и то обстоятельство, что не является обязательным произношение на месте буквы **и** сочетания звуков [ѣи] ни после гласных, ни в начале слов. Буквы же **я, ю, е, ѣ** в начале слова, а также после гласных читаются обычно с йотом².

Из всего этого делается вывод, что соотношение букв и звуков при сочетании **ѣи** такое:

буквы	н	о	ч	ь	ю
звуки	н	о	ч ^ь	й	у

Однако можно доказать, что, так же как буквы **я, ю, е, ѣ**, непосредственно буква **и** в слове **чьи** и подобных обозначает сочетание гласного [и] с йотом,

¹ См.: М. В. Ломоносов. Российская грамматика (1755). Наставление второе. О чтении и правописании российском. См. в кн.: М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Труды по филологии, т. 7. М.—Л. 1952, с. 423.

² Правда, нужно отметить, что после гласных, а иногда и в начале слов звук йот [й] исчезает из сочетания с соответствующим гласным не только на месте буквы **и**, но и на месте других йотированных букв (если они обозначают безударные гласные). Ср., например, произношение слов *знает, дует, язык* как [знаит], [дуит], [зык] с незнергичным, ослабленным [и] без йота.

а буква **ь**, выполняя функцию разделительного знака, звукового значения не имеет.

Доказать, что именно буква **и** обозначает сочетание звука [и] с йотом, можно следующим образом.

Возьмем формы *чьа, чью, о чьей, чьё*. В них буквы **я, ю, е, ё** обозначают звуковые сочетания [йа], [йу], [йэ], [йо], а буква **ь**, являясь разделительным знаком, звукового значения не имеет¹; в форме *чьи* функция буквы **ь**, естественно, остается той же самой, а значение [йи], следовательно, принадлежит букве **и**.

Итак, соотношение букв и звуков при сочетании букв **ьи** следующее:

буквы	ч	ь	и
звуки	[ч']	—	[йи]

Таким образом, буквы **э** и **ь** в современном русском письме ни в каких случаях не обозначают звуков. Находясь перед буквами **я, ю, е, ё, и**, они лишь сигнализируют, что перечисленные буквы следует читать как [йа], [йу], [йэ], [йо], [йи].

Особого пояснения требует еще соотношение между звуком йот, обозначенным гласными буквами **я, ю, е, ё, и**, и звуком, обозначаемым буквой **й**.

Оба эти звука являются оттенками (вариантами), т. е. видоизменениями одной и той же фонемы йот².

Буквой **й** обозначается в русском языке один из вариантов фонемы йот, а именно тот ее вариант, который встречается в русских словах в конце слога: *май, май-ка, пой-дет*. Другой вариант фонемы йот встречается только в начале слога, но не обозначается в русских словах особой буквой; он обозначается вместе со следующим за ним гласным одной буквой: вместо **йа** пишут **я** (*яма*), вместо

¹ То, что буквы **я, ю, е, ё**, находясь после буквы **ь**, обозначают [йа], [йу], [йэ], [йо], было показано на с. 85.

² В данном учебном пособии сложный вопрос о соотношении и позициях указанных вариантов фонемы йот изложен схематично. Более подробное и более точное его освещение см. в статье Н. А. Еськовой „Фонема <j> в современном русском литературном языке“ («Ученые записки Моск. городск. пед. ин-та им. В. П. Потемкина», т. 42, кафедра русского языка, вып. 4. М., 1957).

йу — ю и т. д.¹. То, что звук, обозначаемый отдельной буквой **й**, является лишь вариантом фонемы йот, обозначаемой вместе с гласными звуками [а], [у] и т. д. буквами **я**, **ю** и т. д., хорошо видно при изменении слов:

край — края [край — крайá]
ручей — ручьи [руч'эй — руч'йй].¹

В первых словах каждой пары йот обозначается отдельной буквой **й**, во вторых словах каждой пары он обозначен вместе с гласным звуком одной буквой.

Но на слух (акустически) звуки эти (звук, обозначаемый буквой **й**, и звук, обозначаемый вместе с последующим гласным буквами **я**, **ю**, **е**, **э**, **и**) все же разные. Так, например, в слове *пойдет* произносится неслоговой гласный [и]: произношение слова *пойдет* близко к произношению „пойдет“. Между тем йот, произносимый в начале слога и обозначаемый вместе с последующим гласным буквами **я**, **ю**, **е**, **э**, **и**, — отчетливый согласный: произношение, например, слова *яма* [йама] — если иметь в виду только отчетливое произношение — не приближается к произношению [иама].

Название „**и** краткое“, которое было дано букве **й**, хорошо подходит по своему существу к характеру обозначаемого этой буквой звука, так как в слове *пойдет* и т. п. этот звук приближается к гласному [и], но он не образует отдельного слога, как обычный гласный [и], ср.: *пой-дет* и *и-дет*.

Важным является вопрос: какой же из этих двух на слух несколько различных, но близких звуков считать основным, определяющим? Основным считается тот, который звучит в начале слога. В русском языке все согласные, заканчивающие слог, слегка редуцируются (ослабевают, теряют четкость); основным „представителем“ фонемы йот является поэтому именно тот звук, которым начинается слог, а именно согласный йот: йот, звучащий в формах:

край [кра-йá], *мой* [ма-йá],

так как **й** в формах *край*, *мой*, находясь в конце слога, редуцируется². Фонема йот, имея два варианта своей реализации, является по основному своему варианту согласной, но графическое обо-

¹ Йот, звучащий в начале слога, обозначается особой буквой лишь в заимствованных словах: *йод*, *йот*, *майор* и под. Это особый случай обозначения йота в отступление от правил русской графики. Об этом см. ниже, с. 105 и след.

² То, что согласный звук йот легко переходит в „**и** неслоговое“, а „**и** неслоговое“ — это почти обычный гласный [и], объясняется местом образования этих звуков. Согласный йот — это среднеязычный согласный звук: при его образовании средняя часть спинки языка приближается к твердому небу, образуя щель. При прохожде-

значение отдельной буквой нашел в русском алфавите не главный, а в второстепенный ее вариант. Поскольку же этот второстепенный вариант является неслоговым гласным, то в школьном учебнике С. Г. Бархударова и С. Е. Крючкова, а также в учебнике для педучилищ буква *й* называлась полугласной. Этим как бы утверждалось, что обозначаемый буквой *й* звук — „не совсем гласный“ (так как он неслоговой).

В действующих школьных учебниках и буква *й* и звук [й] называются согласными.

Двузначные и однозначные буквы

Одни буквы русского алфавита, как это видно из приводимых ниже таблиц, могут иметь одно звуковое значение, а другие могут иметь два звуковых значения (точнее, это — фонемные значения).

Имеются при этом в виду основные (или, иначе, главные) звуковые значения. Это такие звуковые значения букв, для которых они предназначены самим алфавитом. Их можно поэтому также называть еще алфавитными значениями. Так, в словоформе *дров* (род. п. мн. ч.) буква *о* обозначает [о], а в словоформе *дрова́* она обозначает [а], т. е. имеет уже „не свое“, а „чужое“ значение: она как бы заменяет букву *а*. Заменятельные (или, иначе, заместительные) значения букв называются второстепенными. Буквы, имеющие одно основное звуковое значение, называются однозначными; буквы, имеющие два основных звуковых значения, называются двузначными.

Гласные буквы

Однозначными являются гласные буквы *а, э, о, у, ы*. Они имеют одно основное звуковое значение:

нии воздуха через щель струя его образует шум. Этим шумом наряду с участием голоса и создается звук йот. В конце слога этот среднеязычный звук образуется при более широкой щели и потому с менее ощутимым шумом.

При произнесении гласного [и] язык продвинут вперед и высоко поднят в своей средней части к твердому нёбу; ротовая полость образует тем самым определенной формы резонатор, придающий голосу качество звука [и].

Как видим, во всех трех случаях при образовании звука участвует средняя часть спинки языка, это и создает легкость перехода одного звука в другой.

буква **а** обозначает звук [а]: *пар*,
буква **э** обозначает звук [э]: *пэр*,
буква **о** обозначает звук [о]: *пол*,
буква **у** обозначает звук [у]: *пуд*,
буква **ы** обозначает звук [ы]: *пыл*.

Двузначными являются гласные буквы **я, е, ё, ю, и**. Они имеют два основных звуковых значения:

буква **я** обозначает либо звук [’а]¹: *пьяльцы*,
либо сочетание звуков [йа]: *яма*;
буква **е** обозначает либо звук [’э]: *перья*,
либо сочетание звуков [йэ]: *ель*;
буква **ё** обозначает либо звук [’о]: *пёрышко*,
либо сочетание звуков [йо]: *ёлка*;
буква **ю** обозначает либо звук [’у]: *пюре*,
либо сочетание звуков [йу]: *юла*;
буква **и** обозначает либо звук [’и]: *пир*,
либо сочетание звуков [йи]: *муравьи*.

Особых замечаний требует употребление буквы **ё**. Обозначая звук [’о], буква **ё** по своему начертанию совпадает с буквой **е** (кроме добавочного надстрочного знака: двух точек над буквой). Это совпадение не случайно. Необходимость в особой букве для обозначения звука [о], следующего после мягких согласных, появилась в русском письме примерно в XII—XIII вв., когда в русском языке начал действовать особый звуковой закон перехода ударенного звука [э], находящегося в позиции после мягкого согласного перед твердым, в звук [о]. Ср. переход и непереход [э] в [о] после мягкого согласного йот:

эль [йэл’]—перехода [э] в [о] нет, так как после [э] следует мягкий согласный;
еловый [йэлóвый]—перехода [э] в [о] нет, так как [э]² безударно;
ёлка [йóлка]—переход [э] в [о] есть, так как соблюдены все условия.

¹ Знак „запятая слева над буквой“ ([’а] и т. д.) показывает, что буква (**я** и т. д.) обозначает соответствующий гласный звук ([а] и т. д.) с одновременным смягчением предшествующего согласного звука.

² В современном русском языке вместо безударного [э] нормативно произношение безударного [и]: [йиловый].

Осуществлялась замена [э] на [о] на конце слова, например: *бельё, житьё, моё*.

Буква *ѣ*, предложенная Карамзиным, хорошо передает это особое происхождение звука [о]¹. Однако в печати не привилось употребление буквы *ѣ*, хотя она и входит в официальный состав русского алфавита.

Буква *ѣ* пишется в следующих случаях:

1. Когда необходимо предупредить неверное чтение и понимание слова, например: *узнаём* в отличие от *узнáем*; *всѣ* в отличие от *все*; *вѣдро* в отличие от *ведрѣ*; *совершѣнный* (причастие) в отличие от *совершенный* (прилагательное).

2. Когда надо указать произношение малоизвестного слова, например: *река Олѣма*.

3. В специальных текстах: букварях, школьных учебниках русского языка, учебниках орфоэпии и т. п., а также в словарях для указания места ударения и правильного произношения („Правила русской орфографии и пунктуации“, Учпедгиз, 1956, § 10).

В других случаях вместо буквы *ѣ* продолжают употреблять букву *е*.

Таким образом, буква *е* оказывается не двузначной, а даже пятизначной:

	$e = [’\text{э}]$	— <i>вес</i>	[в’эс]
	$e = [’\text{й}\text{э}]$	— <i>ель</i>	[’йэл’]
буква <i>е</i>	{	$e = [’\text{о}]$	— <i>свекла</i> [св’окла] ²
употреблена		$e = [’\text{йо}]$	— <i>елка</i> [’йолка]
вместо буквы <i>ѣ</i>		$e = [’\text{о}]$	— <i>желтый</i> [жолтый]

То, что буква *ѣ* практически не употребляется в печати, а вместо нее употребляется буква *е*, иногда вызывает затруднения при чтении. Когда русские слова написаны с *е* вместо *ѣ*, то они обычно без затруднений читаются (произносятся) с [’о]. Например: *пес, рев, идешь, дешево, сестры* и т. д. Они читаются так, будто написаны с *ѣ*: *пѣс, рѣв, идѣшь, дѣшево, сѣстры* и т. д. Простые

¹ Первоначально, когда появился переход [э] в [о] после мягких согласных, пытались передавать это „новое“ [о] с помощью двух букв: *ѡ, еѡ, ѡѡ*, а в XVIII в. — *іѡ*.

² Последние три значения буквы *е* (употребление вместо буквы *ѣ*) можно считать второстепенными (см. ниже, с. 126).

бытовые русские слова русского читателя не затрудняют потому, что они стоят в определенных рядах подобных же слов и их произношение хорошо известно. Но как только русский читатель встречается с написанными с буквой *е* заимствованными словами, то без справок в орфоэпических словарях не всегда может правильно прочесть (произнести) подобное слово. Так, слова *атлет*, *афера*, *гренадер*, *опека* нужно произносить со звуком [э], т. е. так, как эти слова написаны. Между тем их часто неправильно читают (произносят) так, будто в них должна быть написана буква *ѣ*. Наоборот, слова *киоскер*, *волжер*, *Кельн*, *фен*¹ часто неправильно произносят с [э]. Между тем эти слова следует произносить с [’о], т. е. так, как если бы здесь была написана буква *ѣ*. Буква *ѣ* и должна была быть здесь написана, если бы эта буква всегда употреблялась в печати.

Неупотребление буквы *ѣ* особые затруднения вызывает у нерусских читателей, знакомящихся с русским языком через письменную форму русской речи.

Согласные буквы

Однозначными являются согласные буквы *ж*, *ш*, *ч*, *щ*, *ц*, а также *й*. Они имеют одно основное звуковое значение (и перед „несмягчающими“ и перед „смягчающими“ гласными), так, например,

буква <i>ж</i>	обозначает звук [ж]:	<i>жар</i> , <i>жир</i> ;
буква <i>ш</i>	— „ —	звук [ш]: <i>шар</i> , <i>ширь</i> ;
буква <i>ч</i>	обозначает звук [ч’]:	<i>чаща</i> , <i>чушь</i> ;
буква <i>щ</i>	— „ —	[ш’ш’] и [ш’ч’]: <i>щавель</i> , <i>щи</i> ;
буква <i>ц</i>	— „ —	[ц]: <i>цапля</i> , <i>цирк</i> ;
буква <i>й</i>	— „ —	[й]: <i>йод</i> , <i>май</i> , <i>Йемен</i> .

¹ *Фён* — электрическая сушилка для волос, от нем. *Föhn*. Неправильное произношение слова *фён* как *фен* [ф’эн] встречается особенно часто. Но новое произношение часто и побеждает.

Слова *мебель*, *портфель*, если бы мы до сих пор следовали за произношением языка-источника, тоже надо было бы писать (и соответственно произносить) с *ѣ* (*мебель* *портфель*, ибо франц. *meuble*, *portefeuille*) (Л. А. Булаховский в книге „Русский литературный язык первой половины XIX века“ (М., 1952, с. 27) приводит примеры из текстов XIX в., где указанные слова пишутся с *ѣ*).

Буква *щ* не является исключением, как это внешне может показаться. Она однозначна, так как на фонемном уровне она обозначает сочетание фонем [шч] (см. выше, с. 75). Произношение [ш'ш'] и [ш'ч']—это варианты реализации фонемного сочетания [шч].

Буква *й* также однозначна, хотя она может обозначать как [*и* неслоговое] в словах *май*, *пойдем* и т. п., так и согласный йот в словах *йод*, *Йемен* и под. На фонемном уровне это одна и та же согласная фонема йот.

Двузначными являются согласные буквы *б*, *в*, *г*, *д*, *з*, *к*, *л*, *м*, *н*, *п*, *р*, *с*, *т*, *ф*, *х*. Они имеют два основных звуковых значения:

буква *б* обозначает либо звук [б]: *бал*,
либо звук [б']: *бязь*;
буква *в* обозначает либо звук [в]: *вал*,
либо звук [в']: *вяз*.

И т. д.

Буквы *б*, *в*, (и т. д.) обозначают звук [б] либо [б'], [в] либо [в'] при разных „графических условиях“. Твердые согласные звуки [б], [в] эти буквы передают, находясь перед „несмягчающими“ гласными буквами, а мягкие согласные звуки [б'], [в'] передают, находясь перед „смягчающими“ гласными. В этом их принципиальное отличие от буквы *щ*, которая читается то как [ш'ш'], то как [ш'ч'] при одинаковых условиях. Как [ш'ш'] и как [ш'ч'] она может читаться перед *а* (например, в одном и том же слове *щавель*), и так же она может читаться перед *и* (например, в одном и том же слове *щи*).

Буквы *ь* и *ѣ*

Буква *ь* является двузначной. Она имеет функцию „разделительности“ и смягчения. Употребляясь в первой функции, буква *ь* сигнализирует о том, что последующую гласную букву следует читать как сочетание йота с соответствующим гласным. Ср. *воробыи* (воро[б'йи]), *чьа* [ч'йа], *чьѣ* [ч'йо] и т. п.

Буква *ѣ* является однозначной. Она имеет только значение „разделительности“. На основании того, что эту же функцию выполняет буква *ь*, абсолютно необходимая в алфавите в качестве буквы, выполняющей функцию смягчения, букву *ѣ* часто считают лишней, лишь

дублирующей разделительную функцию буквы *ь* (см. „Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии“. М., 1965).

Разновидности букв по количеству обозначаемых ими звуков

Однозначные и двузначные буквы — это термины, широко употребляемые в специальной литературе. От деления букв на однозначные и двузначные следует отличать деление букв по количеству обозначаемых звуков.

Двузначные гласные буквы *я, ю, е, ё, и* в одном из своих звуковых значений, а именно в значении [йа], [йу], [йэ], [йо], [йи], обозначают одновременно два звука.

Однозначные гласные буквы русского алфавита *а, о, у, э, ы* одновременно обозначают лишь один звук.

Двузначные согласные буквы *б, в, г, д, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х* никогда не обозначают одновременно двух звуков. Одновременно они могут обозначать лишь один звук: буква *б*, например, обозначает либо твердый звук [б], либо мягкий звук [б']; буква *в* обозначает либо твердый звук [в], либо мягкий звук [в'] и т. д.

Два звука одновременно [ш'ч'] могут произноситься лишь на месте согласной буквы *щ*. Но она не является двузначной.

Удобство слогового принципа русской графики

Применительно к русскому языку, в котором много отчетливо разграниченных по мягкости и твердости согласных звуков, слоговой принцип графики очень выгоден, так как сокращает в алфавите количество необходимых букв. Чтобы обозначить мягкие согласные звуки особыми буквами, потребовалось бы придумать и выучить 15 новых букв¹. Обозначение мяг-

¹ Особые буквы для обозначения мягких согласных (*ь, ъ, ѓ, ѓ*)

кости согласных букв путем использования пяти „смягчающих“ гласных букв (**я, ю, е, ё, и**) создает большую экономию графических средств, что очень важно для печатного набора и письма. Кроме того, буквы **я, ю, е, ё, и**, когда они обозначают сочетание звуков [й + а] и т. д., значительно экономят место. По подсчетам А. Н. Гвоздева, введение вместо них написаний с **й** (типа *йама, йолка*) увеличило бы объем печатных текстов приблизительно на 4—6%¹.

Неудобно и невыгодно было бы и обозначение мягкости согласных каким-либо особым знаком, например апострофом (что иногда предлагают). Апостроф, если им часто пользоваться, неудобен до чрезвычайности (отрыв руки при письме), а в печатном тексте однообразен, утомителен и не виден. Ср. написанные с апострофом слова: *м'ачик, н'ан'а, н'ос, р'ов, в'оз, п'альцы, вол'а* (вместо *мячик, няня, нёс, рёв, вёз, пальцы, воля*).

Слоговой принцип нашей графики представляет собой очень своеобразное и практически очень удобное решение вопроса о передаче на письме парных твердых и мягких согласных, а также йота.

И все же наряду с достоинствами слоговой принцип русской графики имеет некоторые недостатки.

Так, слоговые написания осложняют морфологический анализ слов, проводимый в школе. Особого внимания и изучения требуют случаи, когда буквы **я, ю, е, ё, и** обозначают сочетание звуков [йа], [йу], [йэ] и т. д., и при этом йот входит в иную морфему, чем соответствующий гласный. Например, в формах *сарая, сараю* и т. д. оказывается затемненным корень *сарай*, так как на письме окончаниями оказываются **-я, -ю** и т. д. Между тем в буквах **я, ю** „прячется“ и корневой звук йот; окончаниями, т. е. изменяемой конечной частью слова, здесь являются лишь звуки [-а], [-у] и т. д., например: *сарай-а, сарай-у*. Отмеченный факт уменьшает наглядность выделения морфем в грамматиках и слова-

наряду с **н, л, т, д**) есть, например, в сербском алфавите, но в сербскохорватском языке в отличие от русского языка мало мягких согласных звуков.

¹ См.: А. Н. Гвоздев. Основы русской орфографии. В кн.: А. Н. Гвоздев. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963, с. 40.

рях¹. Морфологическое членение подобных слов из-за особенностей русской графики дается в словаре в упрощенном виде: *авари/я, бакале/я, ве/я/ть*². Для раскрытия подлинного морфологического состава слов в подобных случаях приходится прибегать к транскрипции: [ава-р'ий-а, бакал'эй-а, в'эй-ат'].

Опыт сербскохорватской орфографии, ведущим принципом которой является фонетический, показывает, что обозначение звука йот отдельной буквой не так просто для орфографии. Звук йот часто исчезает в положении между гласными, и это приводит к довольно сложной подаче орфографических правил³.

В сербскохорватской орфографии йот может быть обозначен только отдельной буквой; в алфавитах сербскохорватского языка (ни в кириллице, ни тем более в латинице) нет йотированных гласных букв. Иных правил в сербскохорватской орфографии поэтому и быть не может.

Вводить же постоянное обозначение согласного звука йот отдельной буквой в русскую графику (что было бы полезно для морфологического анализа слова, для более прозрачного выражения его словообразовательной структуры) при „капризности“ звука йот, когда он то появляется, то исчезает в зависимости от разных стилей произношения, для русской орфографии невыигршно.

Сравните:

	Отчетливое произношение	Беглое произношение
<i>яичко заячьих (лап) думаешь</i>	[йэи]чко заяч[йих] дума[йэ]шь	[и]чко заяч[их] дума[и]шь

¹ Ср., например: З. А. Потиха. Школьный словообразовательный словарь. М., 1964.

² Правда, эта упрощенность в словаре З. А. Потихи оговаривается, и около каждого слова с подобным членением морфем есть отсылка к теоретическому параграфу, где объясняется эта особенность русской графики.

³ См.: П. А. Дмитриев, Г. И. Сафронов. Новые правила правописания сербскохорватского языка. Л., 1963, с. 24.

Для практического письма „педагогические“ неудобства слогового принципа (в отношении необозначения йота) значения не имеют.

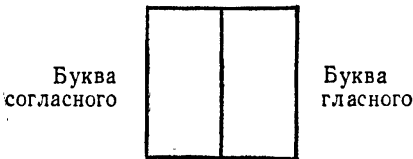
Ограничения в применении слогового принципа

1) Написание гласных после шипящих и **ц**

Общие замечания

Не нуждаются в специальном обозначении мягкости или твердости непарные по этому признаку твердые согласные [ж], [ш], [ц] и мягкий согласный [ч']. Как уже говорилось, буквой **щ** обозначается мягкий звук [ш'] или сочетание двух мягких звуков [ш'ч']. Будучи непарными, все эти согласные безразличны к сигналам о мягкости или твердости: после букв, обозначающих эти согласные, можно писать как „смягчающие“, так и „несмягчающие“ гласные буквы.

Поскольку признаки мягкости или твердости уже выражены непосредственно буквой, обозначающей любой шипящий или [ц], геометрическая схема буквосочетания здесь выглядит следующим образом:

(Ср. выше геометрическую схему на стр. 79)

Поскольку последующие гласные буквы не должны обозначать твердость или мягкость предшествующего согласного, то выбор „смягчающих“ и „несмягчающих“ гласных букв оказывается здесь свободным. Графика „разрешает“ писать *жизнь* и *жызнь*, *цыган* и *цыган*, *огурци* и *огурцы* и т. п. Но так как чисто графическая вариантность в упорядоченном письме недопустима, то в этот вопрос включается уже орфография. Принимается в качестве правильного лишь один вариант.

В написании гласных после шипящих и **ц** можно выделить три вопроса:

- а) вопрос о выборе гласных букв *а/я, у/ю, е/э*;
- б) вопрос о выборе гласных букв *и/ы*;
- в) вопрос о выборе гласных букв *е/о*.

Вопрос о выборе гласных букв *а/я, у/ю, е/э*

После *ж, ш, ц, ч, щ* пишутся то „смягчающие“ гласные буквы (после букв, обозначающих твердые согласные: *жир, ширина, цинковка* и т. д.), то „несмягчающие“ (после букв, обозначающих мягкие согласные: *чаща, щавель, щука* и т. д.). Внешне такие написания могут показаться бессистемными. И тем не менее в этих написаниях есть определенный порядок.

После *ш, ж, ц, ч, щ*, независимо от того, обозначают они твердые или мягкие согласные, в русских словах пишутся только буквы *а, у* и не пишутся *я, ю*. После букв *ш, ж, ц, щ* пишется только буква *е*, а не *э*. После букв *ш, ж, ч, щ* (т. е. после этих же букв, кроме *ц*) пишется буква *и* и не пишется буква *ы*. Это зафиксировано в определенных правилах (см. § 1, 2, 3, 9, п. 3 „Правил русской орфографии и пунктуации“. М., 1956).

Теперь рассмотрим по буквам, есть ли смысл именно в таком—то нарушающем слоговой принцип, то ему соответствующем—порядке. Целесообразно ли как после твердых *ш, ж, ц*, так и после мягких *ч, щ* употреблять всегда буквы *а, у* и не употреблять буквы *я, ю*?

Буквы *я, ю* так же, как и буквы *а, у*, следуя после согласных букв, обозначают звуки [а], [у]. Но по сравнению с буквами *а, у* буквы *я, ю* наделены еще особой функцией—сигнализировать читающему о том, что предшествующая буквам *я, ю* согласная обозначает мягкий согласный.

Буквы *а, у* употребляются, как правило, только после согласных букв, обозначающих твердые согласные. Тем самым они указывают на эту твердость, но это указание—не специальная добавочная функция букв *а, у*. Между тем *я, ю* после согласных употребляются только ради добавочной функции, а именно для обозначения мягкости предшествующих согласных (хотя, конечно, и для обозначения гласных).

Поскольку же буквы *ч, щ* обозначают только мягкие согласные звуки, то нет никакой необходимости

для обозначения следующих после них гласных [а], [у] употреблять буквы **я**, **ю**, специально сигнализирующие о мягкости согласных. Здесь эти „сигналы“ не нужны.

Поэтому после букв **ш**, **ж**, **ц**, **ч**, **щ** вполне рационально пишутся буквы **а**, **у** и не пишутся буквы **я**, **ю**.

То, что буквы **я**, **ю** не употребляются без прямой необходимости обозначать мягкость (орфографически запрещено писать *чяй*, *чюдо*, *щявель*, *щюка* и т. п.), повышает значение букв **я**, **ю** как специальных сигналов мягкости. В роли таких особо сильных сигналов они и используются, например, в заимствованных словах, нерусских именах и т. п., т. е. тогда, когда нужно подсказать читателю необычное для русских слов мягкое произношение шипящих и [ц]: *шюцкор*, *пшют*, *Шютте*, *Гейджюнай*, *Сен-Жюст*, *Наньцяо*, *Цюрих*, *Цюрупа*, *Цявловский* и т. п.

Поскольку система русских согласных характеризуется их парностью по твердости и мягкости, в ней и сейчас потенциально возможно появление мягких [ш'], [ж'], [ц'] (в древнерусском языке шипящие и [ц] были только мягкими); фонетически они не представляют для русских никаких затруднений. Мягкие [ж'], [ш'], [ц'], по словам Л. В. Щербы, как бы „готовы к услугам“ русского языка. Ср., например, напечатанное с буквой *ѣ* имя *Жѣра* (не *Жора*) в произведении Ю. Д. Клименченко „Штурман дальнего плавания“ (Лениздат, 1959, с. 114) для того, чтобы подчеркнуть особое, „одесское“ произношение мягкого [ж']. Однако произношение мягких [ж'], [ш'], [ц']—это лишь особые случаи, не нарушающие того общего закона, что в системе современного русского литературного языка согласные [ж], [ш], [ц] твердые.

Рассмотрим теперь, целесообразно ли употреблять после **ш**, **ж**, **ц**, **ч**, **щ** только **е** и не употреблять **э**.

Буква **е** относится к „смягчающим“, **э**—к „несмягчающим“. Но употребление буквы **э** даже после твердых согласных оказалось нецелесообразным для русского письма. Согласные перед звуком [э] в русских словах обычно мягкие; по законам русского языка постепенно становятся мягкими твердые согласные и в заимствованных словах (см. ниже, с. 109). Поэтому более „нацеленной“ на особую функцию (из двух букв—**е** и **э**)

оказывается *э*. Буква *э* специально подчеркивает необычную для русских слов твердость предшествующего согласного перед звуком [э]. Между тем буквы *ш*, *ж*, *ц*, обозначающие только твердые согласные, специального, подчеркнутого указания на твердость не требуют.

Поэтому после букв *ш*, *ж*, *ц*, *ч*, *щ* вполне рационально пишется буква *е* и не пишется буква *э*.

Вопрос о выборе гласных букв *и/ы*

Вопрос о целесообразности выбора букв *и* или *ы* после шипящих и *ц* решается для современного письма на иной основе, чем вопрос о выборе букв *а* или *я*, *у* или *ю*, *е* или *э*.

В отличие от парных букв *а/я*, *у/ю*, *е/э*, обозначающих одну и ту же фонему (соответственно |а|, |у|, |э|), буквы *и* и *ы* обозначают разные фонемы. Ср., например, слова *мыло* и *мило*, *был* и *бил*. Эти фонемы имеют одну очень существенную особенность, отличающую их от других гласных фонем. Фонема |ы| употребляется только после твердых согласных, а |и|—только после мягких, в то время как все другие гласные фонемы могут употребляться как после твердых, так и после мягких согласных. Ср. слова *томный* и *тёмный*, *пат* и *пять*, *сэр* и *сер*, *тук* и *тюк*, где соответственно употреблены сочетания [то]—[т'о], [па]—[п'а], [сэ]—[с'е], [ту]—[т'у].

В силу этой особенности фонема |и|, попадая в положение после твердой согласной (без паузы между ними), заменяется фонемой |ы|¹.

Сравните²:

Внутри слова после приставки, оканчивающейся на твердый согласный

} *предыдущий* (из *пред-идущий*)
} *изыскание* (из *из-искание*)
} *безыдейный* (из *без-идейный*).

¹ Подробно эти факты описаны у А. Н. Гвоздева. См. в кн.: А. Н. Гвоздев. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963, с. 98—101.

² Чередование [и]||[ы] рассматривается учеными МФШ иначе: они считают [ы] вариантом фонемы |и|, т. е. фонемой |и|. Аргументацию в пользу той и другой точек зрения см. в кн.: Л. Л. Булантин. Фонетика..., с. 78—80; М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967, с. 210—213.

В начале слова после предлогов и союзов, оканчивающих- ся на твердый согласный	}	<i>из избы</i> (произносится [изызбы])
		<i>от искры</i> (произносится [атыскры])
		<i>как иглы</i> (произносится [какыглы])
В начале слова после другого сло- ва, оканчивающегося на твердый согласный	}	<i>он идет</i> (произносится [оный'от])
		<i>крик ишака</i> (произносится [кр'икышака])

Как видно из примеров, в тех случаях, когда происходит образование нового слова, звучащее [ы] может и обозначаться буквой **ы**: *безыдейный, предыдущий, изыскание*.

Итак, буквы **и** и **ы** обозначают разные, чередующиеся одна с другой фонемы. Кроме того, наряду с парными буквами *а/я, у/ю, е/э*, они участвуют в обозначении твердости и мягкости предшествующих согласных. Положение этих букв, как видим, совершенно особое.

Рассмотрим теперь вопрос об употреблении этих б у к в после шипящих и **ц**.

После *ж, ш*, хотя и пишется **и**, произносится [ы], так как после твердых [ж] и [ш] не может быть произнесено [и], оно здесь неизбежно заменяется звуком [ы] (см. выше замену [и] на [ы] после других твердых согласных). Таким образом, на месте буквы **и** может быть произнесен звук [ы], в то время как на месте буквы **ы** не может быть произнесен звук [и]¹.

Если для произношения в общем безразлично, писать ли *чай, чудо, щавель, щука* или „чяй“, „чюдо“, „щявель“, „щюка“, то написания „чын“, „чых“, „мечы“, „щы“, „товарищы“ почти нечитаемы: произнося [ы], нужно произнести твердый [ч], а это очень трудно; произнести же [и] вместо [ы] можно только догадавшись о всем слове в целом. В словах с буквой **щ**, если произносить [ы],

¹ Иногда считают, что в словах типа *безыдейный* и под. неправильно пишется **ы**, так как здесь на месте буквы **ы** якобы произносится [и]. Действительно, можно произнести *безидейный* с [и], но с обязательным слогоразделом после приставки *без-*. С естественным же слогоделением: *бе-зы-дейный* — на месте буквы **ы** нельзя произнести звук [и], так как получится слог [з'и], а это нарушит правильное произношение слова.

на месте буквы **щ** звучит твердый долгий звук [шш]: [тавар'ишшы].

Таким образом, после **ч**, **щ**, соблюдая нормы чтения и произношения, можно писать только **и**. После **ж**, **ш** можно писать и **и**, и **ы**, но поскольку буквы **ж**, **ш**, **ч**, **щ** уже объединены написанием после них букв **а**, **у**, **е**, то целесообразно писать после них какую-либо одну букву из парных **и/ы**. Такой одной буквой, как видим, может быть только буква **и** (правильному произношению сочетаний **жи**, **ши** буква **и** не мешает).

Но если после всех шипящих пишется только буква **и**, то после **ц** пишутся **и** и **ы**. Употребление букв **и** и **ы** после **ц** регулируется специальным правилом, изложенным в § 2 „Правил русской орфографии и пунктуации“ (М., 1956).

Для простоты правил, определяющих сочетания шипящих и **ц** с гласными буквами, можно было бы и после **ц** писать только букву **и**, однако принятое сейчас написание **ы** после **ц** целесообразно благодаря определенным морфологическим аналогиям (см. ниже, с. 165—167)

Вопрос о выборе букв **е/о**

В XII—XIII вв., когда начал действовать звуковой закон перехода [э] в [’о] после мягких согласных перед последующими твердыми, шипящие и [ц] были мягкими. Поэтому ударенный гласный [э] после шипящих и [ц], так же как и после других мягких согласных, переходил в [’о].

Переход [э] в [о] после шипящих и [ц] и принятую передачу звука [о] в современном письме, сравнительно с другими согласными, можно показать в таблице.

Если после мягких согласных следует [’о], этимологически восходящий к [э], то, в соответствии со слоговым принципом русской графики, он не может быть обозначен буквой **о**. Поскольку звук [о] следует после мягкой согласной, он может быть обозначен только смягчающей буквой **ѣ**, а практически, при неупотребительности буквы **ѣ**, — буквой **е** (буква **о** „снимет“ мягкость: „пбрьшко“, „сола“). После шипящих же, а также после **ц** можно писать и „смягчающую“ гласную **ѣ** (или, вместо **ѣ**, **е**) и „несмягчающую“ **о**. Независимо от того, будет ли после шипящих и **ц** написана буква **ѣ(е)** или

Согласные		Гласные буквы	
		«смягчающие»	
буквы	звуки	<i>е</i>	<i>ё</i>
		«несмягчающие»	
		<i>о</i>	
<i>п</i> <i>с</i> и другие согласные буквы, обозначающие парные по твердости-мягкости согласные	[п'] [с'] и другие мягкие согласные из числа парных по твердости-мягкости согласных.	<i>перо</i> <i>село</i> и т. п.	<i>пёрышко</i> <i>сёла</i> и т. п.
<i>ж</i>	[ж]	<i>женщина</i>	<i>жёны</i> <i>жор</i>
<i>ш</i>	[ш]	<i>шерсть</i>	<i>шёрстка</i> <i>шов</i>
<i>ч</i>	[ч']	<i>чертит</i>	<i>чёрточка</i> <i>чопорный</i>
<i>щ</i>	[ш'ш'] [ш'ч]	<i>щель</i>	<i>щёлка</i> <i>трущоба</i>
<i>ц</i>	[ц]	<i>танцевать</i>	— <i>вытанцовывать</i>

буква *о*, шипящие и *ц* остаются либо твердыми ([ж], [ш], [ц]), либо мягкими ([ч'], [ш'ш']), ибо они непарны по мягкости-твердости. Законы графики не могут поэтому автоматически предопределить здесь точный выбор букв: *ё* (*е*) или *о*. Между тем беспорядочно—то *ё* (*е*), то *о*—писать все же нельзя: нельзя, чтобы часть пишущих писала „жоны“, „шорстка“, „чорточка“, „щолка“, *цокот*, а другая—*жёны*, *шёрстка*, *чёрточка*, *щёлка*, „цёкот“ (или *жены*, *шерстка*, *черточка*, *щелка*, „цекот“). Пишущий должен знать точно, какую букву он должен выбрать, чтобы письмо его было правильным: разнобой и хаос в письме неприемлемы. Выбор букв—*е* (поскольку буква *ё* практически не употребляется) или *о*—определяется соответствующими орфографическими правилами.

Наличие этих правил — вынужденная необходимость, вызванная особым положением шипящих и [ц] в системе фонем русского языка (их непарностью по твердости-мягкости). Слоговой принцип „не в силах“ продиктовать здесь написание *ѣ* (*е*) или *о*. Этот вопрос решает уже орфография.

После *ц* на месте произносимого под ударением звука [о] из двух букв (*е* и *о*), одинаково возможных графически, по орфографическим правилам пишется только буква *о* (см. § 6. „Правил русской орфографии и пунктуации“. М., 1956); после шипящих пишется в одних случаях *е*, а других — *о*. Конкретные правила о написании *е/о* после шипящих изложены в § 4 „Правил русской орфографии и пунктуации“¹.

2) Написание сложносокращенных слов

Отступают от законов слогового принципа написания сложносокращенных слов, например: *Связьиздат* (Государственное издательство литературы по вопросам связи и радио) и *Детюнииздат* (Государственное издательство детской и юношеской литературы). В соответствии со слоговым принципом русской графики следовало бы писать без мягкого знака: „Связиздат“ (так как мягкость [з'] по правилам русской графики обозначается „смягчающей“ буквой *и*) и с разделительным знаком: „Детьюнииздат“ (чтобы слог *тю* не читался как [т'у], букву *ю* нужно „отделить“ от буквы *т* разделительным знаком). Однако так мы не пишем. В сложносокращенных словах вошедшие в сочетание части пишутся как отдельные слова, границы между этими частями равны границам между словами, обозначенными пробелом или дефисом (это как бы *Связь-издат*, *Дет-юн-издат*).

Можно было бы даже сказать, что сложносокращенные слова пишутся по слоговому принципу русской графики, если бы компоненты, из которых состоят сложносокращенные слова, можно было бы считать отдельными словами: *рем-строй-управление*, *Связь-издат*, *Дет-юн-издат* и т. п., но элементы „рем“, „издат“ и т. п. не употребляются вне сложносокращенных слов, это не

¹ Подробное рассмотрение характера этих правил см. ниже, с. 153—161.

слова в нашем обычном понимании. Однако, читая сложносокращенные слова, делают небольшие паузы между этими элементами, их читают (произносят) по законам чтения отдельных слов. Например, читая (произнося) *Детюниздат*, не только не читают буквосочетание *то* как [т'у], но и не смягчают [н] на конце элемента *-юн-*, при этом вместо звука [и] произносят [ы]: [д'эйт'уныздат], как это бывает на границе слов (ср. *сон Ивана*—[сонывана]). А в слове *Главювелирторг*, например, не только не читается буквосочетание *вю* как [в'у] (*ю* читается как [йу]), но в элементе сложносокращенного слова *Глав-* на месте буквы *в* произносится (читается) [ф], как это бывает всегда на конце слов. Сравните: *сплав* [сплаф].

Эти отступления от слогового принципа русской графики, наблюдающиеся в сложносокращенных словах, показывают, что слоговой принцип находит свое применение лишь внутри слов, на границе же слов (даже сокращенных) он применения не находит.

В сложносокращенных словах очень важно сохранить графический вид вошедших в сочетание частей слов. Ср. слово *ремстройуправление*, написанное так, как принято, и „ремстроюправление“, написанное с соблюдением слогового принципа графики (хотя так, конечно, не пишут). Сравнение наглядно показывает, что распространение слогового принципа на написания сложносокращенных слов неприемлемо. В написании „ремстроюправление“ теряется слово-компонент *управление*.

Отступления от слогового принципа русской графики

1) Обозначение йота в заимствованных словах

Отстают от слогового принципа некоторые случаи обозначения йота в заимствованных словах. В русских словах для передачи „йот + [э]“ или „йот + [о]“ в начале слова в соответствии со слоговым принципом графики используют буквы *е* и *ё*: *ель*, *ёлка*, в заимствованных же словах сочетания „йот + [э]“ и „йот + [о]“ в начале слова (сохраняя отдельность передачи на письме

звука йот особой буквой, как это принято в языке-источнике) иногда передают буквами *йе* и *йо*: *йеменский, йод, йот, Нью-Йорк* и т. п. (в соответствии со слоговым принципом русской графики следовало бы писать: *еменский, ёд, ёт, Нью-Ёрк*).

Для передачи сочетаний йота со следующими гласными в русских словах после гласных в соответствии со слоговым принципом графики используются йотированные буквы (*заём, свая, пою, трое* и т. п.); в заимствованных же словах и в середине слова сочетания йота со следующим гласным могут передаваться с помощью буквы *й* и соответствующей гласной буквы, например: *майор, район, майонез, майолика, фойе, фейерверк* и т. п.

Обозначая звук йот отдельной буквой, а не „пряча“ его в гласную (как полагалось бы в соответствии со слоговым принципом русской графики), сохраняют графический облик международно употребляемых слов, таких, как, например: *майор* (от лат. *major* — больший, высший, старший), *район* (франц. *rayon*)¹.

В русских словах для передачи сочетания «йот + гласный» после согласных букв всегда используются йотированные буквы (при этом после согласного ставятся разделительные *ъ* или *ь*): *объем, подъем*, в некоторых же типах заимствованных слов после согласных для передачи сочетания «йот + о» иногда пишется *ьо*: *батальон, карманьола, котильон, медальон, миньон, павильон, почтальон, шиньон* и т. п. Буква *о* получает при таком употреблении особое звуковое значение: [йо]. В русских словах буква *о* такого значения не имеет.

Может возникнуть вопрос: почему же, если буква *о* такого значения в русских словах не имеет, слова *почтальон* и под. читаются русскими правильно?

¹ Отступление от слогового принципа в случаях написания буквы *й* в середине слова после гласной (*майор, район*) имеет отрицательное влияние на правильность произношения. В русских словах йот обозначен самостоятельной буквой только в конце слога (*лейка, майка*). Влияние написания и произношения слов типа *лей-ка, май-ка, май, рай-ский, май-ский* с указанным слогоделением приводит к неправильному слогоделению и, следовательно, произношению таких слов, как *майор, район* и под.: *рай-он, май-ор*. Правильное же слогоделение: *ра-йон, ма-йор* (согласный, если он один между двумя гласными, всегда отходит к последующему гласному. Ср. *ва-гон, га-зон* и т. п.).

Подобные заимствованные слова читаются правильно потому, что во всех русских словах, где после буквы *ь* следует гласная буква, перед гласной буквой непременно произносится йот: *келья, певунья, лью, зелье, жильё* и т. п. Буква *ь* перед гласной предупреждает о йоте. Заимствованные слова с сочетанием букв *ьо* становятся в этот же ряд.

В XIX в. писали *почтальйон, батальйон*. Так начал писать Карамзин. (Еще ранее писали *почталіон, баталіон, милліон*.) Появившиеся тогда же написания типа *батальон* считались неправильными. Я. К. Грот писал: „...никак нельзя одобрить начертаний *батальон, мильон* ... слова в таком начертании могут быть прочитаны не иначе, как если бы было написано: *баталён, милён*. Для проверки стоит только перенести слог *он* в другую строку; тогда придется читать: *баталь-он* и проч. Если *б мильон* читалось так же, как *милыйон*, то вместо *льем, житьем* можно было бы писать *льом, житьом*. Еще виднее будет несообразность начертания *мильон*, если вместо *о* возьмем *а* и напишем таким образом, например, слова: *брильант, сафьян, семья, платья* вм. *брильант, сафьян, семья, платья*...

...для звука [йо] в иностранных словах мы не имеем надлежащего знака и должны иногда прибегать к этому диграфу (*йо*), которого никак не может заменять простое *о*; т. е. пишем *батальйон* и т. п.“¹.

Однако запрещаемые начертания типа *почтальон* вошли в письменную практику. Они более удобны, чем соответствующие слоговому принципу написания с *ѣ*: *почталъён, баталъён* и т. п. Отступающие от слогового принципа русской графики современные написания с *ьо* (вместо *ьѣ*) объясняются тем, что в печати практически не употребляют букву *ѣ*. Если стремиться к правильному чтению подобных заимствованных слов, то их нельзя писать с *ье*. Ср. *бульен, почталъен, павильен* и т. д., при чтении которых можно легко сбиться на произношение [бул'эн] и т. д.

Буква *е*, при неупотреблении буквы *ѣ*, оказывается двоякочитаемой. При написании же заимствованных слов типа *почтальон* и под. есть возможность избежать этой двусмысленности буквы *е*: можно писать не *ье*, а *ьо*.

¹ Я. К. Грот. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне, изд. 2. СПб., 1876, с. 344.

От слогового принципа русской графики мы здесь отступаем (русские слова со звуками [йо] после **ь** пишутся с **е**: *льешь, льет, белье, жилье, рванье, воронье* и т. д.), но эта непоследовательность окупается безошибочностью чтения заимствованных слов с сочетанием букв **ьо**: *медальон, павильон, миньон* и т. п.

Русские слова типа *льешь, белье* читаются и без употребления буквы **Ѣ** правильно потому, что слова типа *льешь, белье* стоят в одном ряду со многими другими подобными словами, где на месте буквы **е** (**Ѣ**) под ударением произносится либо [’о], либо [йо]: *берешь, идешь, везешь, гребешь* и т. п.; *белье, чутье, бытье, забытье, мытье* и т. п. Правильное произношение (чтение) закрепляется закономерным переходом [э] в [о] в подобных случаях, широким употреблением и известностью этих слов¹.

Именно благодаря необязательности употребления буквы **Ѣ** закрепились в русском письме и написания некоторых заимствованных слов с начальным йотом типа *йог, йоркширский*. Они не образуют больших словообразовательных гнезд, правильное их произношение не закрепляется частым употреблением, поэтому целесообразнее писать в них букву **й**.

2) Написание букв **е** и **э**

Написание букв **е** и **э** после букв,
обозначающих парные
по твердости-мягкости согласные

Отступлением от слогового принципа русской графики в современном русском письме является написание смягчающей буквы **е** после букв для парных по мягкости-твердости согласных в тех случаях, когда они обозначают твердые согласные.

¹ В русских словах типа *льешь, льет; белье, жилье, рванье* нельзя писать **ьо**: „льошь“, „льо“; „бельо“, „жильо“, „рваньо“, так как они стоят, с одной стороны, в ряду глаголов I спряжения, имеющих окончания **-ешь, -ет**, а с другой — в ряду существительных 2-го склонения мягкой разновидности типа *поле* (они склоняются не так, как существительные на **-о**: *село, села, селу...*, а так, как склоняются существительные на **-е**: *поле, поля, полю...*; *белье, белья, белью...*).

Буква *е* после букв, обозначающих твердые согласные (из числа парных), пишется обычно в заимствованных словах. Ср., например, [э] после [т]: *антенна, контейнер, партер, синтетика, термос, теннис, эстетика*; после [д]: *дельта, модель, деформация*; после [н]: *кашне*; после [с]: *шоссе*; после [з]: *шимпанзе*; после [р]: *реквием, тире*. Но в большинстве заимствованных слов буква *е* пишется уже законно — это наблюдаем в тех случаях, когда твердые согласные языка-источника уже заменены на мягкие. Ср., например, слова с [э] после [т']: *тема, тенор, техника, теория*; после [д']: *девиз, демон, депутат*; после [н']: *милиционер, пионер, фанера*; после [с']: *сеанс, сектор*, после [з']: *газета, зебра, зенит*; после [р']: *корректор, ремарка, реклама*.

Поскольку буква *е* после букв, обозначающих твердые согласные (из числа, разумеется, парных), пишется в заимствованных словах, для читающего является известной загадкой, как следует произносить буквосочетания *бе, ве, де, не, фе* и т. д. в заимствованных словах: *ко[фэ]* или *ко[ф'э]*, *фо[нэ]тика* или *фо[н'э]тика*, *О[дэ]сса* или *О[д'э]сса* и т. д.

Проблема из графико-орфографической, как видим, перерастает в орфоэпическую. Сам собой напрашивается вопрос: не мешает ли написание буквы *е*, как после букв, обозначающих мягкие согласные, так и после букв, обозначающих твердые согласные, литературному произношению? Не наносит ли это ущерб языковой практике? Л. В. Щерба считал, что наносит, и предлагал путем реформы заменить, где это нужно по произношению, написание *е* на *э*. В 30-е годы он писал, что „прямо преступно не пользоваться всеми возможными в русской графике средствами для указания правильного произношения. Поэтому, безусловно, необходимо писать в иностранных словах *тэ, дэ, нэ, сэ, зэ, рэ*“¹.

Однако при замене написаний *те* на *тэ*, *де* на *дэ* и т. д. всегда возникал бы орфографический вопрос: что делать по мере обрусевания заимствованных слов, при котором

¹ Л. В. Щерба. Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий. — „Труды комиссии по русскому языку АН СССР“, т. I, 1931. То же в кн.: Л. В. Щерба. Избранные труды по языкознанию и фонетике, т. I. Л., 1958, с. 158

твердые согласные перед [э] заменяются мягкими — снова изменять написание слов, меняя при их обрусении э на е? Это оказывается достаточно невыгодным: происходила бы постоянная орфографическая лихорадка. Более выгодно в заимствованных словах всегда писать букву е, оставляя ее как бы „авансом“¹.

До унификации колеблющихся написаний в 1956 г. в печати было довольно много двойных написаний: и с е, и с э. Кроме того, до унификации 1956 г. многие заимствованные слова писались, в соответствии с произношением, с буквой э, например *адекватный*.

В 1956 г. решено было оставить написание буквы э после твердых согласных лишь в трех нарицательных словах: *пэр*, *мэр*, *сэр*, а также в именах собственных (см. § 9, п. 3 „Правил...“). Но написание буквы э после букв, обозначающих твердые согласные, все же и сейчас проникает в печать явочным порядком.

Особенно сложен вопрос о выборе букв е и э в новых заимствованиях. Переводчики и работники издательства, очевидно, считают, что читателю нужно подсказать твердое произношение согласных, и его подсказывают выбором буквы э. Так, в словаре новых слов² зафиксированы или только с э, или с э и с е (в зависимости от того, в каком написании они употреблены в печати) такие, например, слова: *кэтч* (разновидность профессиональной борьбы в некоторых капиталистических странах, допускающая любые приемы), *мэрон* (высокообъемная нить из капронового волокна); *кэмпинг* и *кемпинг*, *мэдисон* и *медисон* (групповой танец американско-канадского происхождения), *хэппенинг* и *хеппенинг* (импровизированное театральное представление на Западе) и др.

Выбор буквы, е или э, сложен еще и потому, что некоторые новые нарицательные заимствованные слова образуются от имен собственных, пишущихся с э (а „Правила...“ разрешают писать э в собственных именах). Ср., например, *бэрчизм* — крайне правое, воинствующее

¹ См.: В. Г. Ветвицкий. О рациональном построении русской орфографии. Сб. „Проблемы современного русского правописания“. М., 1964, с. 171.

² См.: „Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов“. Под ред. Н. З. Котловой и Ю. С. Сорокина. М., 1971.

реакционное идейно-политическое течение в США, сторонники которого объединяются в так называемое „Общество Джона Бэрча“¹. Есть еще один разряд слов, где пишется *э* после букв, обозначающих парные по мягкости-твердости согласные. Это слова, образованные из названий букв. Так, в печати встречаем написания: *чепэ*², *эсэсовец* (Орфографический словарь), *эптээсовский*³, *ээдээрэвский*⁴, *обэхаэсовцы*⁵. Такие написания подсказывают читателю твердое произношение согласных. Но в печати встречаются и написания с *е* в аналогично образованных словах. Ср.: *чепе*⁶, *кавезн*⁷ и под. Очевидно, при написании подобных слов следует исходить из написания названий букв. Названия букв в школьных учебниках пишутся с *э*: *бэ, вэ, гэ, дэ* и т. д.

Написание букв *е* и *э* после гласных и в абсолютном начале слова

В соответствии со слоговым принципом русской графики после гласных букв, а также в абсолютном начале слова для обозначения йота и последующего гласного звука пишутся буквы *я, ю, ё, е, и* (см. выше, с. 83). Однако в заимствованных словах на месте буквы *е* после гласных может произноситься [э] без предшествующего йота. Так, весьма частотно произношение без йота слова *проект*. Зафиксировано произношение без йота и слов *диета, абитуриент, диез* и др.

В соответствии со слоговым принципом русской графики, отражая „безйотовое“ произношение, следовало бы писать *э*: „прэкт“, „диэта“ и т. д., т. е. так же, как пишутся слова *поззия, статуэтка, маэстро*. Но поскольку произношение слов *проект, диета, абитуриент* и

¹ См.: Словарь „Новые слова и значения“. М., 1974, с. 89.

² См.: „Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка“. М., 1968, с. 75.

³ См.: Е. А. Земская. Как делаются слова. М., 1963, с. 71.

⁴ См.: Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Понедельник начинается в субботу. „Б-ка советской фантастики в 15-ти томах“, т. 7. М., 1966, с. 221.

⁵ См.: О. Гончар. Тронка. „Роман-газета“, 1963, № 13, с. 96.

⁶ См.: „Новый мир“, 1969, № 8, с. 58.

⁷ См.: „Крокодил“, 1964, № 6.

др. неустойчиво (одни произносят эти слова с йотом, другие—без него), то принимаются условные решения в отношении написания букв *е* и *э* (см. „Правила...“, § 9). Таким образом, написания типа *проект* для тех, кто здесь не произносит йота, являются написаниями, нарушающими слоговой принцип русской графики; для тех же лиц, которые здесь произносят йот, такие написания являются написаниями, соответствующими слоговому принципу русской графики. В связи с колебаниями самого произношения случаи эти являются очень трудными в орфографическом плане.

В абсолютном начале слов буква *э* пишется тогда, когда в начале слова произносится [э] без предшествующего йота: *этот, этакий...*; *эра, эллин* и т. п. (см. „Правила...“, § 8, 9, п. 1).

Однако нарушает слоговой принцип русской графики написание слова *еканье* (в таком написании оно приводится в Орфографическом словаре). Оно произносится чаще без йота: [э] *канье*.

Написание *еканье* не соответствует звуковому значению буквы *е* (когда она употреблена в начале слова). Соответствует звуковым значениям букв написание *эканье* (разумеется, при произношении [э]*канье*, без йота). Хотя Орфографический словарь рекомендует написание *еканье*, из-за нарушения слогового принципа орфографическая практика с этой рекомендацией расходится¹.

ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ БУКВ РУССКОГО АЛФАВИТА

Звуковые значения букв

Буквы русского алфавита, как было показано выше, могут быть однозначными и двузначными. Звуковые значения русских букв проявляются в пределах слога. Однако в слове отношения между буквами и звуками могут быть более сложными, чем это обнаруживается

¹ Отметим, что в одном и том же номере журнала „Вопросы языкознания“ (1969, № 6) находим то написание *э* (с. 57), то — *е* (с. 151). То с *э*, то с *е* напечатаны эти слова в „Обзоре предложений по усовершенствованию русской орфографии“ (М., 1965): *еканье* (с. 228), *эканье* (с. 229).

при чтении (произношении) отдельных слогов. Более сложным становится тогда и вопрос о звуковых значениях букв.

Так, например, из чтения слогов *бо, во, го, до* и т. п. совершенно очевидно, что буква *о* имеет звуковое значение [о]. Кроме этого звукового значения, буква *о* в пределах слога не имеет других звуковых значений. Она относится к числу однозначных букв. Но вот перед нами слова с этими же слогами: *большой, вода, голубка, добро*. В них на месте буквы *о* произносится уже не звук [о], а звук [а]: [бал'шóй], [вадá], [галу́пка], [дабрó]. Но если на месте буквы *о* читается (произносится) [а], означает ли это, что у буквы *о* появилось новое значение? Означает ли это, что буква *о* не однозначна (как утверждалось выше, с. 89), а двузначна? А если мы возьмем такие слова, как *большеви́стский, водяно́й, голу́бок, добро́та*, и послушаем, какой здесь произносится звук на месте буквы *о*, то окажется, что это уже и не [о], и не [а], а какой-то не очень ясный звук, похожий и на [а] и на [ы]. Значит, буква *о* уже трехзначна?

Ответ на этот вопрос нельзя дать односложно.

В вопросе о звуковых значениях букв существуют две точки зрения.

Одна точка зрения, высказываемая Л. В. Щербой, а также другими учеными, например Я. В. Лоя¹, заключается в следующем.

Правила употребления букв разделяются на две категории. Одни из этих правил говорят о значении букв данного языка совершенно независимо от написания тех или других его слов; другие говорят о написании конкретных слов данного языка.

Правила первой категории являются правилами графики, правила второй категории — правилами орфографии.

Разделяя правила употребления букв на две категории, Л. В. Щерба рассуждает так:

„Многим кажется, что в словах *вода, голова* и т. п. буква *о* изображает звук *а*, и это фактически, конечно, так. Однако никак нельзя сказать, что в русском алфавите звук *а* в неударенном положении изображается или

¹ См.: Я. В. Лоя. Основные вопросы письменности. „Русский язык в школе“, 1941, № 1, с. 18.

через букву *a*, или через букву *o*; французскую фамилию *Sardou* никак нельзя написать *Сорду*. И когда мы пишем *o* в словах *вода*, *голова*, то пишем одну букву вместо другой, сознательно изображая в силу того или иного правила второй категории не тот звук, который на самом деле произносится.

То же самое имеет место и в тех случаях, когда мы на конце слов вместо букв для глухих согласных пишем буквы для соответственных звонких, например *боб* вместо *бон*, *воз* вместо *вос* и т. д. Мы это делаем опять-таки не потому, что в русском алфавите буквы для звонких согласных могут изображать в известных случаях и глухие: мы сознательно, в силу определенного правила второй категории, ставим одну букву вместо другой; но никому не придет в голову немецкую фамилию *Roth* написать *Род*, хотя с точки зрения законов русского произношения это и вполне возможно.

Написание *o* вместо *a* и звонких вместо глухих, а в известных случаях и обратно (*просьба* вместо *прозьба*) облегчается тем, что в русском языке нет неударенного *o*, на конце слов в произношении невозможны шумные звонкие согласные („б, в, д, з, ж, г“), а перед шумным, кроме „в“, в произношении возможны лишь однородные согласные, т. е. звонкие перед звонкими и глухие перед глухими. Однако все это нас нисколько не уполномочивает говорить, что буквы русского алфавита *o*, *б*, *в*, *д*, *з*, *ж*, *г*, а в конце концов и *п*, *ф*, *т*, *с*, *ш*, *ц*, *ч*, *к*, *х* (ср. *отдать* вместо *оддать*, *к дому* вместо *г дому* и т. д.) двусмысленны, т. е. имеют два звуковых значения, а именно: буква *o*—значение *o* и *a*, буква *б*—значение *б* и *п*, буква *в*—значение *в* и *ф* и т. д.

Явления, аналогичные только описанным, имеются в письменности многих языков. Так, во французском алфавите буквы *c* и *g* перед буквами *e*, *i*, *y* обозначают звуки, близкие к русским *с* и *ж*, и звуки, близкие к русским *к* и *г*, во всех остальных случаях: *cil*—„ресница“, *genou*—„колени“, *cas*—„случай“, *gare*—„вокзал“; и это является правилом алфавита, совершенно не зависящим от написания тех или иных конкретных слов. Но в слове *femme*, произношение которого русскими буквами можно было бы изобразить „фам“, пишется *e* вместо *a* исключительно в силу правил второй категории, т. е. в силу истории этого слова, происходящего от латинского *femina*,

и никак нельзя сказать, что буква *e* перед *tt* вообще произносится, как буква *a* (ср. слова *lemme*, *gemme*, где буква *e* имеет обычное для этого положения значение)... Подобных случаев особенно много в английском языке: так, „i:“ (долгое) может быть изображено через *e* в открытых на письме слогах, через *ee*, через *ea* и через *ie* (*these* — „эти“, *feel* — „чувствовать“, *speak* — „говорить“, *chief* — „вождь, главный“) и т. д.¹

Итак, по Л. В. Щербе, нельзя говорить, что буква *o* имеет два звуковых значения, а именно, что буква *o* имеет значение [o] и [a], что буква *б* имеет значение [б] и [п], буква *в* — значение [в] и [ф] и т. д. Значение у буквы *o* только одно: *o* → [o], а то, что буква *o* пишется иногда и там, где произносится звук [a], — это заместительное употребление буквы *o* в соответствии с правилами современной орфографии.

Иначе подходит к вопросу о звуковых значениях букв А. Н. Гвоздев.

В соответствии с точкой зрения А. Н. Гвоздева, новое значение буквы *o* в словах *большой*, *вода*, *голубка*, *добро*; *большевистский*, *водяной*, *голубок*, *доброта* является звуковым значением буквы *o*, хотя уже и не главным (основным), а второстепенным. В то же время, в соответствии с этой точкой зрения, буква *o* остается однозначной, так как при определении двузначности и однозначности буквы учитываются лишь ее главные звуковые значения, а именно те, которые обнаруживаются у буквы, взятой в пределах слога.

Употребление буквы *б* там, где произносится звук [п]: *боб* [боп], в соответствии с этой точкой зрения, также является результатом проявления присущего ей звукового значения. Следовательно, буква *б* имеет не только звуковое значение [б], но и звуковое значение [п]. Звуковое значение [п] оказывается при этом для буквы *б* второстепенным звуковым значением.

Последняя точка зрения сейчас широко принята. Даже в пособиях для средних специальных учебных заведений различают у букв главные и второстепенные звуковые значения².

¹ Л. В. Щерба. Теория русского письма. В кн.: Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 148—149.

² См.: А. М. Земский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев. Русский язык, изд. 6, переработ. ч. 1. М., 1963, с. 69.

Между двумя изложенными точками зрения нет расхождения при включении в звуковые значения букв тех звуковых значений, которые называются у А. Н. Гвоздева главными (или основными) звуковыми значениями букв. Расхождения касаются тех значений, которые названы второстепенными значениями букв. У Л. В Щербы — это не значения, а заместительное употребление букв (одной вместо другой) в соответствии с правилами орфографии.

Однако можно сказать, что и заместительное употребление букв имеет определенные для каждой буквы пределы.

Так, буква **б**, в соответствии со своими главными звуковыми значениями, может быть написана:

там, где слышится [б] → *бок* [бок],
там, где слышится [б'] → *бег* [б'эк].

Возможность дальнейшего ее употребления ограничивается еще двумя случаями. Буква **б** может быть написана:

там, где слышится [п] → *дуб* [дуп],
там, где слышится [п'] → *дробь* [дроп'].

Употребление каждой буквы ограничивается лишь определенными звучаниями. Эти звучания могут быть найдены и подытожены, хотя они изыскиваются уже в конкретных словах, иногда даже на стыке слов. Например, буква **п** может быть написана там, где слышатся звуки [б] и [б'], но это бывает лишь на стыке слов, произносимых при быстром темпе речи, „слитно“, как одно фонетическое слово, например: *землекоп болел* → *землеко[бб] о-лел*, *сын больше* → *сы[б'б]ольше*. Внутри же слова, там, где пишется буква **п**, никогда не звучат [б] и [б'], ибо в нашем письме нет сочетаний *пб*, *пг*, *пд*, *пж*, *пз*: буква **п** непосредственно не предшествует буквам, обозначающим звонкие согласные.

Но поскольку буквы употребляются все же на месте каких-то определенных звуков, то эти звучания и приписываются буквам как их второстепенные звуковые значения. Именно в этом смысле и говорят, что рассмотренная в качестве примера буква **б**, кроме ее звуковых зна-

чений [б] и [б'], имеет еще два второстепенных звуковых значения: [п] и [п'] и что буква *п*, соответственно, имеет второстепенные значения [б] и [б'].

Расхождения в теоретическом истолковании вопроса о звуковых значениях букв, взятых в пределах слова (а иногда, как мы видели на примере с буквой *п*, и шире), свидетельствуют о том, что этот вопрос, действительно, не прост.

Трудно, оказывается, даже сформулировать, какое значение называется основным и какое второстепенным.

А. Н. Гвоздев пишет, что „второстепенными окажутся те случаи употребления букв, когда для обозначения известного звука рядом с данной буквой может быть использована и другая буква, употребление которой не отразится на произношении“¹. Употребленная же в основном значении, „данная буква не может быть заменена какой-либо другой для обозначения известного звука, т. е. этот звук может быть передан только этой буквой... В таких случаях буквы выступают в своем специфическом употреблении как незаменимые уникаумы“².

Рассмотрим в соответствии с этими определениями написание, например, буквы *з* в слове *здоровье*.

В таблице звуковых значений букв для буквы *з* у А. Н. Гвоздева отмечено два главных значения: *з* (*зол*) и *з'* (*зима*), и четыре второстепенных: *с* (*воз*), *с'* (*сквозь*), *ж* (*изжарить*) и *ш* (*без шума*)³.

В слове *здоровье* буква *з* употреблена в своем главном (основном) звуковом значении: она обозначает здесь звук [з]. Буква *з*, несомненно, имеет такое звуковое значение, независимо от употребления в каких-либо словах. Это значение является для буквы *з* одним из ее двух одинаково главных значений. Но, несмотря на это, в этом слове без искажения произношения можно написать (допустив при этом, конечно, орфографическую ошибку) букву *с*: «сдоровье» (ср. слова *сделать*, *сбруя*, *сбежать* и т. п., в которых на месте буквы *с* произносится [з]).

Итак, в слове *здоровье* на месте буквы *з* произносится звук [з]. Звуковое значение [з] для буквы *з* — как одно

¹ А. Н. Гвоздев. Основы русской орфографии, изд. 3-е. М., 1951, с. 32.

² Там же, с. 32.

³ См. там же, с. 35.

из ее главных (основных) значений — отмечено и в таблице А. Н. Гвоздева. Из его же теоретического определения главного (основного) значения следует, что у буквы **з** здесь не главное (так как букву **з** здесь можно заменить другой буквой, не исказив при этом произношения), а второстепенное значение. Между тем звуковое значение [з] у буквы **з** среди второстепенных значений в таблице А. Н. Гвоздева не отмечено.

Создается противоречие. Теоретическое определение главного (основного) значения оказывается у А. Н. Гвоздева неточным, более узким по сравнению с тем, что им же практически приписывается букве в качестве главного звукового значения. Теоретическое определение главного (основного) значения буквы совпадает у него с орфографическим понятием опорного написания (об опорных написаниях см. с. 203 раздела орфографии). Это отчетливо сказано в более позднем учебном пособии А. Н. Гвоздева: „Буквы имеют основные значения в тех положениях (сильных позициях), где в произношении различается наибольшее количество звуков: гласные под ударением, согласные перед гласными“¹.

Более гибкими и точными являются определения основного (главного) и второстепенного значений букв, предложенные Б. И. Осиповым.

Включая орфографические понятия, Б. И. Осипов определяет основное значение букв так: „Основным называется то значение буквы, которое она сохраняет независимо от характера орфографических правил“². Так, для передачи фонем [с] и [с'] буква **с** будет употребляться независимо от того, будет ли русское правописание морфологическим или фонетическим. В значении же фонем [з] и [з'], [ш] и [ж] эта буква может употребляться лишь при морфологической орфографии и не может употребляться при фонетической. Так, слова *сдать*, *сделать*, *стать*, *высшая* при фонетическом правописании не могли бы писаться через **с**: буква **с** в каждом из них употребляется в дополнительном значении; слова же *суда*, *сюда* при любом принципе правописания писались бы через **с**

¹ А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, ч. I, Фонетика и морфология, изд. 2-е. М., 1961, с. 87.

² Б. И. Осипов. Графико-орфографический анализ текста. Барнаул, 1970, с. 4.

(конечно, если бы не изменился алфавит). „Значение, которое обусловлено характером орфографии, называется дополнительным или второстепенным“¹.

При таком определении главного и второстепенного значений букв „второстепенные звуковые значения букв“ выходят из рамок графики в узком ее понимании, так как в этом случае графика понимается более широко, а именно как система соотношений между буквами и звуками (фонемами) в тексте (с учетом орфографии слов).

Справедливо считает, что „г р а ф и к а по-своему обобщает все факторы орфографии“, Ю. С. Маслов².

Развитие понимания звуковых значений букв

В теории русского письма звуковое значение букв и заместительное употребление букв, или, иначе, главное и второстепенное значение букв, стали разграничиваться далеко не сразу. Так, у М. В. Ломоносова в его „Российской грамматике“ одна из глав наставления „О чтении и правописании российском“ называется „О произношении букв российских“. В этой главе Ломоносов фактически излагает основы орфоэпии, перемежая их указаниями на звуковое значение букв. Оба эти плана у него смешаны. Например, Ломоносов пишет:

§ 100 „О буквах ю и я выше сказано, что они без предыдущей сопряженной с ними в один склад согласной двугласных силу имеют“.

§ 103 „Буквы з, с, т в предлогах произносятся как им последующие и с ними сливаются: *съ шумомъ, изъ шерсти, отъ червей, съ жилами* выговаривают: *шшумомъ, ишшерсти, оччервей, жжилами*“³.

В § 100 у Ломоносова излагаются положения, связанные с графикой, а в § 103 — связанные с орфоэпией. Нельзя

¹ Б. И. Осипов. Графико-орфографический анализ текста. Барнаул, 1970, с. 4.

² Ю. С. Маслов. Заметки по теории графики. В кн.: „Исследования по языку и литературе. Памяти акад. В. М. Жирмунского“, Л., 1973, с. 221.

³ М. В. Ломоносов. Российская грамматика (1755). См. в кн.: М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7. Труды по филологии. М.—Л., 1952, с. 424—427.

не отметить и того, что произносятся звуки, а не буквы, как об этом говорится у Ломоносова.

Правильное разграничение букв и звуков стало возможным лишь после специальных исследований, посвященных теории письма и звуковой речи. Такого рода исследования появились в России и на Западе лишь во второй половине XIX в.

В частном вопросе о звуковых значениях русских букв и двойком к нему подходе примечательны были две работы: Д. Н. Ушакова „Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе“ и книга И. А. Бодуэна де Куртенэ „Об отношении русского письма к русскому языку“.

Теория русского письма у Бодуэна де Куртенэ и Д. Н. Ушакова разрабатывается по-разному, и в частности различались их взгляды на звуковые значения букв. Бодуэн де Куртенэ не говорил о звуковом значении [а] у буквы *о* и т. п. Буквы, употребленные вместо требуемых по произношению (например, *о* вместо *а*), он называл графическими субститутами (т. е. заменителями от лат. *substitutum*—поставленное взамен)¹. Говоря об употреблении одной буквы вместо другой (*о* вместо *а*, *б* вместо *п* и т. д.), а не о второстепенных звуковых значениях букв, Л. В. Щерба развивает указанную мысль Бодуэна де Куртенэ.

Д. Н. Ушаков, рассматривая правописание в соотношении с произношением, считает звуки, которые могут быть произнесены на месте тех или иных букв, звуковыми значениями этих букв.

В одной из глав все, что говорилось им о звуковых значениях букв, он обобщает в свод табличного характера.

Глава, содержащая этот свод, озаглавлена „Звуковое значение букв“². Фактически в этой таблице указаны нормы московского литературного произношения.

Для иллюстрации приведем отрывок из таблицы Д. Н. Ушакова о буквах *А* и *Б* (начало таблицы).

¹ См.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912, с. 69.

² См.: Д. Н. Ушаков. Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе. М., 1911, с. 44.

Буква *А* пишется там, где слышатся звуки:

1) под ударением:

а, *ах*, *сад*, *жар*, *час*.

Оттенки: напряж. и ненапряж.;

2) без ударения:

а в начале слова: *атаман*.

а в 1-м предударн. слогe не после *ж*, *ш*, *ч*, *щ*: *сады*.

Оттенки: напряж. и ненапряж.;

ы в 1-м предударн. слогe после *ж*, *ш*: *жара*.

Оттенок *ы^н*, т. е. звук более передний, чем *ы* (промежуточный между *и* и *ы*) в положении перед мягким согласным: *жаре*.

и или *е^н* в 1-м предударн. слогe после *ч*, *щ*: *часы*.

ъ не в 1-м предударн. слогe не после *ч*, *щ*:

садовод и др., *шаловлив* и др., *ива*, *крыша*, *жница*.

Оттенки: напряж. и ненапряж.

ь не в 1-м предударн. слогe после *ч*, *щ*: *часовой* и др.

ь^н в конце слова после *ч* и *щ*: *дача*, *роща*.

Б

б твердый: *был*, мягкий: *бил*.

п твердый: *рабство*, мягкий: *дробь*.

Знаком *ъ* Д. Н. Ушаков обозначает гласный звук, средний между [а] и [ы], но очень краткий (редуцированный).

Знаком *ь*—также очень краткий (редуцированный) гласный, близкий к [и].

Знаками *е^н*, *ы^н* обозначаются звуки, средние между теми, которые указаны сдвоенными буквами¹.

О том, что в центре внимания Д. Н. Ушакова находятся нормы произношения, свидетельствует и особое примечание Д. Н. Ушакова, заключающее таблицу:

„В этой и предшествующей главах мне постоянно приходилось ссылаться на правильное, т. е. общепринятое, произношение, а таким является московское лите-

¹ Такое обозначение (с допуском вариантов для *е^н*—*э^н*, *и^н*, *и^е*; для *ы^н*—*ы^р*, *э^н*) и сейчас еще принято во многих пособиях.

ратурное. В школе необходимо наряду с обучением правописанию (орфографии),— что у нас есть везде,— также обучение и правопроизношению (орфоэпии), чего у нас, кажется, нигде нет; можно даже встретиться с таким мнением, будто наиболее правильно произносить так, как пишется¹.

А. Н. Гвоздев, вслед за Д. Н. Ушаковым, принимает положение о звуковых значениях букв, считая, однако, что для графики особенно важно установить основные значения букв, в своей таблице разделил звуковые значения букв на главные и второстепенные.

Для иллюстрации приведем отрывок из таблицы А. Н. Гвоздева о буквах *А* и *Б* (начало таблицы)².

Буквы	Главное значение букв	Второстепенное значение букв
<i>А</i>	<i>а</i> — мал	<i>ы</i> (<i>а, е, и, ы</i>) — шары (шыры́), ср.: шести (шыс'т'и́), широк (шыро́к), сырой <i>и</i> (<i>а, е, и</i>) — щавель (ш'ш'ив'ёл'); ср.: щепать (ш'ш'ипа́т'), щипать (ш'ш'ипа́т') <i>ь</i> (<i>а, о, ы</i>) — сёлам (с'о́льм), ср.: полом (по́льм), белым (б'е́льм)
<i>Б</i>	<i>б</i> — был <i>б'</i> — бей (б'ей)	<i>п</i> (<i>б, п</i>) — дуб (дуп), ср.: суп <i>п'</i> (<i>б', п'</i>) — дробь (дроп'), ср.: топь (топ')

Выделение главного и второстепенного значений букв, а в основном постоянное подчеркивание того, что для графики определяющими являются главные значения букв,— это уже шаг вперед по сравнению с концепцией Д. Н. Ушакова.

В таблице А. Н. Гвоздева дана еще одна линия, важная для теории орфографии. В графе второстепенных

¹ Д. Н. Ушаков. Русское правописание. Очерк его происхождения, отношение его к языку и вопроса о его реформе. М., 1911, с. 44.

² См.: А. Н. Гвоздев. Основы русской орфографии, изд. 3. М., 1951, с. 34; то же см. в кн.: А. Н. Гвоздев. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963, с. 33.

значений в скобках А. Н. Гвоздевым указывается, какими другими буквами может быть обозначен тот же звук в тех же условиях¹. При этом А. Н. Гвоздев справедливо указывает: „Для понимания возможностей этих замен следует иметь в виду живые фонетические законы, свойственные русскому литературному языку“².

Эта линия, несомненно, будет продолжена в дальнейших исследованиях по теории орфографии.

Новое истолкование звуковых значений букв дает А. И. Моисеев³. Он выделяет три типа звуковых значений букв: алфавитные, графические и орфографические значения. Алфавитные значения—это те значения, которые отражены в их названии:

буква *А* название—„а“, значение [а]
буква *Я* название—„я“, значение [ја]
буква *Б* название—„бэ“, значение [б]

.
и т. п.

Звуковые значения букв типа *я*, когда они используются в качестве смягчающих букв, т. е. значения типа [’а], называются А. И. Моисеевым графическими, поскольку они проявляются только в буквосочетаниях типа *бя*. Графическими по этой же причине называются А. И. Моисеевым и звуковые значения букв типа *б*, когда они обозначают мягкие согласные, т. е. значения типа [б’].

Таким образом, основные (главные) звуковые значения букв, по А. Н. Гвоздеву, у А. И. Моисеева распадаются на алфавитные и графические. Орфографическими значениями букв А. И. Моисеев называет те значения, которые И. А. Бодуэн де Куртенэ и Л. В. Щерба считали заместительным употреблением букв, а А. Н. Гвоздев—их второстепенными значениями.

¹ Этот путь был намечен еще Бодуэном де Куртенэ, давшим схему возможной графической передачи звуков одного четверостишия с чисто произносительно-слуховой точки зрения. См. И. А. Бодуэн де Куртенэ. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912, с. 79—81.

² А. Н. Гвоздев. Основы русской орфографии, изд. 3. М., 1951, с. 33.

³ См.: А. И. Моисеев. Буквы и звуки. М., 1969, с. 78. См. также: А. И. Моисеев. Алфавит, графика и орфография.—„Русский язык в школе“, 1970, № 4.

Название „орфографические значения“ удачно в том отношении, что оно хорошо подчеркивает истоки появления у букв так называемых второстепенных значений. Этими значениями буквы, действительно, обязаны орфографии (см. на с. 118 определения Б. И. Осипова). Именно по правилам орфографии пишется буква *о* для обозначения [а] в слове *вода*, буква *б* в слове *дуб* для обозначения [п] и т. п. Такие написания условны, но социально приняты и применяются для сохранения графического единообразия морфем (морфологический принцип орфографии).

Однако название „орфографические“ оправдано только в ряду названий: алфавитные—графические—орфографические. Если же считать и графические значения букв основными, главными, то название „орфографические“ сразу же выпадает из этого ряда как неоднородное с ними.

Вслед за И. А. Бодуэном де Куртенэ считаем, что те звуковые значения букв, которые сейчас обычно принято называть основными, присущи уже самому алфавиту, они „заданы“ в нем. Исходя именно из этого положения Бодуэна де Куртенэ, Н. Ф. Яковлев вывел математическую формулу рационального построения алфавита (см. выше, с. 76).

Алфавитные звуковые значения букв можно считать потенциальными, т. е. еще не реализованными значениями знаков алфавита как системы знаков. В тексте же потенциальное значение знака актуализируется и становится реализованным.

Ниже предлагается таблица звуковых значений букв. Правильнее ее было бы назвать таблицей фонемных значений букв, так как значения букв указаны в ней на фонемном уровне¹.

В качестве второстепенных значений указываются те значения, которые появляются у букв в результате необозначения в русском правописании фонемных чере-

¹) Таблицу „От буквы к звуку“, где звуковое значение букв описано на фонетическом уровне, см. в кн.: Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение, изд. 5. М., 1972, с. 213—288. Эта таблица преследует те же орфоэпические цели, какие имела таблица Д. Н. Ушакова.

ТАБЛИЦА ЗВУКОВЫХ (ФОНЕМНЫХ) ЗНАЧЕНИЙ
БУКВ РУССКОГО АЛФАВИТА

Буквы	Основные значения	Второстепенные значения	
		Системные	Несистемные
Аа	а бал жалъ	и ч и сы (часы) Употребление а вместо я после букв мягких шипящих сог- ласных создает у бук- вы а звуковое значе- ние и	ы ж ы летъ (жа- летъ) (после букв твердых шипящих со- гласных) у дыш у т (дышат)
Бб	б б' бал бязь обдаць бью	п —ду п п' — (дуб) голу п' (голубь)	ø —нуле- вое значение су ø бота (суббота)
Вв'	в в' вал вяз вдоль вьет	ф ф' спл ф я ф' (сплав) (явь) ø —нулевое зна- чение здра ø ствуйте (здравствуйте) ср. здравие	ø —нулевое значение чу ø ство (чувство)
Гг	г г' гарь гяур иногда	к дру к (друг)	х мя х кий (мягкий) в красно в о (красного) Только в окончании -ого
Дд	д д' дар дятел поддать судьба	т т' вох т жер т' (вход) (жертв) ч —по ч чистить (подчистить), если буква д перед ч; ц —по ц садить	ø —нуле- вое значение праз ø ник (праздник)

Буквы	Основные значения	Второстепенные значения	
		Системные	Несистемные
		<p>(<i>подсадить</i>) коло ц ца (колодца), если буква <i>д</i> перед ц или <i>с</i>; ø —нулевое значение сер ø це (<i>сердце</i>) ср. <i>сердечный</i></p>	
Ее	<p> 'э лес йэ ель</p>	<p> и —л и са (<i>леса</i>) йи — йи ловый (<i>еловый</i>) Употребление <i>е</i> вместо <i>э</i> создает зву- ковые значения: э —ш э сть (<i>шесть</i>) пат э тика (<i>па- тетика</i>) про э кция (<i>про- екция</i>) ы —ш ы стой (<i>ше- стой</i>) пат ы тический (<i>патетический</i>) Употребление <i>е</i> вме- сто <i>ё</i> создает звуковые значения: 'о —гне т' о т (<i>гнетет</i>) о —береж о т (<i>бережет</i>) йо —па йо к (<i>паек</i>)</p>	
Ёё	<p> 'о тёмный йо ёлка</p>	<p>Употребление <i>ё</i> для обозначения о создает звуковое значение: о —ж о лтый— (<i>жёлтый</i>)</p>	
Жж	<p> ж жаль жгу</p>	<p> ш —бага ш — (<i>багаж</i>)</p>	

Буквы	Основные значения	Второстепенные значения																					
		Системные	Несистемные																				
Зз	<table style="display: inline-table; vertical-align: top;"> <tr> <td> з </td> <td> з' </td> </tr> <tr> <td>зал</td> <td>зяблик</td> </tr> <tr> <td>здоровье</td> <td>резьба</td> </tr> </table>	з	з'	зал	зяблик	здоровье	резьба	<table style="display: inline-table; vertical-align: top;"> <tr> <td>га с </td> <td> с' </td> </tr> <tr> <td>(гас)</td> <td>вро с' </td> </tr> <tr> <td> ж </td> <td>(врозь)</td> </tr> <tr> <td>дребе ж </td> <td> ш </td> </tr> <tr> <td>жать</td> <td>бе ш шума</td> </tr> <tr> <td>(дрез-)</td> <td>(без шума)</td> </tr> <tr> <td>жать)</td> <td></td> </tr> </table>	га с	с'	(гас)	вро с'	ж	(врозь)	дребе ж	ш	жать	бе ш шума	(дрез-)	(без шума)	жать)		
з	з'																						
зал	зяблик																						
здоровье	резьба																						
га с	с'																						
(гас)	вро с'																						
ж	(врозь)																						
дребе ж	ш																						
жать	бе ш шума																						
(дрез-)	(без шума)																						
жать)																							
Ии	<table style="display: inline-table; vertical-align: top;"> <tr> <td> и </td> </tr> <tr> <td>бить</td> </tr> <tr> <td> йн </td> </tr> <tr> <td>их</td> </tr> </table>	и	бить	йн	их	<table style="display: inline-table; vertical-align: top;"> <tr> <td> ы </td> </tr> <tr> <td>сверх ы зысканный</td> </tr> <tr> <td>(сверх ы зысканный)</td> </tr> </table>	ы	сверх ы зысканный	(сверх ы зысканный)														
и																							
бить																							
йн																							
их																							
ы																							
сверх ы зысканный																							
(сверх ы зысканный)																							
Йй	<table style="display: inline-table; vertical-align: top;"> <tr> <td> й </td> </tr> <tr> <td>край</td> </tr> </table>	й	край		<table style="display: inline-table; vertical-align: top;"> <tr> <td> ø — нулевое значение</td> </tr> <tr> <td>пожа-лу ø ста (пожа-луйста)</td> </tr> </table>	ø — нулевое значение	пожа-лу ø ста (пожа-луйста)																
й																							
край																							
ø — нулевое значение																							
пожа-лу ø ста (пожа-луйста)																							
Кк	<table style="display: inline-table; vertical-align: top;"> <tr> <td> к </td> <td> к' </td> </tr> <tr> <td>кол</td> <td>кегли</td> </tr> <tr> <td>кто</td> <td></td> </tr> </table>	к	к'	кол	кегли	кто		<table style="display: inline-table; vertical-align: top;"> <tr> <td> г —</td> <td> г' —</td> <td> г' гимну</td> </tr> <tr> <td>во г зал</td> <td>(ж</td> <td>гимну)</td> </tr> <tr> <td>(вокзал)</td> <td></td> <td></td> </tr> </table>	г —	г' —	г' гимну	во г зал	(ж	гимну)	(вокзал)			<table style="display: inline-table; vertical-align: top;"> <tr> <td> ø — нулевое значение</td> </tr> <tr> <td>а ø куратный (аккуратный)</td> </tr> </table>	ø — нулевое значение	а ø куратный (аккуратный)			
к	к'																						
кол	кегли																						
кто																							
г —	г' —	г' гимну																					
во г зал	(ж	гимну)																					
(вокзал)																							
ø — нулевое значение																							
а ø куратный (аккуратный)																							
Лл	<table style="display: inline-table; vertical-align: top;"> <tr> <td> л </td> <td> л' </td> </tr> <tr> <td>лук</td> <td>люк</td> </tr> <tr> <td>полка</td> <td>польза</td> </tr> </table>	л	л'	лук	люк	полка	польза	<table style="display: inline-table; vertical-align: top;"> <tr> <td> ø — нулевое значение</td> </tr> <tr> <td>со ø нце (солнце)</td> </tr> <tr> <td>Ср. солнышко</td> </tr> </table>	ø — нулевое значение	со ø нце (солнце)	Ср. солнышко	<table style="display: inline-table; vertical-align: top;"> <tr> <td> ø — нулевое значение</td> </tr> <tr> <td>ал ø ея (аллея)</td> </tr> </table>	ø — нулевое значение	ал ø ея (аллея)									
л	л'																						
лук	люк																						
полка	польза																						
ø — нулевое значение																							
со ø нце (солнце)																							
Ср. солнышко																							
ø — нулевое значение																							
ал ø ея (аллея)																							
Мм	<table style="display: inline-table; vertical-align: top;"> <tr> <td> м </td> <td> м' </td> </tr> <tr> <td>мать</td> <td>мять</td> </tr> <tr> <td>ум</td> <td>заумь</td> </tr> </table>	м	м'	мать	мять	ум	заумь		<table style="display: inline-table; vertical-align: top;"> <tr> <td> ø — нулевое значение</td> </tr> <tr> <td>ко ø мунизм (коммунизм)</td> </tr> </table>	ø — нулевое значение	ко ø мунизм (коммунизм)												
м	м'																						
мать	мять																						
ум	заумь																						
ø — нулевое значение																							
ко ø мунизм (коммунизм)																							
Нн	<table style="display: inline-table; vertical-align: top;"> <tr> <td> н </td> <td> н' </td> </tr> <tr> <td>нужный</td> <td>нюхать</td> </tr> <tr> <td>конь</td> <td>конь</td> </tr> </table>	н	н'	нужный	нюхать	конь	конь		<table style="display: inline-table; vertical-align: top;"> <tr> <td> ø — нулевое значение</td> </tr> <tr> <td>анте ø на (антенна)</td> </tr> </table>	ø — нулевое значение	анте ø на (антенна)												
н	н'																						
нужный	нюхать																						
конь	конь																						
ø — нулевое значение																							
анте ø на (антенна)																							

Буквы	Основные значения	Второстепенные значения	
		Системные	Несистемные
Оо	о дом	а — в а да (вода)	йо — буль йо н (бульон)
Пп	п пол сноп п' пень степь	б — глу б же (глу же) б' — сы б' же (сы же)	ø — нулевое значение а ø пендицит (аппендицит)
Рр	р род пожар р' ряд фонарь		ø — нулевое значение те ø раса (терраса)
Сс	с суд нос с' сюда лось	з з' з доба про з' ба (сдоба) (просьба) ш ж ш шить ж жечь (сшить) (сжечь) ц — оста ц а (остаться. — Если буква с после т)	ø — нулевое значение а ø самбля (ассамбля)
Тт	т тундра кот т' тюлень клеть	д д' о д дать моло д' ба (отдать) (молотьба) ц — оста ц а (остаться) бра ц ца (братца) Если буква т перед с или ц . Буква ь между т и с при этом не учи- тывается (кроме слу- чаев повелительного наклонения: охот сь). ч — ле ч чик (летчик) ø — нулевое зна- чение лес ø ный (лестный) ср.: леть.	ø — нулевое значение гу ø таперча (гуттаперча)

Буквы	Основные значения	Второстепенные значения	
		Системные	Несистемные
Уу	у туман		
Фф	ф ффурор рельеф ф' фюзеляж верфь	в а в ганец (афганец) в' ве р' в' была (верфь была)	ø — нулевое значение: су ø фикс (суффикс)
Хх	х хор пастух х' хитрый		
Цц	ц цапля		
Чч	ч чайка врач дочь точно чтение		ш — ш то (что) коне ш но (конечно) в сочетаниях чт и чн в не- которых словах
Шш	ш шаль штора	ж — вол ж ба (волиба)	
Щщ	щ свищу		ш — помо ш ник (помощник)
Ъъ	Разделительный знак — сигнал того, что следующая гласная буква чи- тается как сочета- ние йота с гласным: свел — с йэ л		

Буквы	Основные значения	Второстепенные значения	
		Системные	Несистемные
Ьь	Знак, указывающий на мягкость предшествующего согласного: <i>конь</i> Разделительный знак: <i>воробыи — вороб йи </i>	∅ — нулевое значение: <i>рожь — ро ш </i>	∅ — нулевое значение: <i>сем сот</i> (<i>семьсот</i>)
Ыы	ы <i>быль</i>		
Ээ	э <i>этика</i> <i>поэзия</i>	и — <i>по и тический</i> (<i>поэтический</i>) ы — <i>с ы крана</i> (<i>с экрана</i>)	
Юю	йу <i>юла</i> 'у <i>тюль</i>		у — <i>брош у ра</i> (<i>брошюра</i>)
Яя	йа <i>яблоко</i> 'а <i>пяť</i>	йи — <i>об йи зление</i> (<i>объявление</i>) и — <i>п и так</i> (<i>пятак</i>)	а — <i>оста ща </i> (<i>остаться</i>) йу — <i>стро йу т</i> (<i>строят</i>)

дований¹. Второстепенные значения букв можно разделить на системные и несистемные. Системные значения создаются на основе регулярных позиционных чередований фонем, таких, например, как чередование |ó| || |а|: *др|о|в — др|а|ва́*. Несистемные значения создаются на основе нерегулярных позиционных

¹ В качестве примеров в таблице иногда приводится „беспаузное“ произношение двух слов (*верфь была* и *под.*).

чередований, таких, как, например, чередование |á| || |ы| после букв твердых шипящих: ж|а|ль—ж|ы|лѣть. В других словоформах такого чередования может и не быть. Ср. ж|а|р—ж|а|рѧ. Несистемные значения могут создаваться и за счет других фактов, например, за счет влияния произношения аналогичных морфем. Ср. произношение глагольных окончаний II спряжения **-ат**, как окончаний I спряжения, т.е. как **-ут** (*дыш[у]т* как *машут*) и т.п.

В предлагаемой таблице, вслед за Р. И. Аванесовым и Б. И. Осиповым, отмечаются нулевые звуковые значения букв. Нулевые значения также могут быть системными и несистемными. Системными они являются в случае отражения позиционных чередований. Ср. *сол|л|нечный*—*сол|ø|нце* (*солнце*). В слове *солнце* у буквы **л**—системное нулевое значение. В слове же *алло* у одного **л** несистемное нулевое значение.

Как видно из таблицы, буквы **щ** и **ъ** обладают такими значениями, которые уже имеют другие буквы. Так, буква **щ** имеет такое фонемное значение, которое может быть выражено сочетанием букв *шч* (ср. слово *веснушчатый*). На этом основании А. Н. Гвоздев считает, что буква **щ** вообще не имеет основного значения. По этой же причине можно считать, что и буква **ъ** не имеет основного значения (ср. значение „разделительности“ у двузначной буквы **ь**). Однако буквы **щ** и **ъ** можно считать просто буквами-дублетами к другим буквам. Поскольку они входят в состав алфавита, то они имеют в нем и алфавитное (основное) значение.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Еськова Н. А. О разделительных знаках. В сб.: „О современной русской орфографии“. М., 1964.

Максимова Л. К. Употребление букв *э, е* после гласных в заимствованных словах. В сб.: „О современной русской орфографии“. М., 1964.

Осипов Б. И. История русской графики. В сб.: „Фонетико-орфографический сборник“. Барнаул, 1974.

Реформатский А. А. Буква *ѣ*. В сб.: „О современной русской орфографии“. М., 1964.

Скобликова Е. С. Русская графика. Куйбышев, 1974.

Шубов Я. И. Употребление букв *э, е* после согласных в заимствованных словах. В сб.: „О современной русской орфографии“. М., 1964.

ОРФОГРАФИЯ

ГЛАВА I

ОРФОГРАФИЯ КАК ОБЩЕПРИНЯТОЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

ПОНЯТИЕ ОБ ОРФОГРАФИИ И ЕЕ ВАЖНЕЙШИХ РАЗДЕЛАХ

Орфография — слово греческое по происхождению (*orthos* — прямой, правильный, *gráphō* — пишу) и означает правописание, иначе говоря, правильное, соответствующее нормам письмо¹.

Характерной чертой литературного языка в отличие от диалектов является наличие в нем определенных н о р м. „Норма — это вырабатываемые языком при участии образцовой литературы единые и обязательные для всех „правила“ произношения слов, ударения в них, их построения, образования их форм и построения простых и сложных предложений“². Соблюдение определенных норм ведет к точности и ясности, способствует лучшему восприятию содержания речи. Различают произносительные, лексические, грамматические, а также орфографические нормы. Орфографические нормы составляют специфику письменной формы речи.

Для полного овладения литературным языком необходимо знать и соблюдать языковые нормы. Соблюдать орфографические нормы не менее важно, чем соблюдать произносительные, лексические и грамматические нормы. Малограмотное письмо неудобочитаемо,

¹ Слово *правописание* употребляется и в более широком значении: к правописанию относят не только общепринятую систему правил написания слов, но и правила употребления знаков препинания (пунктуацию).

² Б. Н. Головин. О качестве хорошей речи. — „Русский язык в школе“, 1964, № 2, с. 19.

а неудобочитаемость малограмотного письма представляет собой прямой социальный вред. Вот почему книги, которые мы читаем, выверены с орфографической точки зрения.

Русская орфография, как система правил, распадается на пять разделов:

1. Правила передачи звуков (фонем) буквами в составе слов и морфем.

2. Правила о слитных, полуслитных (дефисных) и отдельных написаниях слов.

3. Правила употребления прописных (больших) и строчных (малых) букв.

4. Правила переноса слов с одной строки на другую.

5. Правила графического сокращения слов.

Каждый из этих разделов представляет собой систему правил, покоящуюся на определенных принципах.

Центральным разделом орфографии является первый: в зависимости от того, на какой основе строится обозначение звукового состава слов в той или иной национальной орфографии, говорят о принципе той или иной орфографической системы.

Особую область орфографии составляет передача средствами русской графики заимствованных слов, особенно географических названий (*топонимика*¹) и собственных имен (*ономастика*²).

В заимствованных словах могут произноситься такие звуки, которых нет в русском языке. При передаче заимствованных слов используются два приема: *транскрипция* (передача при помощи букв русского алфавита звуков иноязычного слова) и *транслитерация* (передача соответственными русскими буквами букв иноязычного слова). Иногда при передаче иноязычных слов используется то один, то другой прием: в результате одни и те же слова передаются по-разному. Так, колеблющееся у нас написание итальянского по происхождению слова *каприччио* и *каприччо* (с *и* и без *и*) объясняется наличием в итальянском написании графического *и*, которое не произносится в итальянском языке. Следовательно,

¹ Слово *топонимика* происходит от греч. *topos* — место и *оупта* — имя.

² Слово *ономастика* происходит от греч. *onomastikos* — относящийся к имени.

произношению больше соответствует написание *каприччо*, а итальянской орфографии больше соответствует написание *каприччио*.

Другой пример.

До выхода в свет „Правил русской орфографии и пунктуации“ 1956 г. у нас имелось два орфографических варианта заимствованного из французского языка слова *эксплуатация*. По-французски это слово пишется с буквосочетанием *oi* (*exploitation*), которое читается как [ya]. Принятое сейчас написание соответствует французскому произношению (прием транскрипции). Во втором же орфографическом варианте этого слова (*эксплоатация*) отражалась французская буква *o* из буквосочетания *oi* (прием транслитерации).

Отдельные написания иноязычных слов упоминаются в общих сводах орфографических правил, однако общие своды не должны и не могут охватить полностью весь круг этих сложных и специфических вопросов.

О написании иноязычных собственных имен и географических наименований существуют особые, но далеко не полные инструкции при Главном управлении геодезии и картографии, а также в редакциях энциклопедий и издательств.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ОРФОГРАММА» И «ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ»

При обозначении на письме звуков речи пишущий не всегда затрудняется. Так, при передаче на письме слов *дом*, *трюм*, *пол*, *сразу*, *трон* и под. затруднений не возникает. Здесь нет орфограмм, т. е. нет случаев, где пишущему предоставлялся бы выбор букв для обозначения слышимых звуков. Наоборот, слово *еще* является таким словом, где на месте любой из трех букв может быть написана другая буква (*ишчо*, *йэсчо*, *йэсчѐ* и т. д.), а слово будет читаться (произноситься) так же. Более часты при письме такие случаи, когда в слове чередуются орфограммы и неорфограммы, ср. слово *перетянул*. В нем три орфограммы. В связном тексте соотношение орфограмм и неорфограмм примерно 1:2 (орфограмм в два раза меньше, чем неорфограмм).

Итак, орфограмма — это написание, выбранное или еще искомое, в том случае, где пишущему предоставлен

выбор букв для обозначения того или иного звука (фонемы)¹.

Вариативно на письме могут быть обозначены фонемы, находящиеся в слабых позициях. Слабыми называются такие фонетические позиции, в которых употребляются не все фонемы. Так, в русском литературном языке в безударных позициях в нейтральном стиле произношения² не употребляются фонемы [o] и [э]; в исходе слов, а также перед последующими глухими согласными не употребляются звонкие согласные и т. п. Благодаря этому явлению возникают позиционные чередования фонем (ср. *вѣды*, но *в|а|дѣ́*, *глаза* — но *гла|с|* и т. п.).

Фонемы, находящиеся в слабых позициях, могут быть обозначены по-разному, но, во-первых, выбор букв для их обозначения ограничен определенными рамками (см. ниже), а во-вторых, этот выбор осуществляется на основе определенных идей, или, иначе, руководящих принципов. Таким образом, орфографические принципы — это руководящие идеи выбора букв там, где звук (фонема)³ может быть обозначен вариативно.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОРФОГРАФИИ, ВОЗМОЖНЫЕ ПРИ ЗВУКОВОМ ПИСЬМЕ

Звуковое письмо имеет две ступени: силлабическое и собственно звуковое (или буквенное). При силлабическом (слоговом) письме особыми знаками изображаются не отдельные звуки, а целые слоги (силлабическим письмом является, например, японское письмо). При собственно звуковом письме особыми знаками, а именно буквами, изображаются отдельные звуки, точнее, фонемы. Такое звуковое письмо называют буквенным.

Между силлабическим и буквенно-звуковым письмом возможны и переходные стадии. Так, в семитическом письме (еврейском, арабском) первоначально обозначались лишь согласные; применение того или иного гласного предоставлялось там знанию языка.

¹ Орфограммы есть и в других разделах правописания (это слитность или раздельность написания, выбор прописной буквы и т. д.).

² О стилях произношения см.: Л. Л. Булантин. Фonetика..., с. 98—102.

³ Орфографические принципы в иных разделах имеют иной „материал“: слитность, раздельность и т. д.

В идеально устроенном буквенно-звуковом письме каждый звук (фонема), выделенный языковым сознанием, должен обозначаться буквой. Буква за буквой, строка за строкой письменная речь отображает речевой поток на бумаге (коже, дереве и т. п.), символизируя звучащую речь. „Буквы составляют как бы ряд камней,— образно писал известный немецкий ученый Э. Брюкке,— положенных на дорогу пишущим, чтобы читающий мог глазами и языком идти по его следам“¹.

Переходя к выяснению принципов правописания при звуковом письме, попробуем таким способом, буква за буквой (применительно к русскому языку), передать слышимые нами звуки, чтобы читающий мог пойти по следам пишущего:

„В одной из удаленных улиц Масквы, в сером доме с белыми колоннами, антресолю и пакивившимся балконам жыла некагда барыня, вдова, акружонная многачисленнай дворней. Сынавья ее служили ф Петербурге, дочери вышли замуш; ана выежжала ретка и уединенна дажывала последние годы сваей скупой и скучающей (=скучяющей) старости. День ее, нерадастный (=нерадасный) и ненастный (=ненасный), давно прашил, но и вечер ее был чернее ночи“².

Здесь, действительно, буква за буквой переданы произносимые звуки русской речи с помощью букв русского алфавита. Однако приведенное письмо отличается от того письма, которым мы сейчас пользуемся. Значит, в русском письме есть какие-то условности.

Современное правописание может быть построено по-разному. В его основе могут лежать принципы: фонетический, морфологический, традиционный. Если орфография построена на фонетическом принципе (*phonē* греч.—звук речи), то буквы пишутся непосредственно по произношению.

Обычно при своем возникновении любое звуковое письмо бывает фонетическим. Таким было вначале письмо

¹ E. Brücke. Grundzüge der Physiologie und Systematik der Sprache laute für Lingvisten und Taubstummenlehrer. Wien. 1856, с. 123.

² Здесь воспроизведена фонетическая запись начала повести И. С. Тургенева „Муму“, данная Л. В. Щербой в 1942 г. Знак равенства показывает, что оба написания возможны. См.: Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 149. В фонетической записи Л. В. Щербы не нашло отражение иканье. При фонетической записи этого отрывка сейчас должно было бы быть написано: „ф Питирбурги“ и т. д.

греческое и латинское, образцом фонетического письма считается письмо санскритское и старославянское.

Однако по мере развития языка произношение изменяется, написания же, по своей природе более неподвижные, чем звучащая речь, остаются прежними. Возникший разрыв между двумя формами речи, устной и письменной, либо ликвидируется (причем это делается, разумеется, социально осознанно), либо, что бывает чаще, закрепляется, причем в этом случае возникают уже иные закономерности в соотношении между звуком и буквой. Они возводятся в ранг закона. Так устанавливается принцип правописания, принятого у того или иного народа.

Если написания соответствуют произношению и если такое положение возводится в ранг закона, то говорят о фонетическом принципе, лежащем в основе принятой орфографии. В настоящее время на фонетическом принципе построена, например, сербскохорватская орфография. Частично на фонетическом принципе построена орфография белорусов (в области написания гласных).

Иногда бывает, что между написанием и произношением возникает чрезвычайно большой разрыв. Так случилось с английской орфографией. Англичане пишут так, как говорили во времена Чосера (XIV в.), хотя теперь произносят совершенно иначе. Это и дает возможность иногда шутливо говорить, что по-английски пишется *Манчестер*, а читается *Ливерпуль*. В случаях столь значительных расхождений между письменной и устной формами речи, как это имеет место в английском правописании, говорят о традиционной орфографии (пишут, как писали раньше, т. е. по традиции), или о традиционном принципе орфографии.

Но все же при традиционном правописании связь между буквами и звуками не произвольна (иначе письмо перестало бы быть звуковым). Есть определенные соответствия между буквами и звуками, между звуками и буквами. Так, в английском языке звук [i:] (долгий *и*) произносится на месте следующих букв и буквосочетаний: *e, ee, ea, ie, ei* (*he, green, read, field, receive*); звук [ɔ:] (долгий, открытый *о*) произносится на месте следующих букв и буквосочетаний: *au, aw, o + r, a + ll, wa + r, augh, ough: sauce, draw, short, all, war, taught, thought*. В качестве примеров на обратные соот-

ношения (от буквы к звуку) можно привести случаи: буква *o* может произноситься как звук [ɔ] (краткий, открытый *o*): *hot, not*; как [ʌ] (краткое ударное *a*): *come, other*; буквенное сочетание *ea* в слове *bear* произносится как дифтонг [eə], а в слове *hear* как дифтонг [iə] и т. д.

Во французском письме также многие звуки передаются разными способами, и часто одни и те же буквы читаются по-разному (хотя причины этих расхождений между письмом и чтением у французов иные, чем у англичан).

Современное русское правописание построено в основном на морфологическом принципе, хотя в нем представлены также и фонетический, и традиционный принципы. Правописание, строящееся на морфологическом принципе, внешне расходится с произношением, но не резко и лишь в определенных морфологических звеньях речи: на стыке морфем и в абсолютном конце слов для согласных и внутри морфем для гласных. При этом расхождение между написанием и произношением осуществляется при морфологическом правописании на основе строго определенных соотношений с произношением, а отнюдь не в отрыве от него, не хаотично, как это может показаться на первый взгляд. Морфологическое правописание является следствием понимания носителями языка структурного членения слова по составляющим его значимым частям (морфемам) и имеет своим результатом единообразную передачу этих частей на письме. Способ письма с единообразной графической передачей значимых частей слов облегчает „схватывание“ смысла. Название принципа — морфологический — связано с единообразной передачей морфем.

Все морфемы имеют определенное значение (потому они и являются значимыми частями). Так, например, суффикс **-щик** вносит значение: „человек, который занимается чем-либо“, ср.: *обойщик, каменщик, стекольщик* и т. п. Приставка **пре-** имеет в качестве одного из значений значение „очень“: *предобрый, презлой, преувеличивать* и т. п. Окончания также являются значимыми частями слов, так как показывают отношения между словами-понятиями, ср.: *Утка летела* и *Охотник убил утку*. Окончание **-а** показывает, что предмет (утка) является субъектом действия; окончание **-у** показывает,

что предмет — объект действия. Корень указывает на „ядро“ в значении слова, ср. слова: *земля, земной, подземный, земляной, землистый, наземный, приземлиться* и т. д. Все они связаны между собой единым корнем. Это слова-родственники.

В потоке речи одна и та же морфема может произноситься по-разному. Ср. произношение

а) корня **ВОЗ-** в словах:

воз [вос]

возок [вазók]

вывоз [вЫ́вас]

возчик [вóш'чик]

б) приставки **с-**:

свалил [свалил]

сдал [здал]

сшиб [шшып]

сжарил [жжарил]

счесал [ш'чисал]

в) суффикса **-от-**:

кислотá [кислатá]

кислóты [кислóты]

г) окончания **-ому**:

запаснóму [запаснóму]

самомú [самамú]

Из примеров явствует, что если бы мы писали так, как произносим, то морфологический состав слова внешне не был бы ясен и при чтении мы с трудом узнавали бы даже родственные слова. Но мы, несмотря на разное произношение одного и того же корня, приставки и т. д., пишем их единообразно; в русском письме значимая часть слова имеет единый графический образ. Во всех перечисленных словах мы сразу „видим“ корень **-воз-**, приставку **с-**, суффикс **-от-**, окончание **-ому**. Морфологический принцип нашей орфографии облегчает, таким образом, быстрое понимание и осмысление текста, ибо внимание не задерживается на обозначении фонемных чередований.

Морфологический принцип, с бóльшей или мéньшей широтой его применения, используется и в других славянских орфографиях: в польской, чешской, украинской, болгарской.

Фактически при историческом становлении правописных норм в любой орфографической системе все три

принципа обычно сосуществуют. Только их соотношение между собой с преимущественным применением одного из них определяет орфографическую систему либо как построенную на морфологическом принципе, либо как построенную на фонетическом принципе, либо как построенную на традиционном принципе. Даже сербскохорватское письмо, являющееся почти идеально фонетическим, проводит фонетический принцип не всегда последовательно. Так, например, если приставки с конечным *đ* пишутся обычно по-сербскохорватски фонетически (*потхват, отхранити*), то перед *с* и *ш* сохраняется написание *đ* (*представа, одступити, одштампати, подшишати*). Не проводится фонетическое правописание и в более широких, чем графическое слово, пределах (предлоги не пишутся фонетически)¹.

Кроме фонетического, морфологического и традиционного принципов, в звуковом письме могут использоваться так называемые дифференцировочные (дифференцирующие) написания, например: *ожог — ожег, поджог — поджег* и т. п. Эти написания считаются иногда выражением особого дифференцировочного принципа. Этот принцип иначе называют идеографическим². Однако на такой основе не может строиться вся орфография (построенное на таком принципе письмо может „переродиться“ из звукового в идеографическое). Поэтому не все ученые говорят о дифференцировочном принципе. Так, А. Н. Гвоздев выделяет лишь „дифференцирующие написания“, считая, что „нет оснований говорить о принципе дифференциации“³.

В современном русском письме дифференцирующие написания являются обычно следствием применения других принципов. Например:

волы — валы — дифференцирующие написания, являющиеся следствием применения морфологического принципа (*волы*: так как есть *вол*; *валы*: так как есть *вал*);

¹ Подробнее см. в пособии: П. А. Дмитриев и Г. И. Сафонов. Новые правила правописания сербскохорватского языка. Л., 1963.

² См.: Л. В. Щерба. Основные принципы орфографии и их социальное значение. В кн.: Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 47.

³ А. Н. Гвоздев. Основы русской орфографии, изд. 3-е. М., 1951, с. 105.

компания — *кампания* — дифференцирующие написания, являющиеся следствием применения приема транслитерации при передаче этимологически различных заимствованных слов.

Компания — 1) общество, группа людей, чем-либо объединенных; 2) капиталистическое промышленное или торговое товарищество, объединяющее предпринимателей. Франц. *compagnie*.

Кампания — 1) совокупность военных операций, объединенных общей целью; 2) совокупность мероприятий для осуществления первоочередной политической или хозяйственной задачи. Итал. *campagna*.

В русском письме, построенном на морфологическом принципе, часть написаний основана на фонетическом принципе (например, *безрадостный* — *беспокойный* и др.), есть и традиционные написания. Например, написание окончания прилагательных форм в родительном падеже единственного числа *-ого*, произносящегося со звуком [в] на месте буквы *г* (*красного* и под.); написание мягкого знака после *ш*, *ж* и *ч* в наречиях и частицах: *настежь*, *наотмашь*, *вскачь*, *лишь* и т. д., а также во 2-м лице единственного числа глаголов (*делаешь*, *видишь* и т. д.) и нек. др.

Традиционными являются написания не проверяемых произношением гласных и согласных: *сарай*, *корова*, *вокзал*, *вторник* и под.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП КАК ВЕДУЩИЙ ПРИНЦИП РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ

Необозначение позиционных чередований при морфологическом принципе правописания

Сохранение на письме графического единства одних и тех же морфем (корней, приставок, суффиксов, окончаний) там, где это возможно, является характерной чертой нашей орфографии. Единообразие написаний значимых частей слов достигается тем, что в нашем письме не отражаются позиционные чередования гласных и согласных фонем.

Чередования гласных и согласных звуков можно рассматривать на фонемном и фонетическом уровнях. Рассмотрим это положение на примере с гласными.

Безударные гласные в русском литературном языке отличаются от ударных краткостью, меньшей силой и более вялой артикуляцией. Это явление называется редукцией гласных. Редукция зависит от места гласного по отношению к ударному слогу, от качества предыдущего согласного, от качества самого гласного и от стиля произношения. Различают количественную и качественную редукцию.

При качественной редукции изменяется не только количество (долгота и сила), но и характер звучания гласного. Но качественной редукции (наряду с количественной) в русском языке подвергается только гласный [а]. Другие безударные гласные подвергаются только количественной редукции. 1-ю степень редукции обозначаем одной косой черточкой (й), 2-ю—двумя (й̈)¹.

Приведем примеры. Так, в слове *сто-ро-жил* в первом предударном слоге *-ро-* произносится [а], хотя и более краткое, более вялое, чем звук [а], произносимый под ударением (обозначим его значком л). Во втором предударном слоге, а именно в слоге *сто-*, произносится редуцированный звук, обычно обозначаемый в фонетической транскрипции знаком ъ. Итак, слово *сторожил* произносится [ст̈ьрлжыл]. Фонемный состав этого слова: [старажыл]. Звук [л]—это оттенок фонемы [а] в позиции первого предударного слога (1-я степень редукции). Звук [ъ]—это оттенок фонемы [а] в позиции второго предударного слога (2-я степень редукции).

Фонемный состав слова *дирижер* → [д'ир'йжбр]. Редукция гласного [и]: [д'ир'йжбр].

Редукция гласных не зависит от положения звука в морфеме.

Ч е р е д о в а н и е—это принципиально иное явление. Из-за того, например, что в русских словах, в соответствии с нормами литературного произношения в безударной позиции не произносится [о], ударному [о] мор-

¹ Такая система обозначения степеней редукции проведена в кн.: „Русское слово как предмет языкознания. Факультативный курс для учащихся“. М., 1972.

фемы в безударной позиции соответствует [a]; |o| чередуется с |a|. Ср. *стóрож*, но *сторóжка* (ст|a|рожка).

Таким образом, чередование — это мена звуков (фонем) в составе морфемы, или, иначе, это фонемное различие вариантов (алломорфов) одной и той же морфемы.

В фонемное чередование вступают фонемы, находящиеся в одной морфеме соответственно в сильной и слабой позициях¹.

Позиционные чередования, если их рассматривать параллельно на фонемном и фонетическом уровне, можно обозначить так.

Фонетический уровень	Фонемный уровень
[ó] [л] [ъ] [стóрьш] — <i>сторож</i> [ста́рòшка] — <i>сторожка</i> [стърджы́л] — <i>сторожил</i> [э́] [й] [й̆] [л'эс] — <i>лес</i> [л'йсá] — <i>леса</i> [л'йслв'йк] — <i>лесовик</i>	ó a ста́раш ста́рòшка ста́ражы́л э́ и л'эс л'йсá л'йса́в'йк

Поскольку в практическом письме обозначаются лишь фонемы, то описывать чередования на фонетическом уровне нет необходимости. Позиционным чередованием, таким образом, охвачены всегда только две фонемы. В наших примерах это |ó| || |a| и |э́| || |и|.

Чередующиеся фонемы образуют фонемный ряд. Следует иметь в виду, что „взаимоотношения“ фонем сильной и слабой позиции не всегда одинаковы. Фонемы, находящиеся в этих позициях (в составе одной и той же морфемы), могут не входить в отношения фонемного чередования, представляя собой одну и ту же фонему и образуя нулевой фонемный ряд, например: с|a|д, с|a|довы́й, с|a|довод: |á| || |a|.

Положение о фонемных рядах, или собственно фонемных рядах, и нулевых фонемных рядах распространяется

¹ Слабые позиции в специальной литературе называют „позициями минимального различения фонем“, „позициями наименьшей дифференциации“, „позициями нейтрализации“, „сигнификативно слабыми позициями“.

и на согласные. Ср., например, фонемный ряд |б| || |п| (дуба—ду|п|) и нулевой фонемный ряд |п| || |п| (суна—суп).

Орфографические трудности возникают при морфологическом правописании не потому, что звуки подвергаются в потоке речи различным видоизменениям (и, в частности, редукции), а потому, что при позиционных чередованиях „перекрещиваются“, пересекаются фонемные (включая нулевые) ряды. Так, например, с безударным |и| чередуется ударное |э|: лес—леса (|л'и|са); ударное|а|: пять—пя́так (|п'и|так). Кроме того, безударному |и| соответствует и ударное |и|: пить—пи́тье (нулевой фонемный ряд). Значит, безударное |и| может быть обозначено, по крайней мере, буквами: *е* (печец), *я* (пятак), *и* (питьё), кроме того, еще буквами *а* (часы) и *э* (поэтический). Для того чтобы определить, какой буквой нужно обозначить безударный гласный (т. е. гласный, находящийся в слабой позиции), нужно соотнести его с ударенным гласным в той же морфеме (т. е. гласным, находящимся в сильной позиции) и обозначить той буквой, какой обозначается соответствующий ударный гласный.

Аналогичное явление наблюдаем с согласными. Например, фонема |к|, находящаяся в слабой позиции, может быть обозначена и буквой *к*, и буквой *г* (из-за пересечения фонемного ряда |г| || |к| с нулевым фонемным рядом |к| || |к|). Ср. слово *смо*|к| (смесь ядовитых газов в атмосфере). Если в сильной позиции здесь |г|: *смога* (род. п. ед. ч.), то → *смог*, если |к|: *смока*, то → *смок*. Это слово (английское по происхождению) колебалось в своей орфографии (писали то *смог*, то *смок*). Сейчас принято написание *смог*.

Поскольку наибольшую трудность при письме вызывает обозначение безударных гласных, то общие принципы обозначения фонем на основе морфологического принципа правописания мы рассмотрим именно на материале гласных фонем.

Назовем фонемные ряды гласных¹.

1) |ó| || |а| типа в|ó|ды—в|а|дá (воды—вода);

2) '|á| || |и| типа |п'а|ть—|п'и|та́к (пять—пятак);

¹ Позиционные чередования согласных фонем подробно описаны в кн.: Л. Л. Буланин. Фонетика..., с. 137—141.

3) ' |ǎ| || |и| типа |т'э|мь — |т'и|мнеть (*темь — темнеть*),
ч|э|рнь — ч|и|рнеть (*чернь — чернеть*);

4) |ǎ| || |ы| — после твердых шипящих типа ш|э|рсть — ш|ы|рстяной (*шерсть — шерстяной*);

5) |á| || |ы| — после твердых шипящих типа ж|а|ль — ж|ы|леть (*жаль — жалеть*);

6) |и| || |ы| — |и|зысканный — сверх|ы|зысканный (*изысканный — сверхизысканный*);

7) ' |ó| || |и| — типа |т'ó|мный — |т'и|мнеть (*тёмный — темнеть*), ч|о|рный — ч|и|рнеть (*чёрный — чернеть*);

8) |ó| || |ы| — после твердых шипящих типа ж|ó|лтый — ж|ы|лтеть (*желтый — желтеть*).

6-й фонемный ряд отличается от других фонемных рядов тем, что чередование |и| || |ы| не связано с ударением (ср. *безы́злый* и *безы́нициативный*).

В 5-м фонемном ряде наблюдается „притухание“ чередований фонем; замена чередования фонем |á| || |ы| нулевым чередованием |á| || |а|. Ср. ж|á|р — ж|а|р|á.

7-й и 8-й фонемные ряды не вполне равноправны со всеми предыдущими. Позиционность чередований ' |ó| || |и| и |ó| || |ы| своеобразна. Эти чередования являются надстройкой над чередованием ' |ǎ| || |и| (*темь — |ти|мнеть*; см. 3-й ряд) и |э| || |ы| (*шерсть — ш|ы|рстяной*; см. 4-й ряд). „Надстроенность“ 7-го и 8-го рядов над 3-м и 4-м объясняется „переходом“ |э| в |о| под ударением (см. выше, с. 102).

Считая чередования ' |ó| || |и| и |ó| || |ы| надстроенными, обозначаем их как чередования:

$$\begin{array}{c} ' |ó| \\ ' |ǎ| \end{array} || |и| \qquad \begin{array}{c} |ó| \\ |ǎ| \end{array} || |ы|$$

Эти чередования могут редуцироваться до чередований:

$$\begin{array}{c} ' |ó| \\ ' (' |ǎ|) \end{array} || |и| \qquad \begin{array}{c} |ó| \\ (|ǎ|) \end{array} || |ы|$$

(Ср. |т'о|р — |т'и|реть (*тер — тереть*) и ш|о|лк — ш|ы|лка (*шелк — шелка*.) Под редуцией данного чередования понимается исчезновение (отсутствие) алломорфа с исконным ударным |э|. (Исчезнувшее |ǎ| обозначено в круглых скобках.)

Позиционно чередующиеся гласные звуки образуют четыре нулевых фонемных ряда:

1) |á| || |a|: *травы* — *тр|á|ва* — *тр|a|вяной* (на фонетическом уровне это чередование оттенков фонемы: [á] || [Λ] || [ъ]);

2) |й| || |и|: |п'и|*ть* — |п'и|*тьё* — |п'и|*тьевой*

(на фонетическом уровне это: [й] || [й̆] || [й̇]);

3) |ы́| || |ы|: д|ы́|*м* — д|ы|*мок* — д|ы|*мовой*

(на фонетическом уровне это: [ы́] || [ы̆] || [ы̇]);

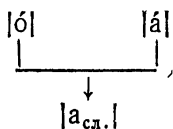
4) |у́| || |у|: |у́|*гол* — |у|*глы* — |у|*гловой*

(на фонетическом уровне это: [у́] || [ў] || [у̇]).

Орфографические затруднения, которые возникают перед пишущим, когда необходимо обозначить фонемы, находящиеся в слабых позициях, объясняются направлением мысли пишущего. Эти направления (как уже было показано выше) определяются наличием пересекающихся собственно фонемных рядов и наличием пересекающихся с собственно фонемными рядами нулевых фонемных рядов.

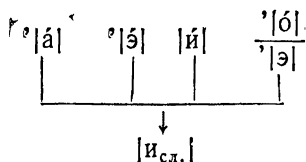
Покажем пересечение фонемных рядов гласных на моделях. Фонемы, находящиеся в слабых позициях, обозначим знаком „сл“. (= слабая позиция) справа от знака фонемы.

Фонема |а_{сл.}| является точкой пересечения следующих фонемных рядов: |о́| || |а_{сл.}|, |á| || |а_{сл.}|

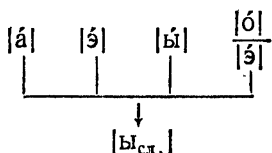
Фонема |и_{сл.}| является точкой пересечения следующих фонемных рядов: ' |á| || |и_{сл.}|, ' |é| || |и_{сл.}|; |й| || |и_{сл.}|,

' |о́| || |и_{сл.}|, ' |э| || |и_{сл.}|:

Фонема |ы_{сл.}| является точкой пересечения следующих фонемных рядов: |á| || |ы_{сл.}| (после твердых шипящих),

$|ɔ́| \parallel |ы_{сл.}|$, $|ы́| \parallel |ы_{сл.}|$, $\frac{|ó|}{|ɔ́|} \parallel |ы_{сл.}|$ (после твердых шипящих):

Фонема $|y|$ ни в какие пересечения фонемных рядов не вступает: $|ý| \parallel |y_{сл.}|$:

Фонемы, находящиеся в слабых позициях, могут быть обозначены буквами, адекватными фонемам, возглавляющим как собственно фонемные, так и нулевые фонемные ряды. Исключение составляет невозможность обозначения фонем $|и_{сл.}|$ и $|ы_{сл.}|$ буквами *ѣ* и *о* (см. модели), поскольку чередования $'|ó| \parallel |и|$ и $|о| \parallel |ы|$ носят надстроенный характер над чередованиями $'|ɔ́| \parallel |и|$ и $|ɔ́| \parallel |ы|$.

Модели наглядно показывают, что из всех гласных фонем, употребляющихся в слабых позициях, только $|y_{сл.}|$ не является точкой пересечения фонемных рядов. Поэтому, несмотря на то, что фонема $|y_{сл.}|$ может употребляться в слабой позиции (оттенки фонемы $|y|$ так же, как оттенки фонем $|ы|$ и $|и|$, подвергаются в слабой позиции количественной редукции), ее обозначение на письме незатруднительно для пишущих.

Те случаи, когда встречаются орфографические ошибки при обозначении фонемы $|y_{сл.}|$, относятся к случаям замен целых морфем, а не к случаям чередования фонем в пределах морфем. Именно заменой разных морфем объясняются орфографические трудности и ошибки в правописании глагольных окончаний типа *видят* („видют“), *борются* („бoryтcя“), а также окончаний прилагательных типа *новою/новую* и т. п.

В описанных фонемных рядах стоящей вне пересечения фонемных рядов оказывается еще фонема $|ы|$ в тех случаях, когда с ней чередуется фонема $|и|$, попадая в положение после твердых согласных (парных по мягкости-

твердости). Здесь чередование осуществляется независимо от ударения и в целом не в плане парадигматики¹, а в плане синтагматики², ибо оно является результатом сочетаемости свойств фонем |и| и |ы|. Позиция у |и| и у |ы| по отношению к ударению может быть одинаково сильной и одинаково слабой. Позиция же согласного перед |и| и |ы| является симметрично слабой по признаку мягкости-твердости³.

Выявление системно связанных, позиционно чередующихся пар фонем важно для орфографии потому, что написание определенной буквы в морфеме (например, в словоформе *водá* буквы *о*) не независимо от произношения, а очень строго им определяется. Теоретически здесь могут быть употреблены буквы *о* и *а*, но не может быть написана, например, буква *у*. Эта строгость определяется противопоставлениями фонем.

В словоформе *воды* выбора букв для обозначения |ó| нет: фонема |о| может быть обозначена только буквой *о*. Ударная позиция после твердых согласных — сильная для гласных позиция: в этой позиции могут быть употреблены все гласные фонемы, возможные после твердых согласных. В ударной позиции после твердых согласных фонеме |о| противопоставлены фонемы |а|, |у|, |ы|, |э|; поэтому ни одна из букв, адекватных перечисленным фонемам (включая |а|), не может быть употреблена для обозначения фонемы |о|. Написание буквы *а* для обозначения фонемы |о| в словоформе *воды* непригодно в такой же степени, как непригодно употребление букв *ы*, *у*, *э* (ср. „*вады*“, „*вуды*“, „*виды*“, „*вэды*“). Если же неадекватнофонемная буква все-таки употреблена (подобных случаев неадекватнофонемного употребления букв для ударных позиций много в английском письме), то написание становится иероглифическим.

В словоформе *водá* в первом слоге фонема |а|. Возможность обозначения фонемы |а| буквой *а* сомнению не

¹ П а р а д и г м а т и к а (от греч. *paradeigma* — пример, образец) — рассмотрение элементов речи как совокупности структурных единиц, объединяемых в памяти и связанных отношениями противопоставления.

² С и н т а г м а т и к а (от греч. *syntagma* — нечто соединенное) — рассмотрение элементов речи в их линейном соотношении.

³ См.: Л. Л. Буланин. Фonetика..., с. 73—74.

подлежит. Однако фонема [a] в безударном положении может быть обозначена и буквой *o*¹. Фонема [o] в соответствии с русскими произносительными привычками не употребляется в безударном положении (в русских словах), иначе говоря, противопоставление фонем [o] и [a] здесь не используется. Различие фонем [o] и [a] по одному из различительных признаков (огубленность) при наличии общих различительных признаков (неверхний подъем, задний ряд) делает возможным обозначение фонемы [a] буквой *o*.

Обозначение безударного [a] буквой *o*, а не *a* создает графическую экономию: морфема с позиционно чередующимися фонемами [ó] || [a] представлена в русском письме в одном графическом варианте (*вóды*—*водá*, а не *вóды*—*„вада“*), что обеспечивает возможность более быстрого отождествления однозначных морфем (а в конечном итоге и слов) при чтении и письме.

Такой способ обозначения фонем, находящихся в слабых позициях, называется морфологическим. Его строгое определение принимает следующий вид. Морфологический принцип—это такой принцип обозначения позиционно чередующихся фонем, при котором сохраняется графическое единообразие морфемы; для достижения этой цели фонемы, находящиеся в слабых позициях, обозначаются буквами, которые адекватны фонемам сильных позиций.

Историческое образование морфологического принципа

Морфологические написания как следствие изменения в звуковой системе русского языка

Русское письмо старейшей поры было более фонетическим, чем сейчас. Так, произношение звука [a] на месте буквы *o* в безударном положении, или так называемое аканье—мы пишем *вода*, а произносим [вада],—появилось лишь в XII—XIII вв.

¹ Только благодаря возможности обозначить безударную фонему [a] буквой *o* может быть достигнуто выгодное во многих отношениях графическое единство морфемы (обозначение же ударной фонемы [o], как было показано, может быть только адекватнофонемным).

Иначе, чем сейчас, обстояло дело и с согласными. Наличие особых гласных звуков неполного образования, так называемых глухих или редуцированных, позднее исчезнувших в слабом положении, не позволяло звонким согласным „оглушаться“, а глухим „озвончаться“ под влиянием следующего согласного звука, если между ними оказывался такой гласный. Сейчас мы пишем *лавка*, хотя произносим [лафка]. Глухой [к] уподобил себе по глухости звонкий [в], иначе говоря „оглушил“. Произнося звук [ф], мы сохраняем на письме **в** в силу морфологического принципа нашего современного письма (*лавка*: так как *лавочник*). В древнерусском языке это слово произносили со звуком [в]: [*лавѣка*]. Буквой **ѣ** (ер) обозначался гласный неполного образования, близкий к [о], который и предохранял согласный звук [в] от оглушения под влиянием следующего [к]. Приведем в качестве примера еще слово *кружька* (так его раньше писали). В нем глухой гласный звук [ь], близкий к [э], предохранял от оглушения звонкий [ж]. Теперь же с исчезновением этого гласного звука мы произносим [крушка]: звук [к] уподобил себе по глухости звук [ж], „превратив“ его в [ш].

Исчезновение глухих гласных фонем в слабом положении (XII—XIII вв.), усиление редукции безударных гласных, развитие аканья, изменения мягкости-твёрдости согласных привели к морфологическому правописанию.

Как теоретическая основа нашего правописания морфологический принцип был провозглашен в „Российской грамматике“ М. В. Ломоносова (1755) и окончательно утверждён Российской Академией в выпущенной ею грамматике (1802).

Причины закрепления морфологических написаний

Итак, морфологический принцип сложился исторически: мы продолжаем писать те же буквы, которые когда-то писались по соответствию с произношением, хотя произношение уже изменилось. Именно потому, что мы продолжаем писать те же буквы, которые когда-то писались по соответствию с произношением, современные морфологические написания называют иногда эти мо-ло-

гическими¹, подчеркивая этим названием историческую сторону явления.

На причинах сохранения на письме тех букв, которые писались по произношению раньше, а теперь ему не соответствуют, следует остановиться подробнее, так как подобные написания не простая дань традиции.

Каковы же эти причины?

На этот счет существуют две точки зрения.

Известный защитник письма по произношению Р. Брандт (а его взгляды в этом отношении типичны) говорил и писал о том, что в морфологическом письме „усматривают то преимущество, что оно нам указывает на связь между родственными словами. Однако такие указания—дело совершенно бесполезное. Обыкновенно при этом . . . взламывают отпертую дверь: указывают на такую связь, которая и без того всякому ясна. Какая надобность подчеркивать родство слов *лавка* и *лавочник*, ставя в обоих букву *в*? Ведь и самый безграмотный лавочник, способный написать слово *лавка* через *ѳ* или *ѳ*, отлично сознает тесную связь, существующую между ним и его *лавкой*“².

Уже в приведенном отрывке из лекции Р. Брандта можно усмотреть указание на другие реально существующие основания для того, чтобы признать морфологическое письмо целесообразным. Р. Брандт говорит, что морфологическое написание указывает на „такую связь, которая и без того всякому ясна“ (разрядка наша.—В. И.). Р. Брандт совершенно прав. Ясная каждому связь между словами *лавка*—*лавок*—*лавочник*; *сказка*—*сказочка*; *дом*—*домовой* и т. п. подавляет в нашем сознании различия в произношении корневой морфемы: она остается в сознании, как морфема „лавк“, „сказ“, „дом“, хотя отдельные звуки в ней могут замениться другими.

Морфологический тип написаний, таким образом, существует прежде всего как следствие осознания

¹ *Этимология*—1. Отдел языкознания, изучающий происхождение и первоначальное значение слов. 2. Само происхождение того или иного слова. От греч. *etymon*—истина, основное значение слова и *logos*—учение, понятие.

² Р. Ф. Брандт. О лженаучности нашего правописания (публичная лекция). „Филологические записки“, вып. 1—2, 1901, с. 9.

„родственности“ определенных корней, приставок, суффиксов, окончаний. Это и есть вторая точка зрения на причины морфологического правописания. Мы пишем слова в зависимости от понимания их состава. Изменения звукового (фонемного) состава морфем, вызываемые различными позициями составляющих ее звуков (фонем), не разрушают единства морфемы, а именно ее значения и осознанности этого значения носителем языка. Морфема остается в его сознании определенной смысловой единицей, отсюда — стихийное, неосознанное стремление не изменять ее написания.

В тех случаях, когда под влиянием определенных фонетических условий заменяется тот или иной звук морфемы, при письме всегда борются две тенденции: одна — обозначить именно этот звук (как он произносится): *лавочник*, но *лафка*; другая тенденция — не разрушать графического единства чувствуемой как „одно и то же“ морфемы „лавк“. При победе первой тенденции складывается фонетическое правописание, при победе второй — морфологическое.

Сложившееся стихийно морфологическое письмо в дальнейшем сознательно поддерживается с практической целью, а именно для желательного единообразия в написании родственных слов и их частей и морфологических форм. Русская орфография, таким образом, осуществляет „связь писанно-зрительных представлений не только с представлениями произносительно-слуховыми, но также с представлениями морфологическими и семиологическими“¹.

Важным и интересным для доказательства влияния морфологических ассоциаций на письмо является тот факт, что буквы не по звучанию, а по морфологическим ассоциациям пишутся только тогда, когда пишущим осознается этимологический состав слова. Именно потому, что сейчас мы не осознаем расчлененности на морфемы таких слов, как *где*, *здесь*, *везде*, *если*, мы пишем их фонетически, а не „где“, „здесь“, „везде“, „если“, как следовало бы их писать, если бы наше современное языковое сознание выделяло составляющие их части.

¹ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912, с. 41.

Влияние морфологических написаний на графику (история написаний гласных после шипящих и *ц*)

Морфологическое правописание, основанное на единообразном графическом закреплении выделяемых нашим языковым сознанием значимых частей слова, „побеждает“ слабые стороны звуко-буквенных соотношений в русской графической системе. Слабым звеном этой системы является, в частности, обозначение на письме гласных после шипящих и *ц*, поскольку оно не регулируется слоговым принципом русской графики.

Если возможность употребления букв *а* и *я*, *у* и *ю* после шипящих и *ц* легко разрешается на основе звукового значения как этих гласных букв, так и на основе звукового значения шипящих и *ц* (т. е. в пределах графики), то выбор букв *е* или *о*, *и* или *ы* после шипящих и *ц* осуществляется уже в рамках орфографии, на основе ее морфологического принципа.

Написание е/о после шипящих

Как уже говорилось, возможность написания *е* или *о* после шипящих (а также и после *ц*) появилась в связи с законом перехода [э] в [о] после мягких согласных под ударением (в том числе и после когда-то мягких [ж], [ш] и [ц]). Этимологическое [э], перешедшее под ударением в [о], после шипящих и [ц], ввиду их непарности по мягкости-твердости, могло быть и обозначено (по выговору) буквой *о*. Существующее сейчас распределение в написании *е* и *о* после шипящих, а также после *ц* сложилось в основном стихийно на основе подравнивания написания одной морфемы к другой: морфемы с шипящими и *ц* „равнялись“ на морфемы с нешипящими.

Победило написание *о* в следующих случаях:

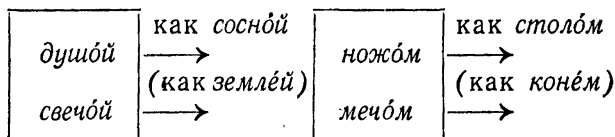
1. В окончаниях прилагательных: *чужой*, *большой*, *меньшой* (устар.), *старшой* (просторечн.), так как русским прилагательным под ударением было присуще окончание с *о*—*-ой*, например: *скупой*, *слепой*, *снеговой*, *звуковой* и т. д. Таким образом, прилагательные с основой на шипящие легко влились в общий „отряд“ полных прилагательных. Само собой разумеется, что прилагательные *чужой*, *большой* и др. сохраняют *о*

после шипящих и в косвенных падежах ед. ч.: *чужб́о, чужб́ому, о чужб́ом; больш́о, больш́ому, о больш́ом* и т. п.

2. В суффиксе наречий: *свеж́о, хорош́о, горяч́о, общ́о*, так как основная масса русских наречий, имеющих суффиксы *-е/-о*, — это наречия на *-о*. Особенно важна здесь ориентация на наречия с ударным суффиксом *-о*: *смешн́о, грешн́о* и т. д.

3. В окончаниях существительных: а) в окончании им. пад. ед. ч. *плеч́о* (как *сел́о*). Сюда же *харч́о*. Собственно русских существительных среднего рода с ударным окончанием [э] сейчас нет; б) в окончании тв. пад. ед. ч. существительных женского и мужского рода: *душ́ой, свеч́ой, нож́ом, меч́ом* и т. д.

Между окончаниями существительных с основами на шипящие и окончаниями существительных с основами не на шипящие возникли более сложные соотношения, чем это имело место в категории имен прилагательных и наречий. Графическое подравнивание в окончаниях существительных с основами на шипящие могло идти по двум графическим образцам, а именно по образцу с буквой *е* в окончании (буква *ѣ* уже со времени своего „рождения“ была малоупотребительна, ее поэтому не учитываем) и с буквой *о* в окончании:

В ударных окончаниях имен существительных произносится только звук [о]. В формах *земл́ей, кон́ем* в окончании произносится тоже звук [’о], однако написанию буквы *о* для обозначения произносимого [’о] в формах *земл́ей, кон́ем* препятствует слоговой принцип графики. В [’о] здесь перешло этимологическое [э] по закону перехода [э] в [о]: ср. *во́лей*, но *земл́ей; оле́нем*, но *кон́ем*. Такие же соотношения наблюдаем и у формы с шипящими: *ча́шей*, но *душ́ой; ча́щей*, но *пращ́ой; пла́чем*, но *меч́ом; стб́рожем*, но *нож́ом*. Различие только в том, что произносимое после шипящих [о] можно и обозначить

соответствующей буквой. Закреплению окончаний *-ой*, *-ом* после шипящих, несомненно, способствовал менее ограниченный слоговым принципом графики первый графический образец окончаний существительных (*сосной*, *столб*). Таким образом, и здесь сыграло свою роль морфологическое подравнивание.

Я. К. Грот в своем исследовании „Спорные вопросы...“, говоря о вышеперечисленных случаях как о таких, когда после *ж, ш, ч, щ* было „удобно писать *о*“, так как в подобных формах эта буква „свойственна и при других согласных“, отмечал тем не менее, что в окончаниях имен существительных муж. р. (*мечом, ножом*) написание буквы *о* „еще малоупотребительно“¹. В 5-м издании и последующих практического руководства „Русское правописание“ это вылилось у него в следующую формулировку: „Позволительно также писать *о* в творит. падеже ед. ч. сущ. имен: *ножом, палашом, плечом, душою, свечою*“².

В первом издании „Русского правописания“ Я. К. Грот безоговорочно писал, что „установилось оно (написание буквы *о*.—В. И.) в окончаниях... *душой, свечой*“³, но зато для слов мужского рода было указано: „пишут: *мечем, палашем*...“⁴. Однако распространявшееся и на формы мужского рода стихийное морфологическое подравнивание, к которому он относился явно одобрительно, и вызвало соответствующее изменение в рекомендациях Я. К. Грота, так как рекомендации вытекали у него обычно из живой практики письма.

4. В уменьшительном суффиксе имен существительных *-ок*. Морфологическое подравнивание сказалось и на закреплении *о* в суффиксе *-ок*: *ярлычок, флажок, петушок, ремешок* и т. п.

Существительные *горшок, сверчок, мешок* (именно с написанием *о*) отмечены, в частности, у Ломоносова, хотя он и замечает, что они „умалительных силу потеряли“⁵.

¹ Я. К. Грот. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне, изд. 2. СПб., 1876, с. 303.

² Я. К. Грот. Русское правописание, изд. 5. СПб., 1886, с. 42.

³ Я. К. Грот. Русское правописание, изд. 1. СПб., 1885, с. 39.

⁴ Там же.

⁵ М. В. Ломоносов. Российская грамматика, § 184. По указ. изд., с. 460.

На написание буквы **о** после шипящих здесь влиял суффикс **-ок**, закономерно употребляющийся с **о** после твердых согласных: *листо́к, голу́бок, носо́к* и т. п.

После мягких согласных уменьшительный суффикс с ударным гласным [’о] имеет графический вид **-ек** (мы пишем *стебелёк*), но употребление буквы **е** на месте звучащего [’о] здесь так же, как и в окончании *землей*, непреодолимо ограничено слоговым принципом русской графики. Поэтому после всегда непарных по мягкости-твердости шипящих, где нет вынужденной необходимости равняться на ограниченный слоговым принципом русской графики суффикс **-ёк** (где **е** обозначает [’о]), безусловно, целесообразно написание **-ók**.

5. В уничижительно-уменьшительном суффиксе имен существительных **-óнок** и **-онк(а)**: *волчонок, мышонок, моржонок; речонка, одежонка, душонка* и т. п.

Закреплению такого написания, по-видимому, способствовало написание слов типа *колонка, запонка, перепонка, картонка* и под., с конечной частью **-óнк(а)**, хотя в этих словах и нет суффикса **-онк**. С уменьшительно-ласкательным и пренебрежительным суффиксом в русском языке чаще употребляются существительные с мягкой основой (*лошадь*—*лошаденка, олень*—*оленок*, хотя ср. *сова*—*совенок, лев*—*львенок*). Хотя суффикс **-енк** в положении не после шипящих является единственным графическим вариантом, влияние его на соответствующий суффикс после шипящих при наличии другого конкурирующего влияния, по-видимому, было слабым.

6. В суффиксе имен прилагательных **-ов-**: *ежовый, еришовый, лещовый*.

Закреплению суффикса **-ов-**, а не **-ев-** способствовало то, что в именах прилагательных графически более сильным является суффикс **-ов-**: *ольхо́вый, чепухо́вый, пухо́вый, бодро́вый* и т. п. (он сохраняется и в безударном варианте: *горо́ховый, оре́ховый* и т. п.). Вариант суффикса **-ов-**—суффикс **-ев-** является графически вынужденным, поскольку он употребляется после мягких согласных: *рубле́вый, непуте́вый* и т. п. (в безударном положении: *тёле́вый, ма́рле́вый*). Кроме того, прилагательных с суффиксом **-ев-** значительно меньше в русском языке, чем прилагательных с суффиксом **-ов-**.

Написания с *е* на месте произносимого [о] удерживались после шипящих в тех случаях, когда в тех же морфемах после мягких согласных на месте произносимого [о]¹, по требованию слогового принципа русской графики, неизбежно и обязательно писалось *е*.

Это было в следующих случаях:

1. В суффиксе страдательных причастий прошедшего времени (написание сохраняется и при переходе причастий в прилагательные): *облегченный, обреченный, печеный, копченый, ученый, сушеный, сокращенный, смущенный, мощный* и т. п.

Суффикс страдательных причастий имеет два варианта: либо *-енн-* (*-ен-*), либо *-нн-* (*-н-*) (после *а/я*: *-анн-* (*-ан-*), *-янн-* (*-ян-*): *застреленный, пудренный; избранный, мазанный, расстрелянный, стреляный*).

При переходе [э] в [о] наряду с [енн] и [ен] в устной речи появился звуковой вариант [онн] и [он], однако из-за слогового принципа русской графики он мог получить выражение на письме (если глагольная основа заканчивалась не на шипящий) только в виде варианта *-енн*: *воспаленный, врожденный, плетеный* и т. д.

После шипящих звуковой вариант [онн] мог получить выражение на письме, так как графика это допускает: „заключонный“, „лишонный“, „копчоный“, „мочоный“, „учоный“. Однако влияние единственного графического варианта *-енн-* (*-ен-*), употребляющегося после других согласных, оказывалось очень сильным, и практически возможное написание причастного суффикса в виде графического варианта *-онн-* (*-он-*) после шипящих не привилось.

Кроме того, устойчивости написания *-енн-* (*-ен-*) после шипящих способствовало и то, что причастный суффикс *-енн-* (*-ен-*) после глагольных основ на шипящие бывает и с безударным гласным: *растревобженный, предназначенный, сморщенный, перченый, кошенный* и т. д.

Влияние зрительного комплекса *-енн-* (*-ен-*) настолько велико, что почти полностью подавляет осознанность звучащего комплекса [онн]. Ср. *виденный* и *рожденный, пареный* и *вареный*. Сохранению осознанности комплекса *-енн-* (*-ен-*) как суффикса причастных форм

¹ Знаком [о] обозначается звук [о] и после мягких согласных. Знак [о], таким образом, заменяет здесь и далее знак [’о].

способствуют также колебания ударения в причастных формах и вызываемая этим неустойчивость звукового комплекса [онн]: *раздроблённый* — *раздробленный*, *унижённый* — *униженный*, *заворожённый* — *заворóженный*, *заснежённый* — *заснёженный*, *приглушённый* — *приглушенный* и т. п.

2. В глагольном окончании I спряжения: *течешь, течет, течете; бережешь, бережет, бережете* и т. д.

Русские глаголы имеют две разновидности спряжения. Первую — с личными окончаниями *-у (-ю), -ешь, -ет, -ем, -ете, -ут (-ют)*. Это глаголы I спряжения, например: *сохну, сохнешь, сохнет, сохнем, сохнете, сохнут*. И вторую — с личными окончаниями *-у (-ю), -ишь, -ит, -им, -ите, -ат (-ят)*. Это глаголы II спряжения, например: *сижусь, сядишь, сидит, сидим, сидите, сидят*. При переходе [э] в [о] в устной речи появились звуковые варианты [ош], [от], [ом], [от'э] у личных окончаний глаголов I спряжения: *бе[р'ош], бе[р'от], бе[р'ом], бе[р'от'э]*, однако из-за слогового принципа русской графики на письме это [о] могло быть выражено буквой *ё*, а не *о*: *берёшь, берёт, берём, берёте*, на практике же это обычно даже не *ё*, а *е*: *берешь, берет, берем, берете* и т. п.

После шипящих звуковой вариант с [о] мог получить выражение на письме „печошь“, „печот“, „печом“, „лжот“, „лжом“, „лжоте“, однако не получил его. Этому способствовали те же причины, какие помогали закреплению после шипящих графически единообразного причастного суффикса *-енн- (-ен-)*, а именно: влияние глагольного окончания с буквой *е* (даже при произношении [о]) после других согласных (*течет, лжет* и т. д., как *берет, везет* и т. д.), влияние окончания с *е* после шипящих же, когда окончание безударно (*печёт, лжет* и т. д., как *выпечет, пишет* и т. д.), осознанность окончаний с *е* как типовых для глаголов I спряжения, противопоставленных окончаниям с *и* глаголов II спряжения.

Личные глагольные окончания и суффикс страдательных причастий прошедшего времени часты в употреблении, и, конечно, если „в бесчисленном множестве случаев этот обычай (писать *е* на месте произносимого [о]. — *В. И.*) не мешает правильному произношению, то естест-

венно, что и после шипящих нет необходимости всякий раз означать на письме выговор, изменяющий *е* в *ё*¹.

3. В формах прошедшего времени глаголов: *шел, жег, ожег, поджег*.

Мы пишем их так же, как глаголы *вел, брел, мел, нес*. Здесь, как после шипящих, так и после нешипящих, на месте графического *е* (употребляемого обычно вместо *ё*) произносится [о] и именно благодаря морфологическому влиянию форм типа *вел* (где написание *о* невозможно благодаря слоговому принципу русской графики) не закрепилось написание *о* и в глаголах с шипящими.

4. Закрепилось написание *е* в суффиксе *-ер-*, выделяемом в некоторых интернациональных словах, являющихся названиями лиц по роду деятельности: *дирижер, ретушер, коммивояжер, стажер* и т. п. Написание *-ер-* поддерживается аналогичными названиями, в которых этот суффикс следует не после шипящих: *режиссер, гравер, боксер, суфлер* и т. п.

5. Удерживалось написание *е* на месте произносимого ударенного [о] в корнях слов, если при образовании других слов с этими корнями или при изменении форм слова в этих корнях после шипящих звучал либо ударенный гласный [э], либо безударный гласный, с которым чередовался ударный гласный либо [э], либо [о].

Примеры изменения форм слова.

Существительное *щека*.

Ед. ч.: им. п. *щекá*, род. п. *щекí*, дат. п. *щекé*, вин. п. *щёку* [ш'чóку], тв. п. *щекóй*, пр. п. *о щекé*;

мн. ч.: им. п. *щёки*, [ш'чóк'и], род. п. *щёк* [ш'чок], дат. п. *щекáм*, вин. п. *щёки* [ш'чóк'и], тв. п. *щёками* [ш'чóк'ьми], пр. п. *о щёках* [ш'чóк'ьх].

Местоимение *что*.

Им. п. *что*, род. п. *чегó*, дат. п. *чемú*, вин. п. *что*, тв. п. *чем*, пр. п. *о чём* [чóм].

Примеры однокоренных слов с чередующимися гласными: *жёнский — жёнушка, чёртит — чёрточка, шёрсть — подшёрсток, щель — щёлка* и т. п. Сюда же

¹ Я. К. Грот. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне, изд. 2. СПб., 1876, с. 302.

примыкают и такие однокоренные слова с ударным корневым [о], в которых чередуются безударные гласные [и] и [ы]: *тяжестъ—тяжёлый, желтизна—жёлтый, решётó—решётка, щекá—пощёчина* и т. п.

Там, где указанное чередование не наблюдалось, стихийно закрепилось написание *о*: *жом, чох, шок, шов, чопорный* и в нек. др. подобных же словах. Эти слова не с чем сравнивать, написание *е* ничем зрительно не поддерживалось. Поэтому *е* здесь только мешало, слова *жом, чох* и т. п. как бы подравниваются к словам *гол, дог, дож, кок* и под.

Несмотря на имеющееся чередование, закрепилось написание *ѳ* также в существительном *поджо́г* (ср. *поджечь*) „как бы для отличия от глагольной формы *поджег*“¹.

В некоторых корнях с чередующимися гласными написание *е* было неустойчиво, что и отмечалось в орфографических словарях вплоть до унификации 1956 г., например: *желудь* и *жолудь, желоб* и *жолоб, чеботы* и *чоботы* и т. п.

Я. К. Грот, изучив употребление *е* и *о* после шипящих, уловил определенные закономерности в этом употреблении и описал их в своей книге „Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне“. Его рекомендации, данные в вышедшем позднее руководстве „Русское правописание“, нельзя даже назвать правилами в собственном смысле этого слова: он сообщает о принятом обычае писать так или иначе.

В 1956 г., когда был опубликован впервые созданный в истории русского правописания полный свод правил, исторически сложившиеся написание *е* и *о* после шипящих (с небольшой унификацией колеблющихся случаев) были приняты как обязательные. Это были уже именно правила (см. „Правила русской орфографии и пунктуации“. М., 1956, § 4).

Написание *е* и *о* после шипящих внешне распределились по двум линиям: в именных суффиксах и окончаниях обычным является написание *ѳ*: *рожок, медвежонок, книжонка, ежовый, смешон, свежо, княжон, плечо, ножом, чужой*; в глагольных суффиксах и окончаниях

¹ Я. К. Грот. Спорные вопросы..., с. 298.

обычным является написание *е*: *напряженный, напряженность, ученый, ученость, катушевывать*.

Выпадает из этой системы противоположения именных и глагольных морфем именной суффикс *-ер* (*дирижер* и под.). Однако этот суффикс связан с глагольным словообразованием: слова с суффиксом *-ер* соотносительны с глаголами на *-ировать*: *дирижер—дирижировать, ретушер—ретушировать* и т. д.

Некоторые сдвиги в этой системе и заметные трудности при письме создаются тогда, когда эти линии перекрещиваются. Так, слово *тушенка* внешне похоже на словообразовательный тип *книжонка*, а по сути оно соотносительно с причастием *тушеный*. Созвучные *ножовка* и *ночевка* соотносительны: первое слово—с именным типом (*ножовый*), и в нем пишется после шипящей *о*, а второе—с глагольным (*ночевать*), и в нем после шипящей пишется *е*,

Написание *е/о* после *ц*

После *ц* в русском языке никогда не следуют ни личные глагольные окончания системы I спряжения, ни причастный суффикс *-енн-* (*-ен-*), т. е. никогда не следуют такие продуктивные морфемы, которые, употребляясь после других согласных, имеют в своем составе *е*. Таким образом, после *ц* при передаче на письме ударного [о], этимологически восходящего к [э], не было необходимости сохранить графическое *е*, что существует прежде всего при написании глагольных окончаний I спряжения и суффикса страдательных причастий прошедшего времени.

Глагольные формы с наличием *ц* в основе ограничиваются лишь словами типа *танцевать, гарцевать, вальцевать* и под. (к тому же малочисленными). Личные глагольные формы их оканчиваются на *-цую, -цуешь*, а страдательные причастия прошедшего времени от этих глаголов не образуются.

При передаче на письме [о], этимологически восходящего к [э], после *ц* наблюдалась та же морфологическая тенденция, какую мы наблюдали при складывающемся обычае писать *е/о* после шипящих.

После *ц* закреплялось написание *о* при произнесении [о] в ударных окончаниях имен существительных,

ибо для имен существительных окончания с *о* являются сильной графической моделью: *лицо́*, как *се́ло*, *просо́* (форма *лицо́*—наряду с *лице́*—указывается уже в „Российской грамматике“ Ломоносова¹); *кольцо́м*, как *се́лом*, *просом*; *огурцо́в*, как *зубо́в*, *орехо́в*, но безударные окончания пишутся с *е*: *полоте́нце*, как *по́ле*, *полоте́нцем*, как *по́лем*; *па́льцев*, как *злоде́в*.

Закрепилось написание *о* после *ц* в суффиксе *-овск-*: *отцо́вский*, *праотцо́вский*, *спецо́вский* и под., так как именно вариант с *о* является графически сильным: после других твердых согласных он употребляется как под ударением: *бесо́вский*, *черто́вский*, *старико́вский*, так и без ударения: *дедо́вский*, *ма́ртовский*, *рабо́ровский*. Вариант *-ёвск-*, встречающийся в единичных случаях после мягких согласных (*кремлёвский*), является графически вынужденным.

Окончания с графическим *о*, передающим звук [о], после *ц* многочисленны (*кольцо*, *яйцо*, *крыльцо* и т. д.), так как многочисленны именные основы на *ц*. Поэтому после *ц* легче, чем после шипящих, установить единое графическое *о* для обозначения ударенного [о] и в малочисленных суффиксальных морфемах слов типа *вальцо́вка*, *танцо́р*, и в корневой морфеме с [о]: *цо́кот*.

Действующее сейчас правило о написании *е/о* после *ц* изложено в § 6 „Правил...“.

*Написание и и ы после всегда
твердых шипящих (ж, ш) и ц*

Написания *жи*, *ши*, *ци* в историческом плане традиционны. Сейчас они нефонетичны. Когда звуки [ж], [ш], [ц] были мягкими, эти написания были фонетическими: тогда на месте буквы *и* произносился звук [и]. Сейчас произносится звук [ы], а пишется буква *и*. Однако в этом ряду традиционных написаний появилось и фонетическое написание *цы*.

Почему же до сих пор полностью сохраняется традиция в написании сочетаний *жи*, *ши* и не полностью для *ци*, ведь написание *ы* sporadически „пробивалось“ и после *ж*, *ш* (в истории русской письменности были

¹ См.: М. В. Ломоносов. Российская грамматика. По указ. изд., § 154, с. 448.

зафиксированы такие написания, как „слышым“, „держы“ и под.)?)

Сохранность написаний *жи*, *ши* поддерживается морфологическими и фонетическими аналогиями. Главным образом это объясняется тем, что *жи*, *ши* находятся в таких рядах морфологических соотношений, которые в истории развития и закрепления письменной формы русского языка способствовали тому, что после шипящих сохранялось написание именно *и*. Кроме того, нефонетические написания *жи*, *ши* поддерживались и поддерживаются фонетическими написаниями *чи*, *щи*, встречающимися в тех же морфологических рядах. Буквосочетание же *ци* попало в иные ряды морфологических соотношений.

Есть и чисто фонетические причины, способствующие сохранению написаний *жи*, *ши*, а именно: буквосочетание *жи* иногда соответствует произношению. Это бывает в тех случаях, когда буквы *ж* предшествуют буквы *з* или *ж* и на месте буквосочетаний *зж*, *жж* произносится мягкий долгий звук [ж'ж'], например в словах *визжит*, *дрожжи* и т. п. В этом случае на месте орфографического *и* после *ж* произносится звук [и].

Морфологические соотношения для *жи*, *ши* следующие.

После *ж*, *ш* по их положению в слове часто следует окончание 3-го л. ед. ч. глаголов II спряжения: *спешит*, *бежит*, *лежит*, *визжит*, *брюзжит*, *держит* и т. п.

В соответствии с произношением после *ж* и *ш* можно писать *ы*, однако написание *и* поддерживается морфологической аналогией с продуктивным фонетическим окончанием *-ит*, когда оно следует не после шипящих: *сидит*, *видит*, *дымит*, *делит*, *ценит*, *болит* и т. д., а также и после шипящих, но мягких: *ворчит*, *пищит* и т. п.

Поддерживается после шипящих написание окончания в виде *-ит*, а не *-ыт* и произношением. В глаголах типа *визжит*, *брюзжит* на месте орфографического *зж* даже еще по современным (хотя уже и устаревшим) нормам произношения может произноситься мягкий долгий звук [ж'ж'], и тогда, естественно, после него звучит [и], а не [ы].

После шипящих *ж*, *ш* в соответствии с их положением в слове, так же как и после других согласных

(в том числе и после шипящих *ч, ц*), может следовать конечное *и* форм повелительного наклонения. Ср. фонетические написания *неси, вези, не броди, скачи, не пищи*, с одной стороны, и пишущиеся по аналогии: *лежи, пиши, держи, не визжи, не брюзжи* и т. п. — с другой. Написание *и* в формах *неси, вези* и т. д., соответствующее произношению, морфологически влияет на написание *и* после *ж, ш*, способствуя сохранению буквосочетаний *жи, ши*. Кроме того, написание конечного *и* после шипящих поддерживается еще сохраняющимся произношением долгого мягкого [ж'ж'] в формах: *не визжи, не брюзжи* и под.

Такое же влияние наблюдаем и в неопределенной форме глагола, когда после твердых шипящих *ж, ш* следует так же, как и после других согласных (в том числе и после мягких шипящих *ч, ц*), конечное *и* глагольных основ. Ср. *шутить, просить, дарить, кормить, кончить, обобщить*, с одной стороны, и *тревожить, освежить, предложить, смешить, тормозить, совершить* — с другой.

Таким образом, возможность написания *-ы* после шипящих не поддерживается морфологическими аналогиями.

Звучком же [ц], в отличие от шипящих, не заканчиваются глагольные основы, поэтому после *ц* не встречаются ни глагольная морфема *-ит* (окончание 3-го л. ед. ч.), ни глагольная морфема *-и* (показатель повелительного наклонения), ни морфема *-и* как показатель глагольного класса.

Имена существительные с основами на шипящие распределены по типам склонения так, что тоже находятся под влиянием морфологических аналогий.

Так, имена существительные женского рода с конечными твердыми шипящими типа *упряжь, брошь* склоняются так же, как имена существительные типа *лань*, и так же, как *ночь* и *вещь*.

Им. п.	<i>лань,</i>	<i>ночь,</i>	<i>вещь,</i>	<i>упряжь,</i>	<i>фальшь</i>
Род. п.	<i>лани,</i>	<i>ночи,</i>	<i>вещи,</i>	<i>упряжи,</i>	<i>фальши</i>
Дат. п.	<i>лани,</i>	<i>ночи,</i>	<i>вещи,</i>	<i>упряжи,</i>	<i>фальши</i>
Вин. п.	<i>лань,</i>	<i>ночь,</i>	<i>вещь,</i>	<i>упряжь,</i>	<i>фальшь</i>
Тв. п.	<i>ланию,</i>	<i>ночью,</i>	<i>вещью,</i>	<i>упряжью,</i>	<i>фальшью</i>
Пр. п.	<i>о лани,</i>	<i>о ночи,</i>	<i>о вещи,</i>	<i>об упряжи,</i>	<i>о фальши</i>

В род., дат. и пр. падежах ед. ч. имена существительные этого типа склонения имеют окончание *-и*. После

твердых шипящих это *и*, являясь лишь орфографическим, легко удерживалось, так как окончание существительных на твердые шипящие обычно безударно (за исключением окончаний в словах: *во ржи, во лжи, в глуши*) и поддерживается окончанием *-и* после мягких шипящих. Кроме того, сохранению *-и* в этом типе склонения способствовало и то, что слов женского рода с конечными твердыми шипящими мало и большинство из них имеет такое значение, что обычно не образует множественного числа с ударенным окончанием.

Существительные мужского рода с конечными твердыми шипящими типа *пляж, ландыш* имеют в род. п. мн. ч. такое же окончание (*пляжей, ландышей*), какое имеют существительные мягкой разновидности склонения (*конь—кони—коней, ключ—ключи—ключей, плащ—плащи—плащей*), а не твердой (*стол—столы—столов*). Это поддерживает сохранность написания *и* после *ж, ш* в окончаниях им. п. мн. ч. Если при род. п. мн. ч. *коней*—им. п. мн. ч. *кони*, следовательно, при род. п. мн. ч. *пляжей*—им. п. мн. ч. *пляжи*, при род. п. мн. ч. *ландышей*—им. п. мн. ч. *ландыши*. Таковы же морфологические соотношения и при склонении типа *юноша* (при род. п. мн. ч. *юношей*—им. п. мн. ч. *юноши*).

Существительные женского рода, имеющие основы на твердые шипящие и окончание *-а* в им. п. ед. ч., типа *кожа, ноша* склоняются так же, как *игла, туча, роца: кожи, ноши, иглы, тучи, роци*. Но слов на *-жа* вообще мало, и среди них слова с ударным окончанием единичны. Немного и слов на *-ша*. Большая часть из них—имена существительные женского рода типа *секретарша, библиотечка* (позднейшего образования и часто просторечного употребления). Поэтому, видимо, и не произошло выделения существительных женского рода с основой на *ж, ш* в особый графический тип склонения: „кожа—кожи“, „ноша—ноши“.

Появлению буквосочетания *цы*, кроме твердости звука [ц], способствовало полное отсутствие для буквосочетания *ци* морфологических ассоциаций с глагольными окончаниями [так как нет глагольных форм на *-цит* (ср. *бежит*), *-ци* (ср. *лежи*)], а также наличие морфологических ассоциаций с именами существительными, изменяющимися по типу *стол—столы—столов*. Ср. *отец—отцы—отцов*. Сохранение появившегося в окончаниях

написания **цы** хорошо поддерживалось тем, что конечное **ы** в именах существительных на **-цы** очень часто ударно: *гребцы́, зубцы́, певцы́, ловцы́*, а слова мужского рода, оканчивающиеся во множественном числе на **-цы**, очень многочисленны. Отсюда буквосочетание **цы** распространилось и на окончания многочисленных слов женского рода типа *овца*: *овца́—овцы́—овцы́*.

Устойчиво сохраняется буквосочетание **ци** в тех морфемах, которые ассоциируются с аналогичными морфемами, имеющими **и** после других согласных. Так, устойчиво сохраняется **и** после **ц** в именах существительных женского рода с основой на йот типа *станция, грация, милиция, интонация, рационализация, централизация, ассоциация* и т. д. Причем в словах на **-ция** [ы] всегда безударно. Им соответствуют такие слова, как *армия, сессия, копия, пенсия, экскурсия*, Гласный [и], предшествующий конечному звуку основы (йоту), в словах не на **-ция** может быть и ударным: *анемия* (ане[м'ийа]), *тирания, астенция*. Слов мужского рода типа *панариций, патриций* (ср. *критерий, цикорий* и под.) мало.

Указанная морфологическая соотносительность, естественно, сохраняется и в косвенных падежах: *станций, революций*, так же как *линий, армий, тираний* и т. п.

Немногочисленные слова на **-цина, -жина, -шина**, также на **-цинка, -жинка, -шинка** соотносительны с многочисленными словами с конечной частью **-ина, -инка**, следующей не за твердыми шипящими и **и**. Ср. *медицина, рогожина, вершина; снежинка, горошинка* и *доктрина, плотина, развалина, глубина; толицина, складчина; крупинка, пылинка* и т. д.

Глаголы с исходной частью на **-цировать, -жировать, -шировать** соотносительны с многочисленными глаголами на **-ировать** не после твердых шипящих и **ц**. Ср. *квалифицировать, дирижировать, фаршировать* и п., с одной стороны, и *импровизировать, реформировать, иллюстрировать* и т. д.—с другой.

В корнях слов сейчас пишутся **жи-, ши-, ци-**. Исключение составляют четыре слова: *цыган, цыц, на цыпочках, цыпленок* (и однокоренные). После **ж, ш** буква **и** пишется в русских словах, и именно по традиции (*живой, жизнь, жир; шить, широкий* и т. п.).

После **ц** в корнях слов буква **и** пишется на иных основаниях. Слова с буквосочетанием **ци** в корне—это

обычно слова заимствованные. После **ц** пишется **и** в соответствии с мягким или полумягким произношением тех звуков, которые передаются в русском языке буквой **ц**. Например: *цивилизация* — от латинск. *civilis* — „гражданский“; *цикл* — от греч. *kýklos*, букв. „колесо“, *цитадель* — итал. *citadella* — „городок“, *цитата* — от латинск. *cito* — „призываю в свидетели“. И т. п. Четыре слова-исключения с **цы** — это слова русские (*цыц*, *цыпленок*, *на цыпочках*) и давно обрусевшее слово *цыган*.

После **ж**, **ш**, **ц** графически удобно бы писать всегда либо только **и**, либо только **ы**. Меньшая ломка — писать везде **и**. Но написания с **и** не всегда морфологически целесообразны. Так, слова типа *отцы* стоят в одном ряду со словами типа *столы*. Написание же после **ж**, **ш**, **ц** только **ы** во многих случаях шло бы вразрез с сильными морфологическими аналогиями. Между тем ценность коротких чисто графических правил часто отступает перед удобством морфологического правописания. Такое правописание, как это иллюстрировалось выше, „поднимает“ нас над звуками, позволяет писать поморфемно, не думая все время о шипящих и их особом положении в системе русских звуков и русской графики.

Общие выводы

Итак, было показано влияние морфологических аналогий на судьбу написаний *е/о* и *и/ы* после шипящих и **ц**. Какому же орфографическому принципу отвечают эти написания?

Поскольку выбор написания *е* или *о* после шипящих и **ц** осуществляется для обозначения ударного гласного, то как будто бы морфологический принцип орфографии здесь ни при чем. Морфологическому принципу отвечает обозначение гласных в слабых позициях: *шерстяной* (как *шерсть*), *чернеть* (как *чернь*). Однако, в силу того что целью такого обозначения фонем, которое считается отвечающим морфологическому принципу орфографии, является графическое единообразие морфем, написания типа *желтый* (ср. *желтеть*), *шерстка* (ср. *шерстяной*), *черный* (ср. *чернеть*), *шелк* (ср. *шелка*), *бережет* (ср. *несет*), *напряженный* (ср. *угнетенный*) и т. п. в большей

степени отвечают общей и дее морфологического принципа (эта идея — графическое единообразие морфем), чем написания типа „*желтый*“ (ср. *желтеть*), „*шорстка*“ (ср. *шерстяной*), „*черный*“ (ср. *чернеть*) и т. д. Именно поэтому написания типа *желтый* и т. п. можно считать отвечающими морфологическому принципу.

Написания *жи, ши, ци (цы)*, как было показано, вошли в определенные графико-морфологические структурные типы слов, и поэтому можно утверждать, что рассмотренные орфограммы находятся в общем русле морфологических написаний и в этом смысле примыкают к написаниям, основанным на морфологическом принципе.

Можно, таким образом, подытоживая, сказать, что морфологическому принципу отвечает не только обозначение фонем слабых позиций, но иногда может отвечать и обозначение фонем сильных позиций. Это может быть в тех случаях, когда при обозначении фонем сильных позиций графика предоставляет возможность выбора букв (что бывает, в частности, при обозначении гласных после шипящих и *ц*), а сам выбор осуществляется на основе графического подравнивания морфем с шипящими и *ц* к морфемам тождественного значения с нешипящими согласными.

Нарушения и ограничения морфологического принципа правописания.

1) Написание только двух согласных тогда, когда морфологически должно было бы быть написано три, и одной согласной, когда морфологически должны быть написаны две.

Ср.: *рас + ссориться* и *рас + сердиться* пишутся одинаково с двумя *с*: *рассориться, рассердиться*. Написание двух *с* (а не трех) в слове *рассориться* объясняется тем, что в русском языке есть только две степени долготы согласных: согласные могут быть либо долгими (что на письме передается написанием двух букв, ср. *касса*), либо недолгими (что передается написанием одной буквы, ср. *коса*). Третьей степени долготы согласных

не существует, поэтому написание трех одинаковых согласных („*расссориться*“) фонетически бессмысленно¹.

Долгие согласные, благодаря их графической передаче двумя одинаковыми буквами, называют также двойными. Одинаковые согласные звуки могут передаваться на письме и неодинаковыми буквами (ср. *бешабашный*: [бйшлбашный]).

В отношении передачи на письме трех морфологически необходимых согласных примечательно причастие *возжуженный*. Орфография этого слова колебалась. Словари его давали то морфологически (с *жжж*)², то фонетически (с *жж*). Звук [з] перед последующим [ж] заменяется звуком [ж], для передачи долгого, или, что то же, двойного [жж] достаточно двух букв — *жж* (*ж + ж*).

Кроме того, что две, а не три согласные пишутся на стыке приставки и корня, также две, а не три согласные пишутся на стыке корня и суффикса. Ср.: *ванн(а) + н + ая* и *длин(а) + н + ая* пишутся одинаково с двумя *н*: *ванная* и *длинная*, в то время как слово *ванная* в соответствии с морфологическим принципом правописания следовало бы писать с тремя *н*.

Одна согласная, а не две пишутся в таких словах, как *кристальный* (хотя *кристалл*), *финка*, *финский* (хотя *финн*), *колонка* (хотя *колонна*), *пятитонка* (хотя *тонна*), *оперетка* (хотя *оперетта*).

2) Не отвечают морфологическому принципу такие написания, как *таблицчатый* (ср. *таблица*), *крупитчатый* (ср. *крупница*), *добытчик* (ср. *добыча*) и т. п. Написание буквосочетания *тч* вместо *цч* и *чч* для обозначения [чч] чисто условно (в русских словах не приняты буквосочетания *цч* и *чч*. Но ср. заимствованное *каприччо*).

3) Нарушают морфологический принцип орфографии написания, отвечающие фонетическому принципу. Они рассмотрены особо (см. ниже, раздел „Фонетический принцип“).

¹ Впрочем, на этот вопрос можно посмотреть и иначе: можно увидеть здесь наложение морфем (аппликацию), т. е. считать, что в слове *рассориться* первое *с* одновременно является и конечным согласным приставки и начальным согласным корня. При таком истолковании словообразовательной структуры слова нарушения морфологического принципа можно уже не усматривать.

² Орфографический словарь русского языка. М., 1956.

От написаний, нарушающих морфологический принцип, следует отличать написания, также не сохраняющие единства графического облика морфем, но не сохраняющие это единство абсолютно непреодолимо. Их считают ограничениями морфологического принципа¹.

Выделяют ограничения, связанные с наличием исторических чередований (*бегу—бежишь*), и ограничения, вызываемые слоговым принципом русской графики (ср. *золá*, но *землjá*).

В приведенных образцах морфемы пишутся, действительно, не единообразно (*бег-*, но *беж-*; *-а*, но *-я*), однако ни в первом, ни во втором случае нет орфограмм, и случаи эти—вне компетенции орфографических принципов вообще. В словоформах *бегу—бежишь* позиции для согласных сильные и фонемы могут быть обозначены только адекватными им буквами.

Таким образом, не морфологический принцип ограничен историческими чередованиями, а за счет исторических чередований фонем, которые должны передаваться только адекватнофонемно в исторически обусловленных вариантах морфем, а также за счет вариантов основ ограничено графическое единообразие морфем. Ср. *баран—барашек*; *приемлю—приятъ*; *сухой, сохлый, засушливый* и т. п.

Морфологический принцип никакого отношения к обозначению исторически чередующихся фонем (кроме случаев, когда исторические чередования совпадают с позиционными) не имеет.

ФОНЕТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП

Фонетический принцип орфографии традиционно понимается как такой, при котором следующие друг за другом цепочки звуков в словоформах обозначаются на основе прямой связи: „звук → буква“, без учета каких-либо иных критериев. Коротко этот принцип определяется как девиз „пиши, как слышишь“.

Но очень важным является вопрос, какие же звуки следует обозначать при фонетическом принципе, с какой их детализацией. В практическом письме, каким

¹ Ограничения морфологического принципа выделил А. Н. Гвоздев.

является любое буквенно-звуковое письмо, и при фонетическом принципе правописания могут и должны обозначаться только фонемы.

Фонетический принцип правописания с появлением понятия и термина „фонема“ можно было бы назвать фонемным принципом правописания, но, поскольку последний термин в современной лингвистической литературе (учеными МФШ) используется в другом смысле (см. об этом ниже, с. 225 и след.), удобнее оставить для него прежнее наименование¹.

Фонетический принцип как определенное орфографическое начало провозглашается тогда, когда на письме специально отражаются позиционные чередования фонем (если они имеют место). Фонетический принцип—это такой принцип обозначения фонем, когда фонемы слабых позиций, с которыми чередуются фонемы сильных позиций, обозначаются буквами, адекватными фонемам слабых позиций на основе прямой связи: „фонема → адекватная ей буква“.

Но в сферу фонетического принципа попадает и обозначение некоторых фонем сильных позиций. Это обозначение ударенного гласного [o] после шипящих (как это имеет место и при морфологическом принципе), что связано с „переходом“ [ǝ] в [ó] и особенностью буквенного ряда *e — ё — o*.

Фонетический принцип—антагонист морфологического принципа. Орфограммы, пишущиеся по фонетическому принципу, могут, если это будет сочтено целесообразным, писаться по морфологическому принципу. Именно поэтому орфограммы, пишущиеся по фонетическому принципу, принято считать нарушениями морфологического принципа.

Орфограмм, отвечающих фонетическому принципу, в русском правописании немного. Рассмотрим их.

¹ Фонемографией называл такой способ письма Бодуэн де Куртенэ: „Фонемография обозначает односторонний, исключительно фонетический способ письма, при котором не принимается во внимание распад предложения на синтагмы или синтаксические элементы и слова—на морфемы, т. е. морфологические элементы. Напротив, в морфемографии обращается внимание на психическое родство, т. е. ассоциации по сходству предложения с другими предложениями и слова с другими словами“. В кн.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. II. М., 1963, с. 332.

1. Написание приставок с конечным **з**: **без-**, **воз-**, **вз-**, **из-**, **низ-**, **раз-**, **роз-**, **чрез-** (*через*).

Морфологически эти приставки следовало бы писать всегда с **з**, т. е. следовало бы писать не только *безболезненный*, но и „*безпартийный*“, не только *избежавший*, но и „*изпачканный*“ и т. д. Именно так, не меняя графического вида, мы пишем все остальные приставки: *спел* и *сдал*, *отплатил* и *отблагодарил*, *подсел* и *подбежал* и т. д.

Между тем приставки на **-з** мы пишем, исходя из фонетического принципа: они пишутся то с буквой **з**, то с буквой **с** в зависимости от произношения (см. „Правила...“, § 50). По закону чередований звук [з] перед следующим глухим согласным заменяется на [с], и это звуковое чередование, вопреки морфологическому принципу, отражается на письме. Мы пишем:

<i>избранный,</i>	но <i>исполненный</i>
<i>возбужденный,</i>	но <i>воспаленный</i>
<i>низвергнувший,</i>	но <i>ниспровергший</i>
<i>безбрежный,</i>	но <i>беспощадный</i>
<i>разбитый,</i>	но <i>распаханный</i>
<i>чрезвычайный,</i>	но <i>чересполосный</i>

Нельзя не отметить того, что приставки на **-з** пишутся не полностью фонетически. Так, в словах *безжалостный* и *бесшабашный* на месте конечного орфографического **з** в приставке **без-** звучит [ж], а на месте конечного орфографического **с** в приставке **бес-** звучит [ш]. В этих словах происходит иное по своему характеру чередование—чередование по месту образования.

Таким образом, фонетичность написания приставок на **-з** имеет предел: она ограничивается показом на письме либо звонкости, либо глухости конечного согласного звука приставки перед последующими звонкими (перед которыми пишется **з**) и глухими (перед которыми пишется **с**) согласными. Имеется здесь и одно своеобразное исключение. Слово *безвкусный* пишется с орфографическим вариантом **без-**, хотя на месте орфографического **з** в приставке произносится глухой звук [с]: *бе[с]вкусный* (перед последующим глухим звуком [ф], произносимым на месте буквы **в**). Но поскольку на письме мы видим знак звонкого согласного, а именно букву **в**, а не **ф**, то приставку **без-** пишем с буквой **з**

(т. е. со знаком звонкого согласного) применительно к последующей букве **в** (знаку звонкого согласного), а не к обозначаемому ею глухому звуку [ф]. Здесь реальное звучание отступает в нашем сознании перед силой воздействия буквы.

2. Написание приставки **роз-**.

В написании этой приставки, помимо отражения чередования [з] с [с]—*ро́здал*, но *ро́спись*,— отражается еще и позиционное чередование ударного [о] с безударным [а]. В „Правилах...“ сказано: „...не под ударением всегда пишется приставка **раз-** (**рас-**), например: *раз-дать* (при *ро́здал*), *расписа́ние*, *распи́ска* (при *ро́спись*)“.

Таким образом, приставка **роз-** имеет четыре письменных варианта: **роз-**, **рос-**, **раз-**, **рас-**.

Изъятию безударных вариантов **раз-** (**рас-**), т. е. возможности писать „роздать“ вместо принятого сейчас *разда́ть* (так как есть *ро́здал*), вместо принятого сейчас *распи́ска* писать „рописка“ (так как есть *ро́спись*) и т. д., мешают некоторые случаи ударения на [а]: *ра́звит*, *ра́звито*, *ра́звиты*—от *развито́й*; *ра́звит* (наряду с *разви́т*), *ра́звито* (наряду с *разви́то*), *ра́звиты* (наряду с *разви́ты*)—от *разви́тый*¹.

Но фонетичность написания гласного в приставке **роз-** ограничена. Есть исключение. Слово *розыскно́й* с безударным [а] пишется с **о** (так как *ро́зыск*).

3. Написание **ы** вместо начального **и** (по произношению) в корне после приставок², оканчивающихся на твердый согласный: *безыскусственный*, *изысканный*, *безыдейный*, *предьянольский* и т. п.³.

Эти написания являются фонетическими. После приставок, оканчивающихся на твердый согласный, произносится в соответствии с фонетическими законами русского языка [ы].

¹ См.: „Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник“, под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1959, с. 484.

² **ы** вместо **и** (по произношению) пишется и в приставке **из-**, если она следует после другой приставки: *сызнова*, *сызмальства*.

³ Написание **ы** в словах типа *сыщик*, синтагматически нечленимых на „с+ыщик“ (слова „ыщик“ не существует), отвечает слоговому принципу русской графики и ведению орфографии не подлежит.

До выхода в свет „Правил русской орфографии и пунктуации“ 1956 г. **ы** вместо этимологического **и** после приставок писалось только в русских корнях (*разыграть*, *розыск* и т. п.), в корнях иноязычных по правилам писалось **и** (*безидейный*, *безинтересный* и т. п.). Поскольку в современном языке такие слова, как *идея*, *интерес*, *история* и мн. др., уже не воспринимаются как иноязычные, то в 1956 г. было признано целесообразным дать единое правило как для русских, так и для заимствованных слов. И действительно, пишущий не всегда легко может определить, является ли корневая часть слова заимствованной. Не случайно поэтому были и колебания: *безидейный* и *безыдейный*, *безинтересно* и *безынтересно*, имевшие место в практике печати до выхода в свет „Правил...“ 1956 г.

Написание начального **и** в корне после твердых согласных сохраняется в настоящее время после русских приставок *меж-* и *сверх-*, а также после иноязычных приставок и частиц. После приставки *меж-* **и** пишется в силу общего правила, согласно которому после **ж** не пишется **ы**, а после *сверх-*—потому, что русскому языку не свойственны сочетания *гы*, *кы*, *хы*. После иноязычных приставок **и** сохраняется для того, чтобы пишущий мог быстрее увидеть и осознать корень, например в слове *субинспектор* и т. п., и благодаря этому быстрее понять слово. Правило изложено в § 7 „Правил русской орфографии и пунктуации“.

4. Написание **о** в суффиксах *-онок*, *-онка* после шипящих: *галчонок*, *шапчонка* и т. п. (ср. *соенок*, *избенка* и т. п.). Морфологическому принципу отвечало бы написание с **е**.

Традиционно считалось отвечающим фонетическому принципу написание *е/о* после шипящих и **ц** в окончаниях существительных и прилагательных, а также написание *е/о* в суффиксе *-ок-* (*-ек-*) после шипящих¹. Но эти написания можно рассматривать как морфологические (см. выше, с. 167—168).

В общей системе русского правописания, построенной на морфологическом принципе, написания, построенные на фонетическом принципе, как выпадающие из

¹ См., в частности: А. Н. Гвоздев. Основы русской орфографии, изд. 3. М., 1951, с. 82—83.

системы, затрудняют пишущих в большей степени, чем морфологические написания, и им следует поэтому уделять особое внимание.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что такие написания, как *дом*, *трюм*, *пол* и т. п., не входят в сферу действия фонетического принципа (как не входят они и в сферу действия любого другого орфографического принципа). Здесь нет орфограмм.

Не отвечают фонетическому принципу и такие написания, как *страна*, *сук* и т. п.¹. Буквы *а* и *к* пишутся не на основе прямой связи: «фонема → буква», а на основе морфологических сопоставлений (*странá*, так как *стра́ны*; *сук*, так как *су́к*), т. е. по морфологическому принципу.

ТРАДИЦИОННЫЙ ПРИНЦИП

Основная разновидность

Фонемно-традиционные написания

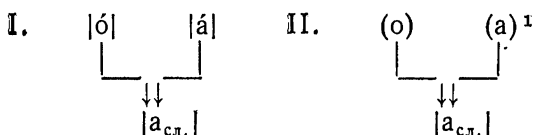
Традиционный принцип в русском правописании—это такой принцип, при котором фонемы, находящиеся в слабых позициях, обозначаются одной из ряда букв, фонологически возможных для обозначения данной фонемы. Фонологически же возможны буквы, адекватные фонемам, возглавляющим фонемные ряды морфологической системы языка, в которые могла бы входить та или иная подлежащая обозначению фонема слабой позиции. Традиционный принцип—это как бы намеченный к осуществлению морфологический принцип, однако не имеющий возможности в него перейти. Поскольку при обозначении фонем слабых позиций на основе традиционного принципа фонемные противопоставления в словоформах не нарушены, то этот принцип можно было бы называть фонемно-традиционным принципом.

Выше, на с. 146, были представлены модели пересечения фонемных рядов, которые определяют выбор букв для обозначения гласных фонем (находящихся в слабых позициях) на основе морфологического принципа.

¹ Такие написания, как *страна*, *сук*, считал отвечающими фонетическому принципу М. Н. Петерсон.

ципа. Набор букв для обозначения фонем слабой позиции на основе традиционного принципа тот же самый, но в отличие от выбора на основе морфологического принципа, где этот выбор однозначно решается на основе произношения (по ударному гласному), здесь окончательный выбор буквы для каждого отдельного слова определяет не произношение, а традиция (на основе этимологии, транслитерации, транскрипции или просто условности). Но набор букв для выбора тоже ограничен и совершенно конкретен. Здесь представлены такие фонемные ряды, которые можно назвать потенциальными.

Сравним принцип выбора букв при морфологическом и традиционном принципах в моделях. Слева дается модель пересечения конкретных фонемных рядов — модель I; справа — модель пересечения потенциальных фонемных рядов — модель II.

Модель I.

1) Фонемный ряд |ó| || |a_{сл.}| определяет выбор буквы **о**: *водá* (так как *вóды*), *шóкíровать* (так как *шóк*).

2) Нулевой фонемный ряд |á| || |a_{сл.}| определяет выбор буквы **а**: *трáвá* (так как *трáвы*), *жарá* (так как *жар*).

Модель II.

1) Выбор буквы **о** для обозначения |a_{сл.}| в нижеперечисляемых словах как бы определяется тем, что с |a_{сл.}| могло бы чередоваться ударенное |ó|, поскольку в принципе могло бы быть представлено чередование |ó| || |a_{сл.}|: *антология*, *гобелен*, *довлеть*, *домишко*, *какофония*, *колибри*, *корноухий*, *наторельий*, *онтология*, *оттоманка*, *панорама*, *рекогносцировка*, *топчан*, *тороватый*.

2) Выбор буквы **а** для обозначения |a_{сл.}| в нижеперечисляемых словах как бы определяется тем, что с |a_{сл.}| могло бы чередоваться ударенное |á|, поскольку в принципе могло быть представлено нулевое чередова-

¹ В круглые скобки заключены знаки фонем, которые могли бы возглавить потенциальные фонемные ряды.

ние [á] || [а_{сд.}]: *анахронизм, антагонизм, валторна, генеалогия, декатировать, кавардак, каламянка, камаринская, карачун, каротель, кацавейка, контрамарка, мадаполам, манатки, остракизм, паспарту, психастения, транспарант.*

Потенциальный фонемный ряд—это возможный, но нереализованный фонемный ряд: в нем присутствует фонема слабой позиции и лишь потенциально возможна возглавляющая фонемный ряд фонема. Последняя адекватна фонеме, возглавляющей тот или иной конкретный фонемный ряд (собственно фонемный или нулевой) с аналогичной фонемой слабой позиции. Буквы, которыми могут быть обозначены фонемы слабых позиций, можно записать в виде дроби:

	о	а	о	о	и	и
					е	е
	<i>валторна, топчан, каламянка; заяц, язык,</i>					
				и		
				е		
я	я				ы	
и	и		ы	ы	е	
<i>винегрет, ветчина, кодекс, бешамель, шиншилла и т. д.</i>						

Написания, основанные на рассматриваемом способе обозначения фонем, имеют существенную особенность, которая сближает их с написаниями, основанными на морфологическом принципе. Они создают графически единообразные портреты морфем: *каблук, каблучок; собака, собачонка; выключатель, заместитель, потребитель; крестьяне, горожане* и т. д. На этом основании при подсчете написаний, отвечающих морфологическому принципу, их иногда включают в эти написания¹.

Некоторые ученые (в частности, Ю. С. Маслов²) традиционные написания типа *сарай, зигзаг* (т. е. те традиционные написания, которые соответствуют произношению) считают отвечающими фонетическому принципу. Однако если исходить из понимания орфографических принципов как руководящих идей выбора букв, то такие написания, как *сарай, зигзаг*, нельзя считать отвечающими фонетическому принципу. Буквы *а* и *з* пишутся здесь не потому, что в этих словах произносятся [а] и [г], а на основании этимологии этих слов.

¹ См.: А. Н. Гвоздев. Основы русской орфографии, изд. 3. М., 1951, с. 86.

² Ю. С. Маслов. Введение в языкознание. М., 1975, с. 307.

Другие разновидности традиционного принципа

Написание гласных в корневых морфемах с чередующимися гласными

Особую разновидность составляют написания, отражающие безударные гласные в некоторых корневых морфемах (см. § 13, 14 „Правил...“ 1956 г.).

Эти написания могут считаться подчиняющимися традиционному принципу потому, что фонемы слабых позиций обозначаются в некоторых из этих корневых морфем не только буквой, адекватной фонеме, возглавляющей конкретный фонемный ряд (что отвечало бы морфологическому принципу), но и фонеме, возглавляющей потенциальный (предполагаемый, мнимый) фонемный ряд.

Ср., например, с одной стороны, *рос, рост, рбсший* и закономерное *о* при обозначении безударного [а] в словоформах: *росла́, вы́рос, вы́росший, за́росль, по́росль, во́доросль, недоросль, росток* и т. п.; с другой: *расти́, расти́ть, выраста́ть, расте́ние, произраста́ние, сраще́ние, во́зраст, о́трасль* и т. п. Можно, казалось бы, предположить, что здесь действует фонетический принцип (*рос*, но *расти́*. Ср. *рбспись*, но *распи́ска*)., однако это не так: наряду с *а* при обозначении безударного [а] встречаем обозначение [а] и буквой *о* (*о́трасль*, но *по́росль* и т. д.).

Поскольку для обозначения безударного гласного [а],—если рассматривать это обозначение в синхронном плане,—буквы *о* и *а* употребляются условно (то *о*, то *а* без мотивировки), то такое обозначение безударных гласных и можно определить как следование традиционному принципу орфографии.

Рассмотрим относящиеся к этому случаю орфограммы более подробно.

Таких корней с разновариантными написаниями гласных в русском языке немного, но они неоднородны по своему характеру, и их правописание представляет значительные трудности.

Здесь можно выделить следующие случаи:

а) Варианты корней с *о* и *а*: *положить*—*полагать*, *коснуться*—*касаться*, *поклониться*—*кла-*

няться, вскочить — скакать. Сюда же примыкают глаголы *загореть — загорать, затворить — затворять*, хотя они и отличаются от вышеперечисленных глаголов тем, что чередование *о — а*¹ в самих глаголах на письме не представлено. Оно отражается в именных формах (ср. *пловец — плавать, загореть — загар, затворить — тварь*).

В прошлом чередование гласных *о — а* было связано с количественными чередованиями гласных² и использовалось при образовании особых глагольных форм, которые впоследствии стали видовыми формами. Написание *о* находим в глаголах совершенного вида; написание *а* — в глаголах несовершенного вида. Чередование *о — а*, имеющее видовой характер, в прошлом было представлено шире, писали: *родить*, но *раждать, сгореть*, но *сгарать* и т. п.

В указанных глаголах или в производных от них словах ударным бывает то [о], то [а]: *поклѣнѣтся — клѣняться; вскѣчит — скѣчет; твѣрчество — твѣрь*. В некоторых корнях под ударением бывает только [о]: *налѣг*, ср. также у Вл. Маяковского просторечное *лѣжит* („Нежные! Вы любовь на скрипки *лѣжите*, любовь на литавры *лѣжит* грубый“); или только [а]: *плѣвать, загѣр*. В некоторых вариантах корней гласный даже никогда не бывает под ударением, таковы варианты *кѣс — кас*, написание *о — а* в которых не находит себе опоры в современном произношении (в глаголах *кѣснуться — касаться* на месте орфографических *о* и *а* одинаково произносятся оттенки фонемы [а]) и воспроизводится лишь по традиции (ср. невоспроизведение в современном письме чередования *о — а*, некогда также характеризовавшего видовое образование глагольных пар: *родить — рождать*).

В современном языке чередование *о — а*, сопровождающее образование видовых пар, сохраняет свой фонетический и морфологический характер лишь при образовании глаголов многократного вида с суффиксом *-ыва- (-ива-)*: *прѣсит — упрѣшивает, хѣдит — похѣживает, тѣпчет —*

¹ Чередование *о — а* в некоторых рассматриваемых словах является только буквенным.

² Сохраняющееся орфографическое *о* отражает историческое [о], восходящее к кратким [ǫ] и [ǫ̃], которые дали [о] в славянских языках; сохраняющееся же орфографическое *а* отражает историческое [а], восходящее к долгим [ǭ] и [ǭ̃], которые в славянских языках дали [ā].

вытáптывает и т. п., а также при образовании глаголов несовершенного вида с суффиксами *-ыва-* (*-ива-*) от глаголов совершенного вида: *успоко́бит* — *успоко́ивать*, *нако́пит* — *нако́пливает* и т. д. Формы несовершенного вида на *-ывать* (*-ивать*) с ударяемым *а* при установлении написания *о* или *а* в неударяемых корнях глаголов не принимаются в расчет: пишется *топáл*, потому что *то́пчет* (хотя *вытáптывал*) (см. примечание 1 к § 11 „Правил...“).

б) Варианты глагольных корней с *е* и *и*: *сжечь* — *сжигать*, *постелить* — *постилать*, *оттереть* — *оттирать*, *умереть* — *умирать*, *изберу* — *избирать* и т. п.

В прошлом чередование гласных *е—и* так же, как чередование *о—а*, было связано с количественными чередованиями гласных и использовалось при образовании особых глагольных форм, которые впоследствии стали видовыми формами. Написание *е* находим в глаголах совершенного вида, написание *и* — в глаголах несовершенного вида.

Однако чередование *е—и* в отличие от чередования *о—а* характеризуется сохраняющейся регулярностью¹. Глаголы, имеющие в корне *е* (или отсутствие гласного и, соответственно, буквы), и глаголы, имеющие в корне *и*, морфологически строго соотносительны: первые — это глаголы совершенного вида, вторые — несовершенного (*умереть*, *умру—умирать*). С рассматриваемыми глаголами, имеющими чередование *е—и*, морфологически соотносительны и глаголы типа *начну—начинать*, *сожму—сжигать* и т. д.

У всех подобных глаголов наблюдаем определенное морфологическое и совершенно последовательное соотношение основ, хотя в рассматриваемых глаголах с чередованием *е—и*, а также в производных от них словах под ударением звуки [э] и [и] встречаются нерегулярно. Звук [и] бывает под ударением обычно в именных формах: *сти́рка*, *сти́раная* (рубаха), *подсти́лка*, *приди́рка*, *прити́рка* и т. п. Звук [э] под ударением также может быть в именных формах: *сте́лька*, *сме́рть* и т. п. Иногда под ударением находим только [о], восходящее к [э]:

¹ Так же, как чередование *о—а*, чередование *е—и* является во многих случаях только буквенным.

тер [t'or], *припер* [пр'ип'ор], но орфографически оно отражается в виде *е* (*ѣ*). Нерегулярность ударения затрудняет правописание корней с чередующимися *е — и*. Поэтому очень важно учитывать морфологическое соотношение основ. Не случайно для облегчения правописания некоторых глаголов с чередующимися *о — а* и глаголов с чередующимися *е — и* обычно рекомендуется чисто практический прием: если за корнем следует суффикс *-а-*, то в этих корнях пишется, соответственно, либо буква *а* (*касаться, полагать*), либо *и* (*умирать, вытирать* и т. п.)¹. Применение этого внешнего приема основано на том, что суффикс *-а-* — это суффикс несовершенного вида, а, как мы видели, именно при образовании форм несовершенного вида коренной гласный удлинялся; в русском языке это удлинение соответствующим образом видоизменилось: в глаголах несовершенного вида вместо *о* появлялось *а*, вместо *е — и*.

в) В а р и а н т ы корня *-рос(т)- — -рас(т)-*: *росток, росла, выросший, водоросль, недоросль, но растить, растение, произрастание, сращение, возраст, отрасль*. В вариантах *-рос(т)-* и *-рас(т)-* представлены русские и старославянские по происхождению написания. Из этих двух вариантов единого по значению корня только вариант *-рос(т)-* имеет ударный гласный: *рѣст, рѣс*; в варианте *-рас(т)-* гласный безударен², и написание *а* является здесь традиционным. Практические рекомендации по выбору букв *о* или *а* в этом корне можно найти в учебных пособиях³.

г) В а р и а н т ы корня *-зор — -зар-*: *зѣри, зѣрька — зарѣя, зарнѣца, озарѣть, озарѣние*. В прошлом варианты *-зор — -зар-* имели различные оттенки значений, сейчас они стерты. В обоих этих вариантах соответствующий гласный может быть ударным: *зѣри — лучезѣрный*.

д) В а р и а н т ы *-ровн — -равн-* по своему происхождению являются вариантами одного корня, однако в со-

¹ См., в частности: В. Ф. Греков, С. Е. Крючков, Л. А. Чешко. Пособие для занятий по русскому языку в старших классах средней школы, изд. 22, М., 1973, с. 51—53.

² Глагол *выращивать* как глагол несовершенного вида на *-ивать* по общему правилу не может быть использован для проверки, ударенность звука [а] в нем не учитывается (см. выше, с. 180).

³ См.: В. Ф. Греков, С. Е. Крючков, Л. А. Чешко. Пособие для занятий по русскому языку в старших классах средней школы, изд. 22, М., 1973, с. 55.

временном русском языке они выступают в качестве разных корней, так как различаются по значению. Корень **-ровн-** пишется в словах, связанных по значению с „рównый“ („гладкий“, „прямой“): *ровнять* (дорожки), *сровнять* (с землей) и т. п.; при этом в „исходном“ слове *рównый* [o] находится под ударением. Корень **-равн-** преимущественно пишется в словах, которые связаны по значению с „равный“ („одинаковый“): *поравняться*, *сравнить*, *все равно* и т. п.; при этом в „исходном“ слове *ráвный* [a] находится под ударением.

Варианты **-мок-**—**-мак-** тоже различаются по значению. Вариант **-мок-** пишется в словах со значением „пропускать жидкость“, „становиться влажным“: *сапоги промокают*, *непромокаемый плащ*, *промокательная бумага*; вариант **-мак-** пишется тогда, когда говорят о погружении чего-нибудь в жидкость: *макать* (хлеб в молоко), *обмакнуть* (перо в чернильницу). Различие в их значениях позволяет считать их разными корнями. Однако их сходство является причиной того, что не все языковеды считают **-мок-** и **-мак-** разными корнями (см., в частности: А. Б. Шапиро. Русское правописание, изд. 2. М., 1961, с. 53—55).

Варианты **-мок-**—**-мак-** так же, как и **-ровн-**—**-равн-**, могут иметь и [o] и [a] в ударном положении, например: *мокнул*, с одной стороны, и *маканец*¹—с другой.

Традиционно-иероглифические написания

В русском письме есть единичные орфограммы, когда не по произношению обозначаются фонемы сильных позиций.

а) Написание **г** для обозначения [в] в окончании **-ого**: *кого*, *доброго*, *синего* и т. п.

б) Иероглифический характер носит обозначение [ш] из сочетания [шн] буквой **ч** → **чн**. Перед сонорными позиция для согласных сильная. Все другие согласные

¹ *Мáканец*, как свидетельствует В. И. Даль,—пирожок или оладья, „обмакнутые в масло“. См.: В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. М., 1955, с. 291.

перед [н] не вступают в чередования, но судьба сочетания **чн** была в истории русского языка сложной¹.

В современном русском литературном языке есть слова, произносящиеся либо только с [чн], либо только с [шн] и есть слова с колеблющимся произношением. Все это делает написание **ч** иероглифическим. Нужно знать, где пишется **ш**, где—**ч**. Ср. *городошник*, но *пустячный*.

в) Написание *помощник* при произносимом помо[ш]ник.

Традиционно-исторические написания

Особым типом традиционного написания является написание прилагательных типа *добрый*, *синий*, *строгий*, *ломкий*, *тихий*². Совершенно очевидно, что эти написания не отвечают морфологическому принципу: фонема слабой позиции не обозначается здесь по фонеме сильной позиции (ср. *сырбый*, *дорогбый*).

Труднее решается вопрос: не отвечает ли это написание фонетическому принципу? Поскольку фонетическим принципом в русском письме охвачено обозначение лишь позиционно чередующихся фонем (фонетический принцип—антипод морфологического), а чередования [ó] || [ы] после твердых нешипящих согласных нет, то рассматриваемые написания можно считать такими, которые отвечают традиционному принципу. Эти написания, как сложившиеся исторически, можно считать традиционно-историческими.

Написания **-ый**, **-ий** и **-ой** отражают различное произношение и происхождение этих вариантов родового окончания прилагательных форм.

Наличие вариантных окончаний: **-ый**, **-ий**, с одной стороны, и **-ой**—с другой, явилось следствием взаимодействия двух стихий: старославянской и собственно русской. Формы на **-ый**, **-ий** были старославянскими: *добрый*, *честный*, *смешный*³.

¹ См.: С. П. Обнорский. Сочетание **чн** в русском языке. В кн.: С. П. Обнорский. Избранные работы по русскому языку. М., 1960, с. 234 и сл.

² К этому типу орфограммы относятся и написания окончаний им. и вин. п. ед. ч. местоимений, числительных, причастий.

³ Прилагательные формы со знаком ударения на **ы** в окончаниях **-ый** зафиксированы еще в Академическом словаре 1847 г.: *кривый*, *прямый*, *роковой* и т. д.

В окончаниях прилагательных форм с основой на твердый согласный русские произносили везде *-ой*¹, т. е. произносили не только *худой, слепой*, но так же, как если бы было написано „славной“, „доброй“, „великой“, произносили и *славный, добрый, великий* и т. д.

Реально в безударном положении, если говорить с большей точностью, произносится гласный [ъ] *прекрасн[ъ]й*, т. е. такой гласный, который произносится на месте орфографического *о* в заударном слоге. Ср., например: *С Новым год[ъ]м!*

В соответствии с таким произношением русские грамматисты, например М. Ломоносов, В. Белинский и другие, предлагали узаконить в окончаниях прилагательных форм мужского рода в именительном (и, естественно, в винительном) падеже единственного числа окончание *-ой* не только под ударением, но и в безударном положении, т. е. писать не только *худой, слепой*, но и *славной* (человек), *доброй* (молодец), *великой* (град) и т. д. В своей „Российской грамматике“ М. В. Ломоносов употребляет такие, например, прилагательные с окончанием *-ой*: *сильной, скверной, сладкой, истинной* и *истинный*, но *богатый*. Однако старославянские написания типа *добрый, синий* все же удержались. Они имели перед русскими написаниями типа *доброй, синей* то преимущество, что по своей форме не совпадали на письме с родительным и творительным падежами единственного числа прилагательных женского рода: *доброй* (женщины), *синей* (кофты) и т. д., как совпадали русские формы.

К концу XVIII в. наметилась дифференциация окончаний *-ый, -ой* по морфологическим и стилистическим признакам. Окончание *-ый, -ий* можно было употреблять в непричастных формах, т. е. употреблять и форму *писанный*, и форму *писаной*; причастные же формы, как формы „высокие“ по стилю, имели окончание только *-ый: написанный*. И даже одному и тому же слову, в зависимости от формы, придавался различный стилистический вес: *добрый — доброй, сладкий — сладкой*; первое тракто-

¹ После мягких согласных русское окончание было *-ей* (*синей цвет*), а старославянское — *-ий* (*синий*). Старое русское окончание *-ей* не сохранилось, поэтому о вариантности окончания прилагательных форм мужского рода с основой на мягкий согласный говорить не приходится.

валось как книжное, правильное, славянское, другое — как просторечное¹.

Со временем произношение безударных окончаний с написанным **-ый** под влиянием орфографии изменялось, и постепенно уже не морфологические или стилистические различия, а произношение стало диктовать употребление окончаний **-ый**, **-ий**, с одной стороны, и **-ой** — с другой. Я. К. Грот отмечал: „В нынешнем произношении грамотными людьми с ясным сохранением окончания **-ый**, **-ий** мы видим один из примеров обратного действия письма на живую речь“².

В настоящее время под влиянием правописания произношение окончания **-ый** как [ый̆] (с редуцированным [ы̆]) широко распространено, хотя произношение окончания **-ый** как [ый̆] также еще представлено.

Особенно заметно вызванное правописанием изменение произношения окончания **-ий** у прилагательных с основой на заднеязычные **г, к, х**: *строгий*, *широкий*, *тихий* и под. Когда-то окончание таких прилагательных произносилось так, как если бы вместо **-ий** было написано **-ой**, т. е. произносилось: *широ*[кый̆], *стро*[гый̆], *ти*[хый̆]. В современной речи такое произношение представлено, но считается нормативным лишь для сцены. Обычным, бытовым является произношение: *широ*[к'ий̆], *стро*[г'ий̆], *ти*[х'ий̆] (с редуцированным [й̆]).

Традиционно-этимологические написания

К этому типу написаний можно отнести такие написания, которые сохраняются этимологически, но в современном письме архаичны, не системны и даже, наоборот, вступают в противоречие с похожими, но системными написаниями. Это:

а) написания типа *вскачь*, *вишь*, *делаешь*, где этимологично написание буквы **ѣ**;

¹ См.: Г. О. Винокур. Орфография как проблема истории языка. В кн.: „Избранные работы по русскому языку“. М., 1959, с. 465.

² Я. К. Грот. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне, изд. 2, 1876, с. 247.

б) написание буквы *е* для обозначения [о] после шипящих в тех случаях, когда не представлено чередование $\left| \begin{smallmatrix} \acute{o} \\ \acute{s} \end{smallmatrix} \right|$ |и| или $\left| \begin{smallmatrix} \acute{o} \\ \acute{s} \end{smallmatrix} \right|$ |ы|, например, *чеботы, челка*.

ПРИНЦИП МОРФОЛОГО-ГРАФИЧЕСКИХ АНАЛОГИЙ

Это название может быть применено к принципу написания буквы *ь* после шипящих в ряде морфологических категорий: буква *ь* может быть рассматриваема как графический уравниватель парадигм склонения существительных типа *ночь, рожь* (как *ель*) и как графический уравниватель морфологических категорий повелительного наклонения: *режь* (как *брось*), а также инфинитива: *беречь* (как *брать*). Следует подчеркнуть, что *ь* является уравнивателем грамматических форм и категорий только на письме, что, однако, при известной автономности письменной речи чрезвычайно важно. Традиционно считается, что написание буквы *ь* выполняет функцию грамматического сигнала¹: буква *ь* сигнализирует о женском роде слов *ночь, рожь* и т. д.

Однако „сигнализирующая функция“ буквы *ь* в определенных категориях слов—это лишь следствие, а не причина его употребления. Причиной является влияние определенных графико-морфологических моделей, т. е. морфологическая аналогия. Слова женского рода типа *рожь, ночь* дают одинаковую графическую парадигму склонения со словами типа *дверь* (ср. *дверь—дверью, рожь—рожьё, ночь—ночьё*), в то время как слова мужского рода типа *врач, шалаш* имеют такую же графическую парадигму, как и слова типа *стол* (ср. *стол—столом, врач—врачом, шалаш—шалашом*).

При распределении слов по склонениям употребление буквы *ь* после шипящих в качестве ведущего признака родового значения слов в русских грамматиках обычно не учитывается. К третьему склонению относят существительные женского рода с „основой на мягкие согласные и на шипящие „ж“ и „ш“². Однако то, что буква *ь* создает графическое единообразие парадигм склонения, учитывается как ведущий признак при подаче этого

¹ См.: Д. Н. Ушаков. Русское правописание..., изд. 2. М., 1917, с. 22.

² „Грамматика русского языка“, т. I, М., 1952, с. 171.

материала нерусским. Так, в частности, в кратком очерке русской грамматики, предназначенном для французов, А. А. Зализняк выделяет как относящиеся к одному типу склонения имена существительные, имеющие в им. п. ед. ч. букву **ь** (type particulier de noms féminins au N. sg. en—**ь**)¹.

Подобную же графическую функцию буква **ь** выполняет в неопределенной форме глагола: в инфинитивной модели *беречь* (и под.) буква **ь** пишется потому, что она есть в инфинитивной модели *делать*. То же видим и в формах повелительного наклонения типа *утешь, отрежь, не плачь*. Ср. *брось, кинь, приготовь*².

Написание буквы **ь** в формах инфинитива и повелительного наклонения является этимологическим (по происхождению), но назначение этой буквы, когда она следует после шипящих, в современном письме переосмыслилось. Написание же буквы **ь** в типе *дочь, мышь* не является этимологическим и по происхождению (об этом свидетельствует ненаписание буквы **ь** в словах типа *врач, нож*).

В древнерусском языке в соответствующих грамматических формах после всех шипящих, поскольку они были исконно мягкими, писался „ерь“ (т. е. **ь** как знак редуцированного гласного переднего ряда). Писалось не только *дочь, ночь, мышь*, но и *врачь, ножь, мужь* и т. п.

¹ Однако со временем, после отвердения [ж] и [ш] и исчезновения редуцированных гласных эти написания „сбились“. После *жс* и *шс* начинают употреблять не только **ь**, но и **ѣ**. В „Российской грамматике“ Ломоносова представлены написания: *речь, дочь, ключь, мечь*³, но *ковшѣ, ножѣ*⁴.

¹ А. Zalizniak. Petit dictionnaire pratique russe—français, изд. 2. М., 1964, с. 591.

² Можно сказать, что в формах повелительного наклонения с конечными губными согласными буква **ь** пишется теперь также графико-морфологически, ибо мягкие губные согласные активно отвердевают в этой позиции. Не случайны многочисленные орфографические ошибки, выражающиеся в ненаписании буквы **ь** в таких словоформах, как *готовьте, готовьтесь; эконоьте, приглубьте* и т. п.

³ См.: М. Ломоносов. Российская грамматика, § 143. По изд.: М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7. Труды по филологии. М.—Л., 1952, с. 439.

⁴ См. там же, § 196, с. 463.

В „Материалах к Российской грамматике“ у Ломоносова намечается разделение написаний **ь** и **ѣ** после шипящих по родам. Так, он дает *вещь*, но *лещѣ*, таковы же соотношения между написаниями *мышь* и *ковшѣ*¹.

Намеченное Ломоносовым разделение его ученик и последователь В. Светов обобщил в правило. Причем В. Светов уже подчеркивал графико-морфологическую целесообразность этого правила: „Имена на **ь** кончающиеся мужского рода в родительном удерживают на конце **я**; из чего явственно, что не право пишется *ключь*, *товарищѣ*, *врачѣ*; ибо в родительном не *ключа*, *товарища* и не *врача*. Надобно писать: *ключѣ*, *товарищѣ*, *врачѣ*, в родительном *ключа*, *товарища*, *врача* и так другие“².

Правило, требующее не писать после шипящих мягкий знак в словах мужского рода (и писать его в словах женского рода), как „легкое“, было поддержано Сумароковым³. Орфографическая практика закрепила это правило.

С отменой в 1917—1918 гг. буквы **ѣ** на конце слов правило автоматически приняло современный вид (употребление буквы **ь** в словах женского рода на шипящие и неупотребление в словах мужского рода на шипящие).

Графическое противопоставление слов типа *ночь*, *рожь* словам типа *врач*, *нож* было введено сознательно на основе графико-морфологических аналогий. А. А. Реформатский справедливо пишет: „То, что в таких написаниях дело не в этимологии, показывают примеры иноязычных слов, на которые распространяется данное правило (*фальшь*, *тушь*, ср. *туш* мужского рода без **ь**)“⁴.

В тех случаях, когда принадлежность того или иного слова к грамматическому роду неизвестна, мягкий знак

¹ См.: М. Ломоносов. Материалы к Российской грамматике. По указ. изд., с. 439, 463, 720, 723.

² В. П. Светов. Опыт нового русского правописания, утвержденный на правила Российской грамматики и в лучших примерах русских писателей. СПб., 1773, § 35, с. 22.

³ А. П. Сумароков. Полное собрание сочинений в стихах и прозе, т. X. М., 1782, с. 38.

⁴ А. А. Реформатский. Введение в языковедение, изд. 4. М., 1967, с. 375.

является полезным сигналом, так как, будучи употреблен в конце слов на шипящие, он сигнализирует о том, что перед нами слово женского рода и что изменять его нужно по третьему склонению. Сравните, например, такие названия, как *река Ордеж*, *город Россошь*, *поселок Будогощь*. Если их увидеть написанными, то мягкий знак даст нам знать, что слова *Росошь* и *Будогощь* женского рода, а *Ордеж* — мужского. Родовая же принадлежность слов с конечными согласными определяет и их тип склонения.

Полезен этот грамматический сигнал и для стабилизации родовой принадлежности слов на шипящие. Он удерживает их от родовых колебаний, которые часто „тревожат“ слова с конечным мягким согласным. Слова с конечным мягким согласным могут быть женского (*трость*, *ткань*, *тень*, *соль*, *роль*, *метель* и т. п.) и мужского рода (*олень*, *руль*, *уголь*, *грифель* и т. п.). Одинаковость формальной приметы приводит к родовым колебаниям, а следовательно, и к колебаниям в склонении. В XIX в. колебался род существительных *полюнь*, *студень*, *степень* и др. под.; заимствованные слова *акварель*, *вуаль*, *госпиталь*, *дуэль*, *карусель*, *мигрень*, *модель*, *патруль*, *рояль*, *тюль* и др. были иными по своему родовому значению, чем сейчас.

В настоящее время наблюдаются колебания в роде некоторых существительных с основой на мягкий согласный, например, слов *мозоль*, *выхухоль*, *картофель*, *толь* и др. Поэтому определение рода (а следовательно, и типа склонения) таких существительных требует наведения справок в словарях¹.

С чисто звуковой точки зрения употребление мягкого знака после шипящих в словах женского рода является избыточным: и без него конечные [ч] и [щ] (*Будогощь*, *ночь*, *мощь*) произносились бы мягко, как произносятся они в словах *ключ*, *плющ*, а в словах *Росошь*, *рожь* с чисто звуковой точки зрения написание мягкого знака иногда даже вредно, так как, например, при изучении русского языка в условиях диалекта может натолкнуть на неправильное мягкое произношение твердых [ш] и [ж].

¹ В соответствии с современными литературными нормами: *мозоль* — ж. р., *выхухоль* — м. и доп. ж. р., *картофель* — м. р., *толь* — м. р.

Буква **ь** после шипящих в повелительной форме графически закрепляет, конечно, относительное единообразие, поскольку в языковом отношении эти формы не едины: одни из них образуются при помощи суффиксов **-и** (*сиди*) и **-ы** (*лежи*), другие выступают в виде чистой основы (*гуляй, кинь*). Буква **ь** графически объединяет только формы повелительного наклонения с чистыми основами на шипящие (*не плачь*) и формы повелительного наклонения с чистыми основами на конечный парный по твердости-мягкости согласный (*кинь*).

Итак, в трех рассмотренных случаях буква **ь** (фонетически отнюдь не необходимая) употребляется прежде всего не как сигнал различия (чтобы по его наличию или отсутствию различать *ночь* и *врач*, *плач* и *не плачь*), а как письменный графический уравниватель однозначных (грамматических) категорий. Функция грамматического сигнала является следствием употребления буквы **ь** как графического уравнивателя однозначных грамматических категорий.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики, изд. 5, перераб. М.—Л., 1935, гл. III—Принципы русского правописания, с. 30—35.

Гвоздев А. Н. Основы русской орфографии, изд. 4. М., 1954; то же в кн.: Гвоздев А. Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963, с. 213—251.

Еськова Н. А. Графическая передача фонемы [и] в начале морфемы, не являющейся флексией или суффиксом, после твердой согласной предшествующей морфемы. В сб.: „О современной русской орфографии“. М., 1964.

Иванова В. Ф. Трудные вопросы орфографии. М., 1975.

Ушаков М. В. Методика правописания, изд. 4. М., 1959.

Шапиро А. Б. Русское правописание, изд. 2. М., 1961, с. 30—38.

Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 45—49 (статья „Основные принципы орфографии и их социальное значение“).

ГЛАВА II

ТИПЫ НАПИСАНИЙ В ИХ СООТНОШЕНИИ С ПРОИЗНОШЕНИЕМ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Детальное выяснение имеющихся закономерностей в соотношении правописания с произношением составляет один из важнейших вопросов теории письма.

До появления понятия фонемы и фонемной теории все написания было принято разделять на фонетические и нефонетические. Деление написаний на фонетические и нефонетические сохраняется и после появления фонемной теории, хотя это уже и не совсем оправданно.

Поскольку в любом буквенно-звуковом письме буквы обозначают фонемы, следовало бы все написания разделять на адекватнофонемные, например, *трава*, *травяной*, *сарай*, и неадекватнофонемные, например, *вода*, *водяной*, *собака*.

Адекватнофонемные написания — это написания, соответствующие воспринимаемым носителем языка фонемам. Неадекватнофонемные — это написания, не соответствующие воспринимаемым носителем языка фонемам. Термин „адекватнофонемные написания“ более точен по сравнению с термином „фонетические написания“ именно потому, что в буквенно-звуковом письме и могут быть обозначены только фонемы. Так, написание *травяной* определяем как адекватнофонемное, ибо здесь буквой *а* обозначена фонема |а|. Фонетически здесь звук [ъ]. Звук [ъ] — это |а| второй степени редукции. А. Н. Гвоздев определяет написание

буквы *а* в *травяной* как нефонетическое. Однако как же иначе может быть обозначен звук [ъ], кроме буквы *а*? Особой, специальной буквы для обозначения звука [ъ] в русском алфавите нет¹.

Таким образом, реально фонетические написания могут быть осуществлены только на фонемном уровне. Иначе говоря, реально написания могут быть либо адекватнофонемными, либо неадекватнофонемными.

Однако ввиду устоявшейся традиции в использовании терминов фонетические и нефонетические написания и в настоящем пособии вместо более точного термина „адекватнофонемные написания“ используется термин „фонетические написания“, а вместо „неадекватнофонемные“ — „нефонетические“. Написания типа *травяной* называем фонетическими (приравнивая их к адекватнофонемным).

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И НЕФОНЕТИЧЕСКИЕ НАПИСАНИЯ

Примером фонетических написаний могут служить написания слов: *страна, краса, трава, лук, жук* и др. под.²; примером нефонетических написаний — *сосна, гроза, тропа, луг, утюг* и др. под.

В фонетически написанных словах (*страна, краса* и т. д.) буквы и звуки (фонемы) находятся в соответствии: читается (произносится) оттенок той фонемы, которую обозначает буква. В нефонетически написанных словах, т. е. в словах *сосна, смола, гроза, тропа* произносится оттенок другой фонемы, т. е. фонемы, не совпадающей с ее буквенным обозначением: на месте буквы *о* произносится [а], а в словах *луг, утюг* на месте буквы *г* произносится [к].

Важно отметить, что фонетические написания и написания, отвечающие фонетическому принципу (являющемуся орфографическим

¹ А. Н. Гвоздев предлагает для обозначения звука [ъ] использовать букву *ы*. Но написание буквы *ы* разрушило бы слово: слова „травяной“ не существует в русском языке. Фонемы |ы| и |а| в этой позиции противопоставлены: за счет |ы| и |а| мы различаем слова. Ср., например, *дымовой* и *д|а|мовой (домовой)*.

² Рассматривается написание только выделенных букв, а не всего слова в целом.

принципом),— это несовпадающие понятия. Фонетические написания могут оставаться в рамках морфологического принципа, когда они являются морфологическими написаниями с орфографической точки зрения. Ср. фонетические написания *сарáй*, *странá* и др. под. Они не отвечают фонетическому принципу: в первом предупредительном слоге приведенных слов пишется *а* не потому, что произносится [а]. В слове *странá* *а* пишется потому, что *а* пишется в *стра́ны* (морфологический принцип), в слове *сарай*—на основании этимологии этого слова (традиционный принцип).

С другой стороны, фонетические написания *беспартийный*, *безработный*, *безыдейный* и т. д. не являются морфологическими: они нарушают морфологический принцип и отвечают фонетическому принципу.

Следовательно, не всякое фонетическое написание отвечает фонетическому принципу орфографии. Фонетический принцип как определенное орфографическое начало провозглашается тогда, когда на письме специально обозначаются позиционные чередования фонем (если они имеют место).

Нефонетические написания *сосна*, *гроза*, *тропа*, *луг*, *утюг* отвечают морфологическому принципу: *сосна́*—пишется с *о*, потому что есть форма *со́сны* с ударным [о]; *гроза́*—потому что *грозы́*; *луг*—потому что *луга*. Ошибочно в этих словах может быть написано *а* вместо *о* („сасна“) и *к* вместо *г* („утюк“). Но также и в фонетически пишущихся словах может быть допущена ошибка: вместо *а* может быть написано *о* („стро́на“). На первых порах обучения чаще допускаются ошибки в нефонетических написаниях: в соответствии с актуальным произношением учащиеся пишут „сасна“, „граза“, „трапа“. Но, научившись писать эти слова правильно (т. е. так, как принято: *сосна*, *гроза*, *тропа*) и заметив, что, следовательно, не всегда пишется то, что слышится, в словах *страна*, *краса*, *травá* учащиеся, наоборот, начинают писать *о*. Ход рассуждений при этом примерно такой: в слове *гроза* *а* писать неправильно (хотя слышится именно [а]), значит, и в слове *краса*—хотя и слышится звук [а]—букву *а* „на всякий случай писать не стоит, может быть, это еще и неверно“.

Нефонетически могут писаться слова и с непроверяемыми гласными и согласными: *солома, собака, соблазн, вокзал*. Написание таких гласных и согласных объясняется этимологией этих слов.

Написаний, соответствующих произношению (фонетических), в русском языке значительно больше, чем не соответствующих произношению (нефонетических). По подсчетам М. Н. Петерсона, фонетических написаний в русском языке—77%, а нефонетических—23%; при этом написания согласных чаще соответствуют произношению (67%), чем написания гласных (33%). Из 23% нефонетических написаний большая часть написаний гласных (86%), меньшая часть—согласных (14%)¹.

Разнородность фонетических написаний

Для правильного и глубокого понимания существа нашей орфографии важно видеть и понимать разнородность фонетических написаний.

Сравним фонетические написания:

вал—валы
бал—балы

В фонетически написанных словах левого столбца ни одна из трех букв не может быть заменена другой буквой без того, чтобы не изменилось произношение. В фонетически написанных словах правого столбца можно ошибочно написать *о* вместо *а*, но, даже если вместо буквы *а* написать *о*, произносятся (благодаря определенным фонетическим законам нашего языка, а именно аканью) в этих словах будет все равно звук [а]. Итак, читаться (произноситься) как [валы], [балы] могут и фонетические написания *валы, балы* и ошибочные, но теоретически возможные нефонетические написания «волы», «болы».

Следовательно, написание *а* в словах правого столбца диктуется не непосредственным произношением этих слов (при одинаковом произношении, как показано, может быть написано; *валы, балы* и «волы», «болы»), а чем-то иным. Слово *валы* пишется с *а* (в соответствии с нашими правилами) потому, что это—лишь другая форма

¹ М. Н. Петерсон. Система русского правописания. М., 1955, с. 30.

слова *вал*, в которой написание *а* продиктовано произношением, а слово *балы* пишется с *а* потому, что это лишь другая форма слова *бал*, в которой написание *а* также продиктовано произношением.

Таким образом, по влиянию („диктату“) произношения фонетически написанные слова левого и правого столбца разнородны: написание гласных в словах *вал* и *бал* диктуется (определяется) произношением—в них не может быть написана другая буква; написание же гласных в словах *валы* и *балы* не диктуется произношением, не определяется им (в этих словах произношению [валы], [балы] не помешали бы и написания „волы“, „болы“). Привычность написания *балы* может создать впечатление, что теоретически допустимое, хотя и ошибочное написание «болы» мешает литературному произношению; что это не так—хорошо доказывает написание *волы*. В русском языке есть слово *волы* (от *вол*), которое произносится так же, как и слово *валы*. Слово *колы* тоже читается (произносится) с [а] на месте орфографического *о*: [калы].

Не диктуются произношением и фонетические написания: *каблѹк*, *кагѹр*, *кабѹн*. Теоретически их можно было бы писать и с *о* (произношение не изменилось бы). Эти слова пишутся с *а* благодаря своему происхождению. Слово *каблук*—это древнерусское заимствование из тюркского языка. Тюркск. *каблук*—„каблук у обуви“—является суффиксальным образованием на базе арабского *к'ав*—„пятка, пята“; слово *кагор* заимствовано из французского языка, представляет собственное имя—название города *Cahors*, где выделяется этот сорт вина; слово *кабан* заимствовано из тюркского языка (ср. татарск. *кабан*—„дикая свинья, кабан“) ¹.

То же самое можно сказать и о фонетических написаниях согласных. Они могут определяться произношением, а могут и не определяться.

Сравним фонетические написания

лѹка (род. п. ед. числа)—*лук* (растение)

жукѹ (род. п. ед. числа)—*жук*

¹ Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 3. М., 1975.

В фонетически написанных словах левого столбца ни одна из согласных букв не может быть заменена другой согласной без того, чтобы не изменилось произношение. В фонетически написанных словах правого столбца можно ошибочно написать **з** вместо **к**, но даже если вместо буквы **к** написать **з**, произноситься (благодаря закону оглушения конечных согласных) в этих словах будет все равно звук [к]. Итак, произношению [лук], [жук] отвечают фонетические написания *лук*, *жук* и ошибочные, но теоретически возможные нефонетические написания «луг», «жуг». Следовательно, написание **к** в словах правого столбца диктуется не непосредственным произношением этих слов (при одинаковом произношении, как показано, может быть написано: *лук*, *жук* и «луг», «жуг»), а опять-таки (как это было и для гласных) чем-то иным. Слово *лук* пишется с **к**, а не с **з** в соответствии с нашими правилами потому, что это лишь одна из форм слова, имеющего в других падежах звук [к] (*лу́ка*); слово *жук* пишется с **к**, а не с **з** в соответствии с нашими правилами потому, что это также одна из форм слова, имеющего в других падежах звук [к] (*жу́ка*). Звук [к] и [г] в зависимости от определенных фонетических условий чередуются.

Таким образом, по влиянию произношения на написание фонетически написанные слова левого и правого столбца разнородны: написание согласных в словах *лу́ка*, *жу́ка* диктуется (определяется) произношением—в них не может быть написана другая согласная буква; написание же конечных согласных в словах *лук* и *жук* не диктуется произношением, не определяется им.

Не определяемыми произношением написаниями, таким образом, называются написания, допускающие замену одной буквы другой без изменения произношения.

Привычность написания *жук* (с **к**) может создать впечатление, что теоретически допустимое, хотя и ошибочное написание «жуг» помешает произношению; что это не так—хорошо доказывает написание «луг» (вместо *лук*). В русском языке есть, как известно, и слово *луг* (ср. *лу́га*), которое произносится так, как если бы было написано «лук». Могут подумать, что теоретически допустимое написание «жуг» даже невозможно! Это ложное представление создается благодаря зрительной привычке

и прочным ассоциативным связям слова *жук* с другими формами этого слова (*жука, жуку* и т. д.)¹.

В конце слов мы произносим только глухие согласные ([к] вместо написанного *з*, [т] вместо написанного *д*, [п] вместо написанного *б* и т. д.), пишем же буквы, соответствующие глухим или звонким согласным звукам не по произношению, а по ассоциативным связям с другими формами тех же слов либо по этимологии. При записи неизвестных слов с конечными согласными (имеющими либо глухие, либо звонкие пары) возможность написать букву, соответствующую либо глухому, либо звонкому согласному звуку, абсолютно одинакова. Это можно легко проверить, если предложить, например, „на слух“ записать имена гномов из сказки А. Франса „Пчелка“, которые соответственно французским написаниям пишутся по-русски то с буквами, соответствующими глухим согласным звукам, то с буквами, соответствующими звонким согласным звукам, а произносятся, естественно, только с глухими согласными звуками в конце слов.

Они (гномы) обступили спящую девочку.

— Ну вот,—сказал самый маленький из гномов...—разве я обманул вас, когда сказал, что самая прелестная принцесса в мире спит на берегу озера? Благодарите меня за то, что я ее вам показал!

— Мы очень благодарны тебе, *Боб*,—сказал один из гномов...—**В** самом деле, в мире нет ничего прекраснее, чем эта девочка...

— Правда, *Пик!* Истинная правда!—подхватили гномы.—Но только—что же нам делать с этой прелестной девочкой?..

Гном, по имени *Рюг*, сказал:

— Построим большую клетку и посадим ее туда.

Другой гном, *Диг*, отверг предложение...

Такое рассуждение отнюдь не понравилось гномам, и один из них, *Тад*, с негодованием осудил его.

.....

— Король *Лок*,—сказали ему лесные гномы,—мы принесли тебе прелестную малютку, которую мы случайно нашли. Ее зовут Пчелкой².

¹ Ср. менее употребительное и менее знакомое слово *кавардак*, в котором по аналогии со словами *анилаг, архипелаг, обшлаг* „легче“ написать *з*: „кавардаг“.

² Анатоль Франс. Пчелка (сказка), пер. С. Боброва. В кн.: Анатоль Франс. Избранное. М., 1958, с. 26—31.

Итак, написание конечных согласных (имеется в виду передача на письме парных по глухости-звонкости согласных звуков), а также написание согласных перед другими согласными не определяется произношением даже в тех случаях, когда написание и произношение соответствуют друг другу, например: *лук, жук; пляска* (ср. *сказка*), *ходьба* (ср. *молотьба*).

Не определяются произношением (не диктуются им) и такие фонетические написания, как *зигзаг* (ср. нефонетические *рюкзак, вокзал*). Это слово пишется с *з* перед *з* потому, что оно заимствовано нами в XVIII в. из французского *zigzag*¹.

Написания, соответствующие произношению, и написания, не соответствующие произношению, по их определяемости произношением находятся в определенных соотношениях. Это можно показать на таблице.

ОТНОШЕНИЕ НАПИСАНИЙ К ПРОИЗНОШЕНИЮ. СООТВЕТСТВИЕ НАПИСАНИЙ ПРОИЗНОШЕНИЮ

Фонетические написания (т. е. соответствующие произношению)		Нефонетические написания (т. е. не соответствующие произношению)	
<i>стра́ны</i>	<i>сбсны</i>	<i>стра́на</i>	<i>сосна́</i>
<i>кра́ше</i>	<i>грбзы</i>	<i>краса́</i>	<i>грозá</i>
<i>вал</i>	<i>вол</i>	<i>валы́</i>	<i>волы́</i>
<i>бал</i>	<i>кол</i>	<i>балы́</i>	<i>ко лы́</i>
<i>лу́ка</i>	<i>лу́га</i>	<i>лук</i>	<i>луг</i>
<i>жука́</i>	<i>утюга́</i>	<i>жук</i>	<i>утюг</i>
		<i>каблук</i>	<i>собака</i>
		<i>каба́н</i>	<i>собла́зн</i>
		<i>зигза́г</i>	<i>вокса́л</i>

Пояснение к таблице

В таблице наглядно показано, что граница определяемых произношением написаний не совпадает с границей фонетических написаний. Фонетические написания (т. е. такие написания, которые

¹ См.: Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1975.

ОПРЕДЕЛЯЕМОСТЬ ПРОИЗНОШЕНИЕМ

Написания, соответствующие произношению и определяемые этим произношением		Написания, не определяемые произношением	
		Только соответствующие произношению, но не определяемые этим произношением	Не соответствующие произношению и, естественно, не определяемые им
<i>стра́ны</i> <i>кра́ше</i> <i>вал</i> <i>бал</i> <i>лу́ка</i> <i>жука́</i>	<i>со́сны</i> <i>грóзы</i> <i>вол</i> <i>кол</i> <i>лу́га</i> <i>у́тюга́</i>	<i>странá</i> <i>красá</i> <i>валы́</i> <i>балы́</i> <i>лук</i> <i>жук</i>	<i>сосна́</i> <i>гроза́</i> <i>во́лы</i> <i>ко́лы</i> <i>луг</i> <i>у́тюг</i>
		<i>каблúк</i> <i>каба́н</i> <i>зигза́г</i>	<i>собáка</i> <i>собла́зн</i> <i>вожза́л</i>

соответствуют произношению) не всегда определяются произношением. Равно как в нефонетических написаниях, так и в не определяемых произношением фонетических написаниях могут быть допущены ошибки (именно потому, что ошибочное написание другой буквы не вызывает искажения произношения¹). Ошибочных написаний не может быть допущено только в тех фонетических написаниях, которые не только соответствуют произношению, но и определяются этим произношением. Из таблицы явствует, таким образом, что часть фонетических написаний при обучении правописанию так же трудна для правильного выбора букв, как и нефонетические написания.

В таблице приведены такие случаи фонетических и нефонетических написаний, о которых можно точно сказать, что они являются либо фонетическими, либо нефонетическими. Между тем при обозначении на письме звуков речи в их слабых позициях (особенно безударных гласных) не всегда можно с легкостью определить,

¹ В ошибочном написании „другой“ буквы, т. е. не той буквы, которая нужна по требованиям орфографии, тоже есть свои границы: не вызовет искажения произношения (в приведенных примерах) написание *о* вместо *а* («стро́на») и, наоборот, *а* вместо *о* («сасна»); *з* вместо *к* («жуг»), и наоборот («у́тюк»), но нельзя написать, не исказив произношения, «стры́на» или «стру́на» и т. п.

фонетическим или нефонетическим является то или иное написание. Ср., например, написания: *решать, плести; ремешок, петушок*. В нейтральном стиле произношения на месте выделенных букв в первых двух словах произносится редуцированный звук [и]: *p[и]шать, пл[и]сти*; а в третьем и четвертом словах — очень краткое [и]. При ориентации на такой стиль произношения приведенные написания являются нефонетическими.

При намеренно тщательном, „чеканном“ произношении здесь возможно и произношение оттенков фонемы [э]. Для такого „чеканного“ произношения приведенные написания оказались бы фонетическими.

Таким образом, определение фонетических и нефонетических написаний (при обозначении на письме звуков слабых позиций) имеет свои специфические трудности.

При обучении орфографии рационально определять фонетические и нефонетические написания, исходя из нейтрального стиля произношения.

ОПРЕДЕЛИМОСТЬ (ПРОВЕРЯЕМОСТЬ) НАПИСАНИЙ ПРОИЗНОШЕНИЕМ

Понятия „определяемость написаний произношением“ и „определимость написаний произношением“, не совпадают. Определяемость написаний произношением — это „диктат“ произношения (пишется та буква, которая определяется, т. е. прямо диктуется произношением), а определимость произношением — это возможность проверки написаний произношением, иначе говоря, возможность определить, какая же буква должна быть написана, если к этому процессу определения правильного написания умело привлечь косвенные данные произношения.

Непосредственно произношением предопределена, как мы видели, лишь часть фонетических написаний. Многие написания, даже фонетические, не определяются произношением. Однако не что иное, как произношение, позволяет установить правильный выбор букв и в тех случаях, когда перед нами не определяемые, т. е. не продиктованные, произношением написания. Для выбора правильной с точки зрения орфографии буквы нужно привлечь те написания, которые определены, иначе говоря, полностью обусловлены, продиктованы произно-

шением. Например, чтобы правильно написать слово *домашний* (где после [д] слышится [а]), нужно привлечь определяемое произношением написание *дом*, „опереться“ на него. Написания, определяемые произношением, поскольку они — результат прямой опоры на произношение и поскольку они используются для установления орфографически правильных написаний других слов, называются опорными (на них опираются при правописании), а те написания, которые проверяются на основе опорных, называются косвенно определяемыми произношением, иначе, проверяемыми написаниями. Таким образом, даже не определяемые произношением (не продиктованные произношением) написания могут оказаться проверяемыми произношением, ибо могут определяться произношением косвенно (пишем *угощать*, так как *гость*; *полоска*, так как *полоса*).

Понятие „опорное написание“ можно рассматривать, таким образом, двусторонне. Написание буквы *о* в слове *дом* является определяемым произношением, оно же является и опорным, потому что мы, когда пишем *о* в этом слове, непосредственно опираемся на произношение (и только на произношение). Но написание *о* в слове *дом* является опорным еще и в другом смысле. Мы опираемся на него как на известный эталон, опору для установления орфографически правильного написания буквы *о* в слове *домашний*.

Разграничение этих двух значений у термина „опорное написание“ важно потому, что в отдельных случаях написание не является опорным в первом значении, т. е. само это написание не определяется только произношением, но в то же время его можно привлечь „для опоры“ при проверке написания „сомнительной“ буквы. См. об этом ниже, с. 204.

Проверяемыми на основе произношения могут быть гласные и согласные не только в русских словах, но и в заимствованных. Ср.: *блокнот* (*блѐк*), *гастролёр* (*гастрѐль*), *доктрина* (*дѐктор*), *картонаж* (*картѐн*), *лимонád* (*лимѐн*), *метеорит* (*метеѐр*), *модѣстка* (*мѐда*), *тональность* (*тѐн*), *гипнотический* (*гипнѐз*), *агрессивный* (*агрѐссия*), *аннексировать* (*аннѐссия*), *артиллерист* (*артиллѐрия*), *директива* (*дирѐктор*, *дирѐкция*).

Но остается все-таки некоторое количество не проверяемых произношением написаний. Они назы-

ваются бесповерочными. Среди них, как было показано выше, есть и фонетические (*каблук, зигзаг*), и нефонетические (*собака, вокзал*).

В „Правилах русской орфографии и пунктуации“ (М., 1956) о бесповерочных написаниях гласных и согласных говорится, что их „правописание... определяется в словарном порядке“ (§ 12, 49). Это означает, что правописание таких гласных и согласных решается для каждого случая отдельно (пословно).

Интересно отметить на первый взгляд кажущийся парадоксальным факт: оказываются не проверяемыми произношением фонетические написания, идущие по фонетическому принципу вопреки морфологическому. Эти написания не дают единого графического облика морфем, так как они „двупортретны“. Ср., например, написания *беспользньй* и *безболезненный*. Если написание *беспользньй* проверять написанием *безболдньй*, то, значит, в приставке *без-* в слове *беспользньй* нужно писать *з*, а это неверно.

Разряды написаний по отношению к возможности проверки произношением можно дать в виде таблицы.

<div style="text-align: center;">Определимость (проверяемость) произношением</div> <div style="text-align: center;">Соответствие (совпадение) с произношением</div>	Опорные написания (непосредственно определяемые произношением)	Косвенно определяемые (проверяемые) написания (проверка через опорное написание)	Бесповерочные написания (с невозможностью их проверки произношением)
Фонетические написания	<i>стра́ны</i> <i>со́сны</i> <i>кра́ше</i> <i>грѣзы</i> <i>вал</i> <i>еол</i> <i>бал</i> <i>кол</i> <i>лу́ка</i> <i>лу́га</i>	<i>стра́на</i> <i>краса́</i> <i>ва́ль</i> <i>ба́ль</i> <i>лу́к</i>	<i>каблѹк</i> <i>каба́н</i> <i>зигза́г</i>
Нефонетические написания		<i>со́сна</i> <i>гроза́</i> <i>во́ль</i> <i>ко́ль</i> <i>лу́г</i>	<i>соба́ка</i> <i>собла́зн</i> <i>вокза́л</i>

Рассмотрим более подробно указанные разновидности написаний по отношению к проверяемости их произношением.

1. Определяемые произношением написания (опорные)

К определяемым произношением написаниям относятся такие написания, в которых при сохранении правильности произношения может быть употреблена одна единственная буква; такие написания не допускают никаких замен употребленной буквы. Они называются поэтому опорными. При письме опираются на произношение. На сопоставлении с опорными (т. е. непосредственно определяемыми произношением) написаниями и основаны правила правописания так называемых „сомнительных“ (т. е. трудных для выбора „правильной“ буквы из нескольких возможных) гласных и согласных букв.

Поскольку пишущий должен привлекать опорные написания в тех случаях, когда неясно, какую букву нужно использовать в не определяемых произношением написаниях, очень важно знать типы опорных написаний.

Гласные

а) Ударные гласные

К определяемым произношением написаниям относятся написания всех гласных под ударением в тех случаях, когда гласные звуки следуют после парных по мягкости-твердости согласных звуков: *зал, вяз, вол, плёс, мул, тюк, сыр, рис, лес*. Здесь пишущий может доверять записи своего произношения.

На особом положении находится передача на письме ударенных гласных, если они следуют после непарных по мягкости-твердости согласных, а именно после шипящих и *ц*. Эти написания могут быть одновариантными и двувариантными.

Одновариантные написания — это такие написания, в которых, согласно орфографическим правилам,

принято писать лишь одну определенную букву (при теоретической допустимости написания другой буквы). К одновариантным написаниям относятся фонетические написания: *ча́й*, *чу́до*, *пращá*, *щу́ка* (произносится: [ч'а́й], [ч'удь], [прлш'ч'á], [ш'ч'у́кл]). В фонетических написаниях на месте букв *а* и *у* произносятся звуки [а] и [у], но эти же звуки в словах *ча́й*, *чу́до*, *пращá*, *щу́ка* могли бы быть переданы с помощью букв *я* и *ю* (*чя́й*, *чю́до*, *пращя*, *щюка*). К одновариантным относятся и нефонетические написания: *жить*, *шить* (произносится [жыт'], [шыт']). Произносимый здесь звук [ы] мог бы быть передан буквой *ы*. Поскольку в рассмотренных как фонетических, так и нефонетических написаниях могли бы быть употреблены и другие буквы, эти написания не являются определяемыми (продиктованными) произношением в строгом смысле этого слова. Они как бы наполовину определяются произношением: с одной стороны, все-таки именно произношение диктует выбор букв (*а* или *я*, *у* или *ю*, *и* или *ы*, и только: употребление других букв при условии произнесения под ударением звуков [а], [у], [ы] невозможно); с другой стороны, окончательный выбор из двух возможных букв происходит на основе условного правила. Но благодаря тому, что правилами орфографии закреплена одновариантность выбора букв, они могут быть использованы для проверки написания безударных гласных в однозначных морфемах подобно тому, как используются для контроля определяемые произношением опорные написания. Как привлекаемые „для опоры“, они даже могут быть названы *о п о р н ы м и*. Например, чтобы не написать, ошибаясь, „пожевать“ вместо *поживать* (в предложении: *Как выживаете?*), нужно проверить написание безударной гласной в корне, привлекая однокоренной глагол *жить*, где на месте слышимого [ы] правило предписывает писать *и*. Чтобы не написать, ошибаясь, „чиевница“ вместо *чаевница*, нужно проверить написание безударной гласной однокоренным словом *чай*. Но для того чтобы правильность написания слов *поживать*, *чаевница* можно было бы проверить словами *жить*, *чай*, нужно помнить, что именно последние написания (а не написания *жыть*, *чяй*) приняты.

После шипящих наряду с одновариантными написаниями могут быть и двувариантные написания

гласных букв. Например: *шорох* и *шепот*, *жом* и *желоб*, *чо́хом* и *черт* и т. п. Двувариантные написания гласных могут быть и после *ц*, например: *цыган* и *цинк*, *танцевать* и *танцор* и т. п. При этом даже фонетические варианты таких написаний (*шорох*, *жом*, *чо́хом*, *цыган*) не определяются только произношением. Выбор букв, как и в предыдущем случае, определяется здесь произношением в пределах двух вариантов, однако в отличие от предыдущего случая на письме представлены два варианта букв с особым „поморфемным“ их распределением. Но даже и двувариантные написания ударных гласных после шипящих и *ц* могут привлекаться для проверки написания безударных гласных после шипящих и *ц*. Так, при определении правильности написания *шелковистый* нужно привлечь слово *шелк*. Даже если не помнить, пишется ли в слове *шелк* буква *е* или буква *о*, написание букв *ы* и *и* в слове *шелковистый* сразу исключается, так как для слова *шелк* исключены написания „шылк“ или „шилк“. Точно так же при определении правильности написания *цыпленок* привлечение слова *цыпочка* сразу же отбросит предположение о возможном *е*.

Безусловно, опора на двувариантные написания менее эффективна, чем опора на одновариантные написания, но тем не менее в определенной степени она возможна и полезна.

б) Безударные гласные

К определяемым произношением написаниям могут относиться и написания, обозначающие безударные гласные. Так, определяется произношением написание букв *у* и *ю*. Это объясняется тем, что с безударным [у] может чередоваться только ударное [у]. Это нулевое чередование (см. выше, с. 144). В этом случае не происходит перекрещивания фонемных рядов. Способствует правильности написания *у(ю)* и то, что звук [у] мало поддается редукции.

Написание *у(ю)* непосредственно не определяется произношением лишь в двух случаях (см. выше, с. 147).

Особых замечаний требует написание букв *и* и *ы*. Звуки [и] и [ы] (так же, как и [у]) мало поддаются редукции. Поэтому может показаться, что написание букв *и* и *ы* непосредственно определяется произношением

(ср.: *сычонок, сырок; пила*). Между тем здесь такой же случай, как и написание буквы *а* в слове *трава*. Выбор буквы осуществляется на основе морфологических сопоставлений. Ср. произношение звуков [и] и [ы] (редуцированных) в словах *пат[ы]тический*, [р'и]мень, обозначаемых, однако, буквой *е*.

Согласные

Написание согласных, как и написание гласных, непосредственно определяется произношением всегда, когда гласные звуки стоят в сильной позиции. Если для гласных звуков сильной позицией является позиция под ударением, то для согласных звуков сильной позицией является их позиция перед гласными и перед частью согласных, а именно перед сонорными, т. е. перед [м], [м'], [н], [н'], [р], [р'], [л], [л'], перед йотом и перед [в], [в']. Написания согласных в этом положении являются опорными, т. е. непосредственно определяемыми произношением: *смотреть, смена, сноровка, снег, срам, срез, слава, слезы, лисья* [л'ис'йя], *свадьба, свиток* и т. п.

При написании согласных букв в этих случаях пишущий может полностью доверять своему произношению, опираться на него.

„Сомнительными“ согласными, т. е. такими, когда пишущий должен выбрать для правильного написания одну из двух (реже трех) возможных букв, бывают обычно те согласные, которые обозначают согласные звуки, парные по глухости-звонкости. Когда говорится о сильной позиции согласных перед гласными, сонорными и *в*, то речь идет именно о парных по глухости-звонкости согласных¹.

Но есть в русском языке согласные, написание которых, подобно гласному *у*, почти всегда определяется произношением. Это бывает при обозначении непарных по звонкости-глухости сонорных, аффрикат *ц, ч*, а также

¹ Для парных по глухости-звонкости согласных есть особые случаи, когда даже в сильной позиции, в частности при положении впереди гласного звука, произносится не тот согласный, который обозначен. Таким не определяемым произношением является написание *з* в окончаниях прилагательных: *золотого, синего*, где на месте орфографического *з* произносится звук [в].

непарного по глухости-звонкости согласного **х**. Ср. *сом, мстить, сон, лунка, пожар, печурка, дол, палка, меч, спичка, смех* (в приведенных образцах эти согласные даны в такой позиции, когда обозначение на письме согласных парных по глухости-звонкости было бы „сомнительным“) ¹.

Написание **ц** тоже всегда определялось бы произношением (ср. *палец, клецка*), если аффриката [ц] не произносилась бы еще на месте требуемых по морфологическому принципу буквосочетаний *дс, тс* (ср. *городской, людской, думается* и под.).

Особенно четко определяется произношением написание буквы **й**, что бывает в конце слова и слога: *мой, герой, вставай, майка, лейка*. Ср. также *война — войн*.

Напротив, никогда не определяется только произношением написание буквы **щ** (даже перед гласными): *щука, щи, щетка, сыщик, скупщик, гардеробщик* и т. п. На месте указанной буквы произносится либо [ш'ч], либо [ш'ш']. Буква **щ** может быть заменена буквосочетаниями *сч, зч, здч, шч, жч*, поскольку на месте этих буквосочетаний произносятся те же звуки [ш'ч] и [ш'ш']. Ср., например, ошибочные написания „досчатый“ вместо *дощатый*, „счетка“ вместо *щетка*, „щчи“ вместо *щи* и т. п.; „щастье“ вместо *счастье*, „извощик“ вместо *извозчик*, „перебещик“ вместо *перебежчик*, „объещик“ вместо *объездчик*, „веснущатый“ вместо *веснушчатый* и т. п.

Определяется произношением написание мягкого знака для обозначения мягкости согласного, стоящего в конце слова или перед твердым согласным (*конь, нянька*). По существу, здесь определяется произношением написание буквосочетания в целом („согласная + мягкий знак“, используемый для обозначения мягкости согласного), поскольку

¹ Но и здесь так же, как при обозначении некоторых парных по глухости-звонкости согласных, есть случаи особого чтения некоторых буквосочетаний. Так, группы **чн** и **чт** в некоторых словах читаются (произносятся) как [шн] и [шт]: „скушный“, „яшница“, „прачешная“, „што“ и нек. др., но *дачный, свечной, печной, нечто, почта* и т. д. Таким образом, чтение (произношение) буквосочетаний **чн** и **чт** является вопросом орфоэпическим.

В словах *легкий, мягкий* на месте орфографического **г** звучит [х]; звук [х] произносится благодаря явлению диссимиляции (распдблениа).

мягкий знак не обозначает звука и написание только одного мягкого знака (вне буквосочетания) определяться произношением не может.

2. Не определяемые произношением написания

К не определяемым произношением написаниям относятся написание букв, обозначающих безударные гласные (и некоторые ударные, что отмечено на с. 204), написание букв, обозначающих парные по глухости-звонкости согласные, произносимые в конце слов, а также перед парными по глухости-звонкости согласными (кроме [в]) и написание мягкого знака, если он употреблен после букв, обозначающих мягкие согласные в позиции перед мягкими же согласными. В некоторых из этих случаев произносимый звук допускает не только два варианта, но и трех вариантов буквенное обозначение. Например, на месте орфографического *а* в разных случаях ошибочно могут быть написаны *о, ы, е, и, я*: „преподователь“ вместо *преподаватель*; „козачок“, „кызачок“ вместо *казачок*; „жылеть“, „желеть“, „жилеть“ вместо *жалеть*; „чесы“, „чисы“, „чясы“ вместо *часы* и т. п.

Группа не определяемых произношением написаний на основе возможностей сопоставления их с опорными написаниями делится, как было уже сказано, на косвенно определяемые произношением написания и беспроверочные. Рассмотрим их подробнее.

Косвенно определяемые произношением (проверяемые) написания

Косвенно определяемые произношением написания определяются произношением не непосредственно, а косвенно. Косвенная проверка произношением может быть более надежной, чем непосредственная ориентировка на произношение в тех случаях, когда на основе произношения пытаются обозначить на письме звуки слабых позиций. Поясним это на примерах.

Так, возможное, хотя орфографически и неправильное написание „пивец“ соответствует произношению этого слова в нейтральном стиле речи. Правильное написание *певец* соответствует произношению этого слова в чеканной речи, но даже и это, соответствующее орфографи-

ческой норме и соответствующее чеканному произношению написание не определяется произношением непосредственно, так как если здесь ориентироваться на непосредственное соотношение с произношением, то нетрудно и ошибиться в написании.

Слово *певец* пишется с буквой *е* на основе сопоставления с опорным написанием *петь*. Поскольку же опорное написание *петь* непосредственно определено произношением, то написание на основе сопоставления с ним буквы *е* в слове *певец* тем самым тоже определено произношением, но не прямо, а косвенно.

Требуют проверки опорными написаниями как нефонетические, непосредственно не определяемые произношением написания (такие, как *сосна́, тропá, грозá, лук, уютю́г*), так и фонетические, непосредственно не определяемые произношением написания (такие, как *стра́нá, красá, травá, лук, жу́к*), хотя последние написания и соответствуют произношению.

Требуют проверки опорными написаниями фонетические написания, равно как и нефонетические, потому что и те и другие, не будучи непосредственно определяемыми произношением, допускают написание других букв. Ошибочно можно написать не только „сасна“, „уютюк“, „жы-леть“, „чисы“ (вместо *сосна, уютюг, жалеть, часы*), но и „строна“, „жуг“, „брад“ (вместо *страна, жу́к, брат*), хотя последнее для тех, кто уже владеет грамотным письмом, и менее очевидно.

Поскольку для гласных „сомнительным“ является написание букв для обозначения неударенных гласных, правило сформулировано следующим образом: „В неударяемых слогах пишутся гласные, одинаковые с теми, которые произносятся в той же части слова (в том же корне, в той же приставке, в том же суффиксе или в том же окончании), когда эта часть стоит под ударением“¹.

Правила для написания „сомнительных“ согласных сформулированы так: „Чтобы правильно написать согласную в конце слова или перед другими согласными (*н* или *б, ф* или *в, т* или *д, с* или *з, к* или *г, ш* или *ж*), нужно взять другую форму того же слова или подобрать другое слово того же корня, где после согласной оказа-

¹ „Правила русской орфографии и пунктуации“. М. 1956, § 11.

лась бы гласная, и писать ту согласную, которая пишется перед гласной.

В ряде случаев для правильного написания согласной можно изменить слово так, чтобы после согласной оказалась не гласная, а согласная **р, л, м, н, в**, например: *штраф*—*штрафной*, *зубки*—*зубной*, *бегство*—*беглый*, *вымок*—*мокрый* („Правила...“, § 49).

„Сомнительным“ является также обозначение мягкости (парных по твердости-мягкости) согласных, находящихся перед мягкими. Ср. *в письме* и *о песне*. В обоих случаях звук [с] является мягким, но в первом слове мягкость звука [с] обозначена на письме (*сь*), во втором—нет (*с*). Проверяется же необходимость написания мягкого знака таким изменением слова, чтобы „сомнительный“ по обозначению мягкости на письме звук, оказавшись перед твердым согласным звуком, остался мягким. Для первого случая такую форму слова можно найти—*письмо*, для второго случая нет такой формы, ибо и в форме *песня* [с] остается в позиции перед мягким согласным; мягкость звука [с] сохраняется в произношении (по закону уподобления в мягкости) благодаря мягкости последующего звука [н], поэтому обозначения мягкости звука [с] дополнительными графическими средствами не требуется (иначе говоря, *ассимилятивная* мягкость на письме не обозначается) (см. „Правила...“, § 72).

Как видим, правила правописания „сомнительных“ букв построены на морфологической основе. Написание „сомнительной“ буквы в корне какого-либо слова определяется (проверяется) на основе сопоставления с опорным написанием в том же корне, написание „сомнительной“ буквы в приставке определяется (проверяется) на основе сопоставления с опорным написанием в той же приставке и т. д. Иначе говоря, все написания опираются на произношение с учетом морфологических соотношений. В этом и заключается суть морфологического принципа, его внутренняя целостность, глубина и целесообразность.

Важно отметить, что, определяя написание „сомнительной“ буквы в корне, не всегда достаточно изменить только форму слова (*страны*, потому что *стрáны*; *сосна*, потому что *сóсны*), иногда нужно подобрать родственное (однокоренное) слово с опорным написанием интересую-

щей буквы в его корне. Однокоренным словом, которое можно привлечь для проверки, не обязательно должно быть слово той же части речи, например: *болезнь*—*бóль*. Основной задачей является нахождение однозначного корня как определенной смысловой и графической единицы: *объединение*—*едíнный*, *приглашать*—*глас*, *волноваться*—*волны*, *глотать*—*глотка* и т. д. (однозначность части речи не играет роли).

„Сомнительную“ букву в приставке также не всегда можно проверить в формах одного и того же слова. Возможность привлечения ударного гласного той же приставки, но употребленной в составе другого слова, отражена в примерах, иллюстрирующих проверяемость написания гласной в приставках, которые приводятся в „Правилах ...“: *поддаваться*—*пóдданный*—*пóдступ* и т. п. (см. § 11 „Правил ...“).

Правописание „сомнительных“ букв в приставках и в суффиксе, как уже сказано, проверяется на той же приставке и суффиксе.

Что касается проверки безударных гласных ударными в окончаниях, то здесь (на что уже указывалось при рассмотрении опорных написаний) недостаточно простого нахождения ударного варианта. Если при подборе необходимого для проверки корня, суффикса и приставки достаточно зафиксировать тождество их значения (*добрýк*—*дóбр-ый*, *лéкарь*—*вратáрь*, *заморóзить*—*зámорозки*), то в окончаниях установления тождества значения еще мало. Так, например, безударное окончание *в бандерóли* можно ошибочно проверить тождественным по значению ударным окончанием *в письmé* и в результате ошибочно написать: „в бандерóле“. Здесь правила орфографии становятся уже грамматико-орфографическими.

Орфографические правила, основанные на морфологическом принципе, опираются, таким образом, на словообразовательный анализ различной сложности, начиная с умения разобрать слово по составу и кончая умением вскрыть различные языковые значения. Поэтому-то для выработки навыков правописания необходимо не только знание произношения, но и знание грамматики и словообразования. Поскольку же знание грамматики и словообразования—это уже знание самого языка, необходимое каждому, кто хочет достаточно свободно владеть русской речью, то изучение

нашей орфографии, построенной на морфологическом принципе, дает возможность удачно совместить это изучение с изучением самого языка.

Бесповерочные написания

Бесповерочные написания (как фонетические, типа *сарай*, так и нефонетические, типа *собака*) не определяются современным произношением ни прямо, ни косвенно. Для них нельзя подобрать опорных форм, посредством которых можно было бы осуществить проверку написания „сомнительных“ букв. Таким образом, современное произношение не дает возможности мотивировать их употребление. Такие написания нужно запоминать. Запоминанию помогают знания этимологии, словообразования, грамматики, а также истории правописания.

Исходя из того, что „сомнительные“ буквы пишутся здесь не по произношению, а по этимологии, уже не проверяемой современным произношением, и, следовательно, по традиции, бесповерочные написания называют традиционными. Название „традиционные“ говорит о происхождении подобных написаний, истории их возникновения.

Таким образом, названия „бесповерочные написания“ и „традиционные написания“ освещают одно и то же явление с разных сторон: название „бесповерочные“ раскрывает определенное соотношение этих написаний с современным произношением, а название „традиционные“ указывает на определенное историческое обоснование конкретного выбора буквы.

При рассмотрении вопросов произношения естественно поэтому называть их бесповерочными.

Примеры бесповерочных написаний

В КОРНЯХ

Гласные

Бесповерочны фонетические написания: *бала-лайка, барабан, балаболка, изразец, караван, налим, славяне* и т. д.

Бесповерочны нефонетические написания: *бол-тáть, волды́рь, воробéй, ворóта, исполín, колдун, ко-лóда, моркóвь, сорóка, топчáн* и т. д.

Согласные

Бесповерочны фонетические написания: *старый, стая, простой, здоровье, дразги, лапша, лапта* и т. п.

Бесповерочны нефонетические написания: *вчера, вторник, второй, ковш, кувшин, Кавказ, левкой, нивх, сбруя, общий* и нек. др.

Нефонетические бесповерочные написания согласных в корнях очень редки. Как уже отмечалось, написание согласных вообще в большей степени соответствует произношению, чем написание гласных. Практический вывод здесь может быть сделан такой: пишущему можно „не бояться“ писать согласные внутри корня фонетически. Фонетические написания здесь абсолютно преобладают, исключения редки.

Таковыми редкими исключениями являются также написания произносимых согласных, например: *чувство, праздник, лестница*.

В СУФФИКСАХ

Гласные

-тель:	победитель, правитель, родитель;
-очк(а):	вёсточка, веточка, карточка, кисточка;
-есть:	гóресть, све́жесть, всхо́жесть, тяже́сть;
-ечк(а, о):	ду́шечка, се́мечко, окóшечко, Óлечка;
-еньк(а):	ма́менька, ду́шенька, Ва́ренька, Ни́коленька;
-ёнок (-онок):	гусе́нок, котёнок; волчо́нок, галчо́нок;
-ище:	убе́жище, учи́лище, сокрови́ще;
-ево:	ва́рево, ку́рево, кру́жево;
-ень:	обороте́нь, о́ползень, прóлежень, увале́нь;
-оват-:	глухова́тый, серова́тый, сучкова́тый;
-овит-:	ледова́тый, плодова́тый;
-еват-:	коричнева́тый, рыжева́тый, кудрева́тый;
-еск-:	аркти́ческий, вра́жеский, полити́ческий;
-енн-:	воинстве́нный, госуда́рственный, му́жестве́нный;
-ыва-:	запи́сывать, зага́дывать;
-ова-:	заве́довать, пропове́довать.

Бесповерочно написание буквы *е*, обозначающей соответствующий безударный гласный в сравнительной степени прилагательных и наречий: *больше, ниже, тише, хуже*.

Бесповерочно также написание буквы *е*, обозначающей соответствующий безударный гласный в суффиксе наречий: *внѣшне, внутренне*—и в суффиксе сравнительной степени: *позднѣе, позже*.

Согласные

-ви-ий	(суффикс действительных причастий прошедшего времени): <i>сделавший, читавший, сбежавший</i> ;
-в	(суффикс деепричастий): <i>постановив, решив, сказав</i> ;
-ск-	<i>светский, советский, июньский, полтавский</i> ;
-ство-	<i>авторство, учительство, щегольство, соседство</i> ;
-жды	<i>дважды, трижды</i> .

В ПРИСТАВКАХ

Гласные

<i>чрез-</i> (<i>чрес-</i>)	<i>чрезвычайный, чрезмерный</i> ;
<i>низ-</i> (<i>нис-</i>)	<i>ниспровергать, низвергнуть</i> ;
<i>пред-</i>	<i>предписать, предпосылать, предрешить</i> ;
<i>ре-</i>	<i>реконструировать, реорганизовать, репатриировать</i> ;
<i>про-</i> ¹	<i>профашистский, проимпериалистический</i> .

В списке приставок с неповерочными гласными у М. Н. Петерсона указана и приставка *пре-* со следующими иллюстрациями: *превозйти, превысить, преклониться, преобладать, премудрый, престарелый*². Оче-

¹ *Про-* от лат. *pro*—в пользу кого, в защиту кого (эта приставка омоним русской приставки *про-*, имеющей другие значения. Ср. *просеивать, пролетать* и т. д.). Как известно [о] в заимствованных словах может звучать и в безударном положении (ср. *бонтон, досье, Торез* и др.). По-видимому, часть говорящих по-русски все же произносит [о] (не [а]) в этой заимствованной приставке.

² М. Н. Петерсон. Система русского правописания. М., 1955, с. 90.

видно, приставочный звуковой комплекс *пре-* со значением высшей степени качества или действия М. Н. Петерсон считает лишь омонимом звукового комплекса *пере-*, совпадающего по значению с приставкой *пере-*, и, следовательно, эти два „*пре-*“ разными приставками. В настоящее время считается, что единая приставка *пре-* имеет эти два основных значения, не распадаясь при этом на две омонимичные приставки¹. При такой установке написание *е* в приставке *пре-* можно считать проверяемым: *прéданный*, *прéрванный*².

Ударяемые гласные находим и в приставке *пере-*: *перéбранный*, *перéгнанный*, *перéгну́тый*, *пéревязь*, *пéрепись*.

Согласные

ис- (*из-*); *бес-* (*без-*); *рас-*, *рос-* (*раз-*, *роз-*); *нис-* (*низ-*); *чрес-* (*чрез-*).

Написание конечных согласных в перечисленных приставках непроверяемо (см. выше, стр. 202).

В ОКОНЧАНИЯХ

Гласные

Бесповоротны написания гласных букв, обозначающих соответствующие безударные гласные в окончаниях:

а) им. п. ед. ч. прилагательных муж. рода: *добр-ый*, *тих-ий*, *син-ий*;

¹ См.: „Правила русской орфографии и пунктуации“. М., 1956, § 16. См. также: „Словарь современного русского литературного языка“, т. 11. М.—Л., 1961, с. 65—66.

² Ударяемым может быть [и] и в приставке *при-*: *при́бранный*. Как известно, правописание приставок *пре-* и *при-* является одним из очень трудных случаев русского правописания. Они плохо различимы на слух (ввиду распространенности иканья, т. е. произношения [и] на месте орфографического *е* в предударном слоге). Проверка произношением (*прéданный*, *при́бранный*) здесь мало помогает, так как нужно уметь выбрать одну из двух приставок по значению. Для правильного письма путь выбора этих приставок по значению является более продуктивным.

б) им. п. мн. ч. прилагательных: *добр-ые, тих-ие, син-ие*;

в) им. п. мн. ч. существительных на *-енок, -онок*: *теля́та, медвежа́та*;

г) им. п. мн. ч. существительных на *-анин, -янин*: *горожа́не, крестья́не*;

д) им. п. ед. ч. десяти существительных на *-мя*: *бремя, время, вымя, знамя, имя, пламя, племя, семья, стремя, темя*;

е) 2-го лица мн. ч. глаголов: *ходи́те, чита́ете*;

ж) мн. ч. формы повелительного наклонения: *ходи́те, сиди́те*.

Согласные

Бесповерочные написания согласных:

в окончаниях 2-го и 3-го лица ед. ч. глаголов: *ид-еишь, ид-ет¹*;

в окончаниях род. п. мн. ч. прилагательных мужского рода: *сто-л-ов*;

в окончаниях род. п. ед. ч. прилагательных форм мужского и среднего рода: *пуст-о́го, син-его*.

„Соединительные гласные“

Бесповерочным является написание так называемых соединительных гласных *о* и *е* в русских словах: *водопротво́д, животновото́д, земледе́лие, земле-трясе́ние*, используемых при образовании сложных слов. Ср. в заимствованных словах: *психоло́гия—психоло́г*.

¹ Написание конечной согласной *т* в окончании 3-го лица ед. ч. глаголов (*идет*) не может быть проверено формой *идете* (где согласная *т* оказывается перед гласной), так как написание „сомнительной“ буквы проверяется написанием соответствующей буквы только в том же самом (по значению) суффиксе, в том же самом окончании и т. д.; окончание же 2-го лица мн. ч. (*идете*)—это уже другое окончание, а именно окончание *-те* (а не только *-е*). То, что в этом случае обычно не делают ошибок (не пишут „иде́жь“, „иде́д“), объясняется распространенностью окончаний *-еишь, -ет* и привычкой к их графическому облику.

НАПИСАНИЕ ГЛАСНЫХ, А ТАКЖЕ БУКВЫ *ы* ПОСЛЕ ШИПЯЩИХ.

НАПИСАНИЕ ГЛАСНЫХ ПОСЛЕ *ц*

Гласные после *ж, ш, ц*

Написание буквы *и* после *ж, ш, ц* в теории орфографии считается и не проверяемым¹ и не определяемым произношением². Написание буквы *и*, действительно, нельзя считать определяемым произношением, так как это написание нефонетическое: пишем *жизнь, шип, цирк*, а произносим „жызнь“, „шып“, „цырк“. Эти написания нельзя считать опорными в первом значении этого слова, поскольку написание буквы *и* определяется в этих случаях не только произношением, но и условными правилами: „После *ш* и *ж* не пишется *ы*, а пишется *и*“ („Правила . . .“, § 1); „После *ц* буква *ы* пишется в окончаниях и в суффиксе *-ын*, например: *птицы, овцы и овцы, огурцы, белолицый, сестрицын, лисицын*, а также в словах *цыган, цыпленок, на цыпочках, цыц* (междометие) и в других словах того же корня. В остальных случаях после *ц* пишется всегда *и*, например: *станция, цибик, циновка, цимбалы, цинк, медицина*“ („Правила . . .“, § 2).

После *ц* может быть употреблена и буква *ы*: на *цыпочках, цыц*. Это написание фонетическое, но и его нельзя считать определяемым только произношением, поскольку в аналогичных случаях возможно написание *и*: *цирк* и под. Написание *ы* после *ц*, хотя оно и фонетическое, при передаче буквой *ы* ударенного звука [ы] определяется не только произношением, но и теми же специальными правилами.

Таким образом, полностью положиться здесь на произношение, как мы полагаемся при написании слов *дом, зал, мел* и т. п., нельзя. Но все же даже при написании буквы *и* учитывается и произношение: буква *и* пишется, если произносится ударенный звук [ы]: пишется *жизнь*, а не „жознь“, „жузнь“, „жезнь“ и т. п. Написание *и*, таким образом, определяется наполовину произноше-

¹ См.: А. Н. Гвоздев. Основы русской орфографии, изд. 3. М., 1951, с. 62.

² Там же, с. 55.

нием и наполовину условным правилом. При обозначении же безударных гласных после шипящих, когда написание буквы *и* „сомнительно“, написания типа *жизнь*, *шип*, *цирк* могут привлекаться для опоры (как опорные во втором значении этого слова): следует писать *живо́й* (а не „жевой“), так как пишем *жизнь*; *шипово́й* (а не „шеповой“), так как *шип*; *цирково́й* (а не „церковой“), так как *цирк*. Поэтому написание *и* для обозначения соответствующих безударных гласных после шипящих и *ц* вряд ли правильно безоговорочно считать бесповоротными. В тех случаях, когда для проверки, „для опоры“, могут быть привлечены написания с буквой *и*, обозначающей ударный гласный [ы], написание с буквой *и*, обозначающей соответствующий безударный гласный, можно считать условно проверяемыми. Написание *и* в таких случаях можно приравнять к написаниям букв *а*, *у* после мягких шипящих: употребление этих букв (*чаща*, *чудо* и т. п.) тоже условно (могли бы быть написаны буквы *я*, *ю*). Указанное написание букв *а*, *у* в словах *чаща*, *чудо* (и т. п.) отличается от написания букв *и* после шипящих и *ц* тем, что оно является фонетическим. Способ же проверки употребления „сомнительных“ букв *и* в том и в другом случае одинаков; однако возможность практической проверки правильности написания буквы *а* в слове *частота* (*ча́стый*) „Правилами...“ предусмотрена (§ 11), а способ проверки типа *шиповой* (*шип*) не указывается. Между тем такой способ проверки очень важен, так как слепое следование правилам о том, что „после шипящих всегда пишется *и* и не пишется *ы*“, а „после *ц* в корне по исключению пишется *ы* только в словах *цыган*, *цыпленок*, *на цыпочках*, *цыц* (и однокоренных)“ может спровоцировать ошибочные написания „жистикуюляция“, *жистянка*“, „шистерня“, „цилевой“ и под.

Написание буквы *и*, обозначающей соответствующий безударный гласный после шипящих и *ц*, может быть и бесповоротным, но только в таких же случаях, в каких оно бывает и после других согласных, а именно тогда, когда нельзя подобрать варианта с написанием буквы *и*, обозначающей соответствующий ударный гласный. Так, бесповоротны, например, написания *жира́ф*, *шимпанзе́*, *шине́ль*, *цивилизáция* и под. (ср. бесповоротные написания после других согласных: *сире́нь*, *пиджа́к* и т. д.).

Написание букв *о* и *е* после шипящих для обозначения ударного гласного [о] в теории орфографии так же, как и написание *и* после шипящих, считается и не проверяемым¹ и не определяемым произношением². Эти написания, действительно, нельзя считать определяемыми произношением (опорными в первом значении этого слова), так как употребление букв *о* и *е* после шипящих определяется не только произношением, но и условными правилами (см. § 4 „Правил. . .“). При одинаковом произношении пишем *шо́ры*, но *ше́лк*, *чо́хом*, но *че́рт* и т. д. При обозначении ударенного [о] после шипящих положиться только на произношение нельзя. И все же, как и при написании *и*, здесь учитывается произношение: мы не пишем „шу́ры“ вместо *шоры* или „шулк“ вместо *шелк*.

При обозначении же безударных гласных после шипящих, когда „сомнительным“ является написание буквы *е*, написания типа *шелк* могут привлекаться для проверки (как опорные во втором значении этого слова, так как на них опираются при проверке): пишется *шелкови́стый* (а не „шилковистый“), так как пишем *шелк*.

Поэтому написание буквы *е*, обозначающей соответствующий безударный гласный после шипящих, можно считать условно проверяемым.

Буква ь после шипящих

Написание буквы *ь* после шипящих всегда является беспроверочным. Оно никак не связано с произношением предшествующего согласного звука.

* * *

Группа беспроверочных написаний, как видим, представляет собой довольно пеструю картину. Но, не смотря на то, что все эти написания нужно запоминать, запоминание многих групп беспроверочных написаний не является трудным.

¹ См.: А. Н. Гвоздев, Основы русской орфографии, изд. 3. М., 1951, с. 62.

² Там же, с. 55.

Легким для запоминания оказывается написание гласных и согласных в часто употребляемых морфемах. Прежде всего это написания согласных в окончаниях ¹, написание гласных и согласных в большинстве суффиксов. В силу повторяемости единый графический образ многих суффиксов запоминается не только легко, но и прочно. Сравнительно легко усваивается написание мягкого знака после шипящих, поскольку в большинстве случаев его употребление связано с определенными грамматическими категориями (см. об этом выше, с. 186). Нетрудно также для запоминания традиционное написание *и* после *ж*, *ш* (оно сохранилось с тех времен, когда *ж* и *ш* были мягкими и после них произносился гласный [и]). Труднее написание *и* после *ц*, поскольку после *ц* пишется не только буква *и*, но и буква *ы*.

Все двувариантные написания, безусловно, труднее одновариантных. К числу трудных следует отнести двувариантные написания *о* и *е* после шипящих: *же*—*жо*, *ше*—*шо*, *че*—*чо*, *ще*—*що*; их написанию, правда, помогают определенные морфологические аналогии (см. выше, с. 153). Не всегда оказывается простым написание соединительных гласных, поскольку за соединительные гласные часто принимают конечные гласные (*а* или *и*) основы первого слова (например, в словах *богадельня*, *сумасшедший*, *десятилетний*) или гласные в суффиксах простого слова (например, в словах типа *электрификация*) и ошибочно вместо *а* и *и* пишут *о* и *е*. Соответственно, вместо *е* пишут *и* (например, по аналогии с *десятилетний* пишут неверно „десятиричный“, где *е* входит в состав суффикса. Ср. *пятеро*) и т. п.

Но наиболее трудными среди бесповоротных написаний оказываются написания безударных гласных в корне, так как ряды слов здесь незамкнуты, правописание почти каждого слова определяется в словарном порядке. Бесповоротные написания согласных в корне дают меньшее количество ошибок, так как бесповоротных написаний согласных меньше, чем бесповоротных написаний гласных. Кроме того, согласные в русском языке чаще пишутся фонетически, чем нефонетически. Бесповоротные традиционные написания гласных в корне оказываются более

¹ Написания согласных в окончаниях нетрудны еще и потому, что они чаще фонетические.

легкими в тех случаях, когда среди бесспорных написаний можно уловить все же определенные закономерности. Так, во многих случаях бесспорны написания русских полногласных форм типа *молоко́, морбз, по́рох, обморок* и т. п. Однако эти написания стоят в одном ряду с проверяемыми написаниями русских полногласных форм типа *голова́, мблод, голо́дный, сторона́, ворбта, стброж* и т. п., воспринимаются на их фоне и пишутся целиком как полногласные сочетания *-оро-, -оло-*.

Особенно часто оказываются бесспорными написания гласных в заимствованных словах. Для того чтобы понимать и лучше запомнить правописание того или иного заимствованного слова, нужно знать его происхождение и значение. Например.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ НАПИСАНИЯ

Анахронизм—1) хронологическая неточность; 2) явление, взгляд, поступок и т. п., отжившие для своего времени.— Греческ., от *aná*—назад, *chrónos*—время.

Гуманизм—1) прогрессивное течение эпохи Возрождения (XIV—XVI вв.); 2) чуткое, проникнутое уважением к человеческой личности отношение к людям.— От лат. *humanus*—человеческий.

Каротель—сорт столовой моркови с коротким округленным корнем.—От франц. *carotte*—морковь.

Маринист—художник, рисующий картины, изображающие морской вид.—Франц. *mariniste*, от *marin*—морской.

НЕФОНЕТИЧЕСКИЕ НАПИСАНИЯ

Антология—сборник избранных произведений.— Греческ., от *antos*—цветок и *légo*—собираю.

Панора́ма—вид местности, простирающийся на далекое пространство.—От греч. *pan*—всё и *órama*—вид, зрелище.

Среди бесспорных написаний, так же как и среди проверяемых произношением написаний, есть дифференцирующие написания различного происхождения. Так, специально закреплены стихийно установившиеся 1) написание существительного *поджог* в отличие от глагольной формы прошедшего времени *поджег*. Опорной формой для

написания *е* в слове *поджѣг* является форма *поджечь*, написание существительного *поджог* условно; 2) написание наречия *вечѣр* в отличие от существительного *вечер*. Опорной формой для написания *е* в слове *вечер* является прилагательное *вечѣрний*, написание наречия *вечор* условно.

Дифференцирующими могут быть бесповоротные написания, объясняемые различной этимологией слов. Ср. *валюта* и *волюта*. Общеизвестное слово *валюта* происходит от итальянского слова *valuta*—цена, стоимость, в свою очередь происходящего от латинского *valere*—стоять. Ср. слово *волюта*: „Бегут на берег волны, закручиваясь голубыми прозрачными *волютами*“ (Д. В. Григорович). Основное значение этого слова—скульптурное украшение, состоящее из двух спиралевидных завитков на капители ионической колонны (у Д. В. Григоровича—образное употребление), происходит оно от латинского слова *voluta*—скрученная.

ИТОГИ ОБ ОТНОШЕНИИ ПРАВОПИСАНИЯ К ПРОИЗНОШЕНИЮ. НЕОБХОДИМОСТЬ УЧЕТА ГРАММАТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

По подсчетам А. Н. Гвоздева, опорных написаний в русском языке—71,4%, косвенно проверяемых произношением—20,2%, бесповоротных—8,4%¹. Эти подсчеты показывают, как велики возможности проверки написаний произношением.

При всей очевидности больших возможностей проверки написания произношением, несомненно и то, что в конечном итоге (по окончании процесса обучения правописанию в связи с произношением и на его основе) письмо грамотного человека становится в значительной степени письмом „образами“, или, иначе, „портретами“ единых по значению корней, приставок, суффиксов, окончаний. Однако в силу морфологического характера русской орфографии, у пишущего не исчезает необходимость учитывать при письме языковые грамматические связи и отношения, причем степень необходимости этого учета различна для правописания разных частей слова. Это объясняется тем, что различны по своей природе сами „образы“

¹ См.: А. Н. Гвоздев. Основы русской орфографии, изд. 3. М., 1951, с. 67.

корней, приставок, суффиксов, окончаний. Они образуют как бы два противоположных друг другу ряда. С одной стороны, это образы корней, с другой — образы служебных морфем: приставок, суффиксов, окончаний. Разделение на эти два ряда связано с разнородностью значений языка. Языковые значения, как известно, делятся на реальные и грамматические. Реальные значения имеют корни слов, служебные же морфемы имеют абстрактные грамматические значения. На эти два рода написаний особое внимание обращал А. М. Пешковский¹.

Таким образом, для правописания служебных морфем, кроме учета произношения и опоры на него, особенно необходимы грамматические знания. Различная связь с грамматикой по-разному отражается и в правилах правописания.

Правила современной орфографии можно разделить на три группы: а) правила чисто орфографические; б) правила фонетико-орфографические (или произносительно-орфографические) и в) правила грамматико-орфографические.

Чисто орфографическими правилами являются, например, правила правописания безударных гласных корня (*водá* как *воды́*, *добря́к* как *дóбрый* и т. д.). Орфографическим, и даже с уклоном в графическое, является, например, правило, закрепляющее постоянное написание буквы *и* (на месте произносимого [ы]) после шипящих.

К фонетико-орфографическим правилам относится, например, правило, согласно которому в родительном падеже множественного числа от существительных на *-ня* с предшествующей согласной или *й* буква *ь* не пишется: *вишен*, *боен* и т. д. Но пишется в словах: *деревень*, *барышень*, *кухонь* („Правила...“, § 74, п. 2). В силу определенного произношения здесь нельзя отменить „исключение“ о написании мягкого знака в формах *деревень*, *кухонь*, *барышень* и писать их так же, как пишем формы: *вишен*, *сотен* и т. д. Наоборот, нельзя писать букву *ь* в формах „басень“, „вишень“, „спалень“, „сотень“, „боень“ (как в *деревень*). Мягкие и твердые

¹ А. М. Пешковский. Правописание и грамматика в их взаимоотношении в школе. В кн.: А. М. Пешковский. Избранные труды. М., 1959, с. 66.

согласные противопоставлены в русском языке (ср. *кон* и *конь*, *мол* и *моль* и т. д.), и написание „деревен“, равно как и „сотень“, искажило бы литературное произношение. Фактически это правило языка, а не орфографии.

Грамматико-орфографическими правилами являются правила о правописании окончаний, в частности окончаний существительных и глаголов.

Так, совершенно одинаково произносятся безударные окончания, обозначаемые буквами *е* и *и*. Ср. в *кроватьке*, но в *кроватьи*. Пишем же по-разному здесь потому, что слово *кроватька* 1-го склонения (как *зима*. Ср.: *зимё*), а *кровать* 3-го склонения (как *печь*. Ср.: в *печи*).

Могут одинаково произноситься по-разному пишущиеся безударные окончания глаголов. Для того чтобы не ошибиться в их написании (написания являются здесь внешним показателем спряжения), принято узнавать спряжение глагола по неопределенной форме (ибо между спряжением глагола и его неопределенной формой есть определенное соответствие).

Написание глагольных окончаний не является чисто орфографическим вопросом, так как глагольные окончания, выражающие значение числа, лица, времени и наклонения, тесно спаяны с различными словообразовательными классами и группами глаголов. Орфография здесь лишь внешнее проявление морфологии глагола.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Теория фонем и ее практическое применение. — В кн.: Р. И. Аванесов. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974, с. 71—78.

Ветвицкий В. Г., Иванова В. Ф., Моисеев А. И. Современное русское письмо. Пособие для учителей. М., 1974.

Ветвицкий В. Г., Иванова В. Ф., Моисеев А. И. Современное русское письмо. Факультативный курс. Пособие для учащихся. М., 1974.

Гвоздев А. Н. Основы русской орфографии, изд. 4. М., 1954; то же в кн.: А. Н. Гвоздев. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963, с. 123—251.

Моисеев А. И. Фонетика. Орфография. Морфология. М., 1975.

Петерсон М. Н. Система русского правописания. М., 1955.

Пешковский А. М. Правописание и грамматика в их взаимоотношениях в школе. В кн.: А. М. Пешковский. Избранные труды. М., 1959, с. 63—74.

ГЛАВА III

РАЗЛИЧИЯ В ПОНИМАНИИ ВЕДУЩЕГО ПРИНЦИПА РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЕДУЩЕГО ПРИНЦИПА РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ КАК ФОНЕМНОГО

Как в истории правописания, так и в методике его преподавания давно признано, что ведущим принципом русской орфографии является морфологический. Однако в последние годы выдвинута новая теория о фонематическом (или, что то же, фонемном) принципе русской орфографии. В основе нового истолкования ведущего принципа нашего правописания лежит одна из фонематических теорий.

В учении о фонеме в пределах Советского Союза наметилось два основных направления: так называемое Ленинградское, или Щербовское (по имени Л. В. Щербы, внесшего крупный вклад в разработку учения о фонеме), и Московское (Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, В. Н. Сидоров, А. А. Реформатский и др.)¹. Существование нескольких фонологических школ (Московской, Ленинградской, а также глоссематиков и Пражской школы фонологов) обусловлено сложностью и многосторонностью

¹ Разделение школ на Ленинградскую (ЛФШ) и Московскую (МФШ) не является территориальным. Щербовского направления придерживаются не только ближайшие ученики Л. В. Щербы (профессора Ленинградского университета Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич) и другие ленинградские ученые, но и ученые других городов. Так, с позиций щербовского направления написаны все статьи, книги и учебники А. Н. Гвоздева (г. Куйбышев).

самого языкового материала и расхождениями в исходных теоретических положениях фонологов¹.

Изложенное в главе II понимание морфологического принципа как ведущего принципа русской орфографии основывалось на том понятии фонемы, которого придерживаются ученые Щербовского фонологического направления.

Определение же ведущего принципа русской орфографии как фонемного основывается на том понятии фонемы, которого придерживаются ученые Московской фонологической школы.

Для того чтобы показать указанное различие в определении ведущего принципа русской орфографии, необходимо показать то различие в определении понятия фонемы, которое приводит к различным позициям в отношении орфографических вопросов.

Фонема—в соответствии с ее определением и пониманием в Щербовском фонологическом направлении—может быть охарактеризована следующим образом.

Фонема—минимальная звуковая единица языка, имеющая одновременно и абстрактный и конкретный характер. Фонема абстрактна, поскольку она не имеет однозначной артикуляторно-акустической характеристики. В разных фонетических позициях фонема подвергается модификациям (видоизменениям) и проявляется, таким образом, в разных своих аллофонах, или, иначе, оттенках (ср. звуки [а], [л], и [ъ], являющиеся аллофонами фонемы |а|). Фонема конкретна, поскольку аллофоны, в которых она проявляется в разных фонетических положениях, имеют определенную артикуляторно-акустическую характеристику. Основной (типичный) оттенок фонемы произносится в наиболее независимом фонетическом положении: таким положением является, в частности, изолированное произнесение. Фонема (по Ленинградской фонологической школе)—это не „звуковой акустический тип“, как об этом часто пишут. В иногда употребляемом в ленинградской фонологии выражении „звуковой тип“ (но не акустический!) слово „звуковой“

¹ Подробнее о причинах разных точек зрения на фонему см. в кн.: Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка (М., 1956, § 16). О глоссематиках и о Пражской школе лингвистов см. в кн.: „Основные направления структурализма“, под ред. М. М. Гухман и В. Н. Ярцевой (М., 1964).

при определении фонемы нужно понимать не как „объединяемый акустическим или артикуляционным сходством“, а просто как относящийся к звуковой стороне языка (Ю. С. Маслов¹). Отождествление звуков в качестве материальных представителей определенных фонем происходит не на основе сходства или несходства звуков самих по себе: впечатление сходства даже при его реальном отсутствии создается фонемной принадлежностью звуков; акустическое сходство вторично по сравнению с лингвистической общностью. Так, например, выделенный из слова с помощью специальной аппаратуры и записанный на магнитную ленту гласный звук, обозначаемый буквой **я**—в позиции между мягкими согласными,—например в слове *мять*, нередко опознается вне слова не как [а], а как [э], однако, произносимый в слове *мять*, он определяется как фонема |а|, ибо по функции словоопознавания и словоразличения это |а| противопоставлено фонемам |о|, |у|, |э|, |и|. Ср. наиболее близкое по звучанию, но отличное по смыслу от слова *мять* [м'ат'] слово *медь* [м'эт']. Они различаются фонемами |а| и |э|.

Даже сама теория фонемы началась с утверждения, что акустические различия не означают различия языкового. И. А. Бодуэн де Куртенэ определил это общее положение как несовпадение физических свойств звуков с тем, чем они являются в „чутье народа“. Конкретно же положение о том, что фонетическое сходство звуков само по себе не определяет их как оттенки одной фонемы, проиллюстрировал Л. В. Щерба на ставших классическими примерах с разными [э] в русском и французском языках.

Фонемы являются минимально линейно выделяемыми языковыми единицами звучащей речи. Их выделение в потоке речи оказывается возможным потому, что фонема как звуковая единица может быть потенциально связана со смыслом. Положение о потенциальной связи фонемы со смыслом на основе совпадения ее по объему с морфемой было выдвинуто Л. В. Щербой².

¹ Ю. С. Маслов. Введение в языкознание. М., 1975, с. 62.

² См.: Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958, с. 128 и след.

Выделенные в потоке речи на основе потенциальной связи со смыслом, фонемы оказываются самостоятельными, автономными единицами¹. Самостоятельность фонем проявляется в том, что фонема, например |ш|,— это не только элемент слов *шар, шум, мышь* и т. п., но и просто |ш| русского языка сам по себе...

В соответствии с такой точкой зрения фонемный состав конкретного слова всегда может быть определен однозначно.

„Фонемы—это минимальные единицы звукового строя языка, служащие для складывания и различения значимых единиц языка“. Так определяет фонему А. А. Реформатский (Московская фонологическая школа)².

В определении самого понятия фонемы, а именно как минимальной звуковой единицы языка, между Ленинградской и Московской школами фонологов нет разногласий.

Принципиальные расхождения между ними касаются определения фонемной принадлежности звуков слабой позиции.

В щербовском фонологическом направлении фонемная принадлежность звуков слабых позиций определяется на основе их собственных различительных признаков. Так, фонемой |а| является как ударное [а] в слове *сам*, так и безударный звук [л] в слове *сама*. Фонемой |а| является также и безударный звук [л] в родительном падеже слова *сом—сома* [слма]. В слове *рос* [рос] конечное [с] является, как и звук [с] в слове *роса*, фонемой |с|. В слове *роз* [рос] конечное [с] также является фонемой |с|. Именно потому, что фонемный состав слов *сома* |сама| и *сама* |сама|, *роз* |рос| и *рос* |рос| тождествен, эти слова в устной речи (если этому не помогает контекст) мы не различаем. Ср. отрывок из романа „Буря“ И. Эренбурга: „Генерал сказал Сергею: „Вас требует командующий—КП у них при въезде в город напротив кладбища *Рос*“. Сергей невольно улыбнулся:

¹ Самостоятельность, автономность, независимость фонем не следует понимать так, будто система фонем существует сама для себя. Система фонем существует для обслуживания лексики и грамматики (языка в целом), фонемы функционируют не сами по себе, а в составе словоформ.

² См.: А. А. Реформатский. Введение в языковедение, изд. 4, М., 1967, с. 211.

„Поэтическое название. Здесь, правда, много *роз*“. Генерал тоже улыбнулся: „*Розы* чудесные... Только кладбище не *Роз*, а *Рос*. Не знаю, почему так назвали, может быть, *роза* там особенная“.

В омонимичных словоформах *роз* и *рос* звук [с] является оттенком фонемы |с|: в конце слова звук [с] противостоит оттенкам всех глухих фонем, кроме |с|. У фонемы |с| признак глухости не противопоставлен в слабой позиции признаку звонкости, но в системе языка противопоставление глухих и звонких фонем является более существенным фактом, чем отсутствие этого противопоставления в отдельных случаях. Таким образом, можно сказать, что „звуки слабых позиций по своей лингвистической природе не отличаются от звуков сильных позиций: и те, и другие выполняют образующую и опознавательные функции“¹.

Согласно тому пониманию фонемы, которое предлагают ученые МФШ, звуки слабых позиций объединяются в одну фонему не по их собственным различительным признакам, а по их функционированию в составе морфемы. Если морфема остается тождественной сама себе, то звуки, сколь различно они ни произносились бы, оказываются одной и той же фонемой. Так, фонемой |о| оказывается не только ударный звук [о] в слове *сом*, но и безударное [а] в родительном падеже слова *сом*—*сомá* [слма́]. Это не значит, конечно, что московские фонологи считают, будто бы в слове *сомá* [слма́] якобы звук [о]. Нет, конечно. Здесь звук [л], но он является, по Московской фонологической школе, лишь позиционным вариантом фонемы |о|, т. е. фонемой |о|. Для определения того, какой фонемой в слове *сомá* является безударный гласный корневой морфемы, его нужно поставить в сильную позицию, т. е. под ударение—*сóm*.

Для того чтобы определить, какая фонема в конце звучащего комплекса [рос], нужно соотнести его либо с формой *росы*, либо с формой *розы* (по смыслу). Поэтому конечный звук [с] в звуковом комплексе [рос] оказывается то фонемой |с|: *рос*—*росы*, то фонемой |з|: *роз*—*рóзы*.

¹ Л. Л. Буланин. Фонетика..., с. 14.

Таким образом, на конце слов *роз* [рос] и *рос* [рос], по Московской школе, разные фонемы, а именно фонемы [з] и [с]; по Ленинградской—в обоих случаях фонема [с].

Такие позиционные изменения, как [о]—[л]: *сом*—*сома* [слама]; [з]—[с]: *рбзы*—*роз* [рос], не нарушая единства морфемы, не нарушают, по Московской школе, и единства фонемы, так как [л] здесь лишь вариант фонемы [о], т. е. позиционно преобразованная фонема [о]; [с]—это лишь вариант фонемы [з], т. е. позиционно преобразованная фонема [з]¹. При таком подходе фонема (в слабой позиции) является словоразличителем лишь в письменной форме речи. На письме слова *роз* и *рос*, действительно, спутать нельзя.

По Ленинградской школе, в приведенных примерах усматривается чередование различных фонем:

[о]—[а]: *сом*—*сома* |сама|;
[з]—[с]: *рбзы*—*роз* |рос|,

не передаваемое на письме в целях сохранения графического единообразия морфем.

Таким образом, если исходить из взглядов сторонников в Ленинградской фонологической школы на фонему, ведущий принцип нашей орфографии нельзя назвать фонемным. Мы пишем *роз* [рос], *сома* [слама], где буквы *з* и *о* пишутся вопреки фактическому произношению звуков [с] и [л], являющихся, согласно Л. В. Щербе, фонемами [с] и [а]. Ведущий принцип

¹ Приведенное толкование принадлежности звуков слабых позиций к фонемам носит название „теории вариантов“. Подробное ее изложение см. в „Очерке грамматики русского литературного языка“ Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова (М., 1945).

В настоящее время некоторые сторонники этой теории несколько изменили свой взгляд на фонему. В частности, Р. И. Аванесов в книге „Фонетика современного русского литературного языка“ (М., 1956) различает фонему в узком значении, называемую им сильной фонемой (это звуки сильных позиций—„основной вид фонемы“ и ее „вариации“), и фонему в более широком значении (это звуки слабых позиций (варианты) во главе с „основным видом фонемы“). Фонему в широком понимании он называет „фонемным рядом“. Важным звеном последнего является слабая фонема,

русской орфографии, придерживаясь щербовской трактовки фонем, можно называть фонемным лишь по уровню обозначаемых буквами звуковых единиц, а именно — фонем, однако фонемным является все же принцип самого письма, а не орфографии¹.

Написания типа *сома*, *роз* можно называть фонемными в орфографическом смысле лишь с точки зрения сторонников Московской фонологической школы, так как, по Московской школе, в слове *сома* [слма] буква *о* передает фонему [о] (последняя определяется по сильной позиции — *с^ом*), а в слове *роз* [рос] буква *з* передает фонему [з] (последняя определяется по сильной позиции — *ро^зы*).

Понятие фонемного принципа применительно к орфографии выведено в 1930 г. Р. И. Аванесовым и В. Н. Сидоровым. Авторы называют этот принцип фонологическим². О фонемности нашего письма говорил еще в 1928 г. Н. Ф. Яковлев³, однако он не писал о фонемном принципе орфографии.

Теория фонематического характера русского правописания развернутым образом впервые изложена в статье И. С. Ильинской и В. Н. Сидорова „Современное русское правописание“⁴.

Определение фонематического принципа находим у А. А. Реформатского: „Фонематический принцип письма состоит в том, что каждая фонема выражается той же самой буквой, независимо от позиции, в которую она попадает; например, *дуба* и *дуб* пишутся одинаково, хотя произносятся по-разному: в форме *дуба* — -б-, т. е. звон-

¹ Сочетая указание на уровень обозначаемых звуковых единиц и указание на морфологические аналогии, в соответствии с которыми выбираются буквы в морфологической орфографии, ее ведущий принцип можно называть фонемно-морфологическим.

² См.: Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка. „Русский язык в школе“, 1930, № 4.

³ См.: Н. Ф. Яковлев. Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории). В кн.: А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

⁴ И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров. Современное русское правописание.— „Ученые записки кафедры русского языка Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина“, т. XXII, вып. 2. М., 1953.

кая согласная, а в форме *дуб* в конце слова эта согласная оглушается¹.

В результате получается, что морфема, поскольку она (по Московской фонологической школе) содержит одни и те же фонемы, пишется одинаково. Поскольку же морфемы пишутся одинаково, можно было бы и с позиций Московской фонологической школы считать, что ведущим принципом нашей орфографии является морфологический. Ср. определение ведущего принципа нашей орфографии в одной из статей Р. И. Аванесова. „Как известно, морфологический принцип является основным в русском правописании. Сущность его заключается в том, что буква служит знаком не для звука, как такового, а для фонемы со всеми вариантами, или, иначе, фонемного ряда“².

Однако название „морфологический принцип“ считается сторонниками фонемного истолкования русской орфографии лишь „упрощенным названием фонемного принципа“³. Естественным продолжением такой концепции является в конечном итоге полный отказ даже от термина „морфологический принцип“. „У нас вовсе не морфологическое письмо“⁴, — пишет М. В. Панов.

Теоретическая аргументация того положения, что ведущим принципом нашей орфографии является не морфологический, а фонематический (в соответствии с рассматриваемым пониманием фонемы), основана на факте имеющихся в русском письме исторических чередований и передаче их на письме: *рука—ручка, друг—дружеский, муха—мушка* и т. п.⁵. В подобных случаях, дей-

¹ А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1967, с. 373. В приведенном определении точнее было бы употребить не слово „письмо“, а „орфография“.

² Р. И. Аванесов. О правописании приставок на *з* в связи со смежными вопросами. Сб. „О современной русской орфографии“. М., 1964, с. 117.

³ М. С. Бунина, И. А. Василенко, И. А. Кудрявцева, М. В. Панов. Современный русский язык. Сборник упражнений, изд. 2, доп. М., 1961, с. 97.

⁴ М. В. Панов. И все-таки она хорошая. Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М., 1964, с. 110.

⁵ См.: М. С. Бунина, И. А. Василенко, И. А. Кудрявцева, М. В. Панов. Современный русский язык. Сборник упражнений, изд. 2, доп. М., 1961, с. 97; М. В. Панов. И все-таки она хорошая. М., 1964, с. 110—112.

ствительно, морфемы пишутся не единообразно. Однако написание букв *ч* (*ручка*), *ж* (*дружеский*), *х* (*муха*) и не подлежит ведению орфографии (см. выше, с. 170). Поскольку наше письмо фонемное, то совершенно фантастичны те написания, которые конструируются как якобы последовательно морфологические сторонниками Московской фонологической школы: *песок*, *песоканный*, *песока*, *песокек*, *песокека* (т. е. *песок*, *песчаный*, *песка*, *песочек*, *песочка*); *люблю*, *любли*, *любльви*, *люблимый*, *влюблен* (читать: *люблю*, *люби*, *любви*, *любимый*, *влюблен*)¹.

Как видим, морфологическому принципу здесь приписывается некое абстрактное графическое единообразие морфем, оторванное от звучащей речи.

В качестве второго аргумента против существования морфологического принципа выдвигается следующее положение. Утверждается, что морфологический принцип не может, якобы дать ответа, каким способом достигнуть единообразной передачи морфем при необозначении на письме позиционных чередований. Утверждается, что с точки зрения морфологического принципа якобы все равно, какую в этом случае писать букву: писать ли *дуб* при произносимом [дуп], как *дубы* (с буквой *б*), или „дупы“, как „дуп“. Об этом говорится так: „Есть и другой вопрос, и на него тоже ничего не может ответить ни один сторонник морфологического письма.“

Пишем *дубы*—и поэтому *дуб* (с *б* в конце). А нельзя ли построить правописание по-другому: писать *дуп*—и поэтому *дупы*? Правда, по привычке, воспитанной нашей орфографией, мы читаем *дупы* со звуком [п]. Но разве трудно воспитать другую привычку; ведь опыт показывает, что одну и ту же букву в разных местах можно прочесть по-разному. Вот и будем писать: *дуп*—последнюю букву читать как *п*; и *дупы*—ту же букву читать как *б*. Почему выбрано одно, а не другое?“²

На этот, якобы „неразрешимый“, с точки зрения морфологического принципа, вопрос так же, как и на вопрос, почему при морфологическом письме обозначаются исторические чередования звуков, совсем нетрудно ответить.

¹ „Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии“. М., 1965, с. 43.

² М. В. П а н о в. И все-таки она хорошая. М., 1964, с. 112.

Наше письмо фонемное (причем, что существенно, не традиционное¹). Фонетическое написание „дуп“ (если бы такие написания вообще были приняты) нельзя выбрать образцом для осуществления единообразного написания морфем (т. е. писать „дупы“ так же, как „дуп“, с буквой *п*), так как [б] в словоформе *дубы* находится в сильной позиции по глухости-звонкости (в этой позиции употребляются и глухие и звонкие согласные) и его обозначение буквой *п* „заменит“ существующую в языке словоформу *дубы* несуществующей „дупы“.

Опять, как видим, морфологическому принципу приписывается абстрактное графическое единство морфемы.

Написание „дупы“ вместо *дубы* принципиально ничем не отличается от написания „ручка“ вместо *ручка*. И в том и в другом случае имело бы место разрушение слова. При подобном написании корней наше письмо превратилось бы в условное идеографическое письмо.

Морфологический принцип вовсе не провозглашает просто „графического единообразия“ в передаче морфем, он не отрывает написание морфем от их звучания. Морфологическое правописание, т. е. правописание на основе применения морфологического принципа, основывается на совершенно определенной связи со звуками. Эта связь покоится на фонемном значении букв русского алфавита. Поэтому слово *дубы* (если мы хотим сохранить это слово как слово) можно писать только в виде *дубы*. Графическое единообразие корневой морфемы в этом случае (и во всех подобных случаях) может быть сохранено единственным способом: можно писать *дуб* (как *дубы*, с буквой *б*). В потоке речи на конце слова *дуб* произносится звук [п], что бы мы ни написали: знак фонемы [б], т. е. букву *б*, или знак фонемы [п], т. е. букву *п*. Иначе говоря, для правильного произношения слова *дуб* в потоке речи безразлично, писать ли его как *дуб* или как „дуп“. Но для обеспечения ясности формально-смысловой связи, существующей между разными формами одного слова (*дуб* и *дубы*), слово *дуб*

¹ Если орфография традиционна, то произношение и письмо могут значительно расходиться. В старом русском письме было довольно значительное количество традиционных написаний, но почти все они были за счет дублетных букв старого алфавита. Традиционные написания идеографического типа (такие, каких много, например, в английском письме) для русского языка никогда не были типичны,

выгоднее писать именно с буквой **б**, тем более что в слове *дуб* может быть произнесен и звук [б]¹. При этом, произнося в слове *дуб* звук [б], мы не теряем этого слова как определенной смысловой единицы речи, как теряем слово *дубы* при произнесении в нем вместо звука [б] звука [п].

Итак, существо морфологического принципа, в соответствии с которым можно писать только *дуб*—*дубы*, заключается в том, что в целях сохранения морфологических аналогий, обеспечивающих ясность и быстроту понимания формально-смысловых отношений в языке, морфемы передаются на письме, несмотря на их различное произношение в потоке речи, по возможности единообразно. А возможности эти определяются реальным фонемным составом слов: расходящееся с произношением написание морфемы возможно в тех пределах, в каких оно не нарушает звучания слова.

Термин „морфологический принцип“ имеет, правда, тот недостаток, что своим названием может создавать впечатление, будто на письме обозначаются не звуковые единицы—фонемы, входящие в состав словоформ (и тем самым—в состав морфем), а будто какие-то отдельные знаки существуют непосредственно для каждой морфемы.

Однако внутренняя форма термина „морфологический“ на самом деле иная: в наименовании „морфологический“ отражен тот факт, что при обозначении последовательно следующих друг за другом фонем согласно действию этого принципа пишущим „владеют“ „морфологические ассоциации“ (по терминологии И. А. Бодуэна де Куртенэ²), или „морфологические аналогии“ (по терминологии В. А. Богородицкого³), или „тенденция к единообразному написанию морфологически-тождественной морфемы“ (по выражению Е. Д. Поливанова⁴).

¹ Об условиях произнесения конечного [б] в слове *дуб* и под. см.: Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1969, с. 57.

² См.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912, с. 82.

³ См.: В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, изд. 5. М.—Л., 1935, с. 30—31.

⁴ См.: Е. Д. Поливанов. О трех принципах построения орфографии, 1937. В кн.: Е. Д. Поливанов. Избранные работы. М., 1968, с. 258.

На особой роли морфемы в русском правописании основано и то, что орфографические правила об обозначении на письме фонем даются применительно к морфеме. Можно, очевидно, сказать, что морфема является специфической единицей орфографических правил. См. названия разделов в „Правилах русской орфографии и пунктуации“ (М., 1956): „Неударяемые гласные в корнях слов, неударяемые гласные в приставках, неударяемые гласные в суффиксах“ и т. д.

Итак, мы видим, что одна и та же закономерность в русском правописании, а именно необозначение на письме позиционных чередований, квалифицируется то как морфологический принцип, то как фонемный.

Важно подчеркнуть также, что и морфологический принцип и фонемный принцип правописания опираются на одни и те же три основных правила русского правописания¹.

Можно было бы на этом основании считать, что расхождения в трактовке ведущего принципа русской орфографии являются лишь терминологическими. И все же этот теоретический спор не беспредметен, так как, исходя из этих двух теоретических установок, по-разному решаются вопросы практического письма. Так, например, с позиций морфологического принципа, оберегающего, где это возможно, графическое единообразие морфемы, целесообразны написания типа *жена, жены; желтеть, желтый; чернеть, черный* и т. п. (см. выше, с. 167), с позиций же „московского“ фонемного принципа целесообразны написания типа *жена, жоны; желтеть, жолтый; чернеть, чорный* и т. п.

Последовательно фонемными (по Московской фонологической школе) являются написания типа:

- 1) не только *село*, но и *полё*;
не только *полёт*, но и *улётит*;
не только *нёс*, но и *унёсли*;
не только *копё*, но и *зельё*;
- 2) не только *душой*, но и *кашой*;
не только *ножом*, но и *стóрожом*;
не только *чужбо*, но и *ры́жого*. И т. д.

¹ Ср., с одной стороны, изложение этих правил в „Правилах русской орфографии“ (М., 1956, § 11, 49, 72) и, с другой, в кн.: М. В. П а н о в. Русская фонетика (М., 1967, с. 278).

Последовательно фонематически мы должны были бы писать:

не только *жѳлтый*, но и *жолтизнѳ*, *жолтѳть*;
не только *шѳлк*, но и *шолкѳ*, *шолковѳстый*. И т. д.

Однако проведение в жизнь таких написаний неосуществимо¹, поэтому сторонники Московской фонологической школы «соглашаются» хотя бы на написания типа *жена — жоны*².

Есть и другие расхождения при решении ряда конкретных вопросов русской орфографии (так, сторонники фонемного принципа поддерживают уничтожение мягкого знака в случаях типа *дочь*, *беречь*, *не плачь*; сторонники морфологического принципа — не поддерживают).

РАЗЛИЧИЯ В ПОНИМАНИИ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА

Понимание морфологического принципа, а также типов написаний, которые охватываются действием этого принципа, не было одинаковым в истории русского правописания. Эволюцию понимания существа и объема написаний, охватываемых морфологическим принципом, хорошо отражает относящаяся сюда терминология.

Имея в виду морфологические написания с соблюдением графического единообразия морфем, называют принцип, лежащий в основе этих написаний, и морфологическим, и словопроизводственным, и этимологическим, а также принципом аналогии. Так, например, названия „этимологический“ и „словопроизводственный“ как синонимичные употребляет Л. В. Щерба³. Эти же термины сохраняет и М. И. Матусевич⁴.

Акцент на словопроизводственной стороне морфологических написаний был сделан еще М. В. Ломоносовым,

¹ См. „Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии“. М., 1965, с. 145.

² См. „Обзор...“, с. 145—148.

³ См.: Л. В. Щерба. Основные принципы орфографии и их социальное значение. В кн.: Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 46.

⁴ См.: М. И. Матусевич. Введение в общую фонетику. М., 1959, с. 119.

когда он утверждал, что „в правописании наблюдать надлежит... чтобы не закрылись совсем следы произвождения и сложения речений“ („Российская грамматика“, 1755, § 112).

В силу того что морфологические написания сложились исторически, особенно часто употребляют термин „этимологический“. Поскольку же при такого рода написаниях определенным образом используется аналогия (*вода́*, как *во́ды*, и т. д.), то употребляется еще название „принцип аналогии“, причем это название В. А. Богородицкий использует, например, как синоним к термину „морфологический“¹, а Л. Р. Зиндер — как синоним к термину „этимологический“².

Этимологическим называл морфологический принцип Л. А. Булаховский³.

Термин „этимологический“ в настоящее время нельзя признать удачным, ибо название затемняет главное содержание сути явления: главным в современном правописании является сохранение живых словообразовательных связей слов и осознанность морфем. Под этимологией же сейчас обычно понимают изучение происхождения слов с утраченными связями, с мертвыми или умирающими для современного лингвистического сознания частями⁴. Хотя в настоящее время при толковании самого явления акцент на живых словообразовательных связях, конечно, делается, но термин своим названием об этом не говорит: название термина — „этимологический“ — вступает в противоречие с главным в его содержании. Употребление термина „этимологический“ надо считать данью традиции, восходящей еще к Я. К. Гроту. Но Я. К. Грот (1873 г.) употреблял этот термин закономерно, ибо этимологическими он считал написания, определяемые и живыми, и историческими словопроизводственными связями. К тому же в то время еще не была выявлена достаточно отчетливо и

¹ См.: В. А. Богородицкий. Указ. соч., с. 31.

² См.: Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960, с. 312.

³ См.: Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, изд. 5. Киев. 1952, с. 244.

⁴ См.: Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959, с. 24—29.

полно истинная специфика морфологических написаний. Это было сделано позднее.

Различие между морфологическими и этимологическими написаниями хорошо показал А. И. Томсон, который отмечал, например, что „замену *с* посредством *з* в *искоренить*, *искусство* можно назвать этимологической, но морфологической . . . она будет только в первом из этих слов“¹.

Название „морфологический принцип“ применяли также к написаниям типа *дочь*, *беречь*, *не плачь*. Морфологическими называли эти написания те ученые, которые пользовались термином „этимологический принцип“ по отношению к написаниям типа *вода*, *дуб*. Это, в частности, Л. А. Булаховский, М. И. Матусевич, Л. Р. Зиндер².

Написания типа *дочь* — *меч* считаются иногда основанными на идеографическом³, или, иначе, дифференцировочном принципе⁴. При этом полагают, что буква *ь* указывает на женский род, ее отсутствие — на мужской.

Считая написания типа *вода*, *дуб* основанными на фонемном принципе, написания типа *дочь* считает основанными на морфологическом принципе А. А. Реформатский⁵.

Термин „морфологический принцип“, как видим, применяется как к написаниям типа *вода*, *дуб*, так и к написаниям типа *дочь*, *стричь*, *не плачь*. Поскольку эти два типа написаний очень разнородны, то их необходимо разграничить и терминологически. Иначе термин получается омонимичным. В настоящем учебном пособии для написаний типа *дочь* предложен термин „принцип морфолого-графических аналогий“.

¹ А. И. Томсон. К теории правописания и методологии его преподавания. „Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете“. Одесса, 1904, с. 118—119.

² См.: М. И. Матусевич. Введение в общую фонетику. М., 1959, стр. 120; Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960, с. 314.

³ См.: Л. В. Щерба. Основные принципы орфографии и их социальное значение. В кн.: Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 47.

⁴ См.: М. С. Бунина, И. А. Василенко, И. А. Кудрявцева, М. В. Панов. Современный русский язык. Сборник упражнений, изд. 2. М., 1961, с. 90.

⁵ См.: А. А. Реформатский. Введение в языковедение, изд. 4. М., 1967, с. 375.

Рассмотрим теперь, какие типы написаний считались и считаются охватываемыми действием морфологического принципа.

В истории русского правописания очень долго не относили к морфологическим фонетические написания типа *трава, прут*. Впервые отнес к морфологическим фонетические написания типа *трава, прут* В. А. Богородицкий¹. Но и позднее многие ученые не включали эти написания в морфологические (в частности, М. Н. Петерсон). Не включают эти написания в морфологические и те ученые, которые называют морфологический принцип этимологическим. Вероятно, этому способствовало и способствует само название „этимологический принцип“ (наглядно этимологическими являются только нефонетические написания).

В 30-е гг. XX в. рамки морфологических написаний были значительно расширены. М. В. Ушаков предложил считать морфологическими и опорные написания² и бесповорочные³. Это было мотивировано тем, что и в том и в другом случае сохраняется графическое единообразие морфем (*гром, громовой; топор, топорище, топорик* и т. д.). Это было поддержано А. Н. Гвоздевым. Именно потому, что подобные написания (опорные и бесповорочные) считаются охваченными действием морфологического принципа, слишком большим оказывается и процент морфологических написаний в русском письме, — по подсчетам А. Н. Гвоздева, это 96% с лишним⁴. Этот процент совпадает с процентом фонематических написаний, — по подсчетам И. С. Ильинской и В. Н. Сидорова, это 96%. Авторы также включают в свой подсчет написания типа *гром* (абсолютно фонематические, по их терминологии) и типа *топор* (относительно фонематические).

В настоящем пособии считаются охваченными действием морфологического принципа только косвенно

¹ См.: В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. Казань, 1904.

² См.: М. В. Ушаков. Методика правописания. М., 1936.

³ См.: М. В. Ушаков. Еще раз о принципах нашего правописания. — „Русский язык и литература в средней школе“, 1935, № 4, с. 38—41.

⁴ См.: А. Н. Гвоздев. Основы русской орфографии, изд. 3. М., 1951, с. 86.

проверяемые орфограммы (написания типа *гром* исключаются из действия каких бы то ни было орфографических принципов).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Булатова Л. Н. Еще раз об основном принципе русской орфографии (по поводу статьи Б. В. Горнунга).— «Вопросы языкознания», 1969, № 6.

Гвоздев А. Н. Об основах русского правописания. В защиту морфологического принципа русской орфографии. М., 1960, с. 64; то же в кн: Гвоздев А. Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963, с. 211—248.

Горнунг Б. В. Об основном принципе русского правописания.— «Вопросы языкознания», 1967, № 2.

Зиндер Л. Р. К итогам дискуссии о русской орфографии.— «Вопросы языкознания», 1969, № 6.

Иванова В. Ф. Развитие теории орфографии в трудах советских лингвистов. В сб.: „Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции“. Л., 1967.

Ильинская И. С., Сидоров В. Н. Современное русское правописание. „Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина“, т. XXII, кафедра русского языка, вып. 2. М., 1952 (год изд. 1953), с. 3—40.

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии. Отв. ред. В. В. Виноградов. М., 1965.

Панов М. В. И все-таки она хорошая. Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М., 1964.

ГЛАВА IV

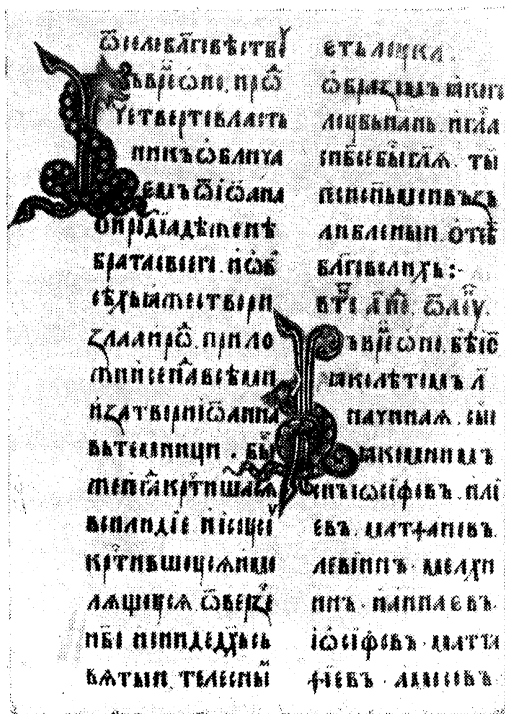
СЛИТНЫЕ, ДЕФИСНЫЕ И РАЗДЕЛЬНЫЕ НАПИСАНИЯ. УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОПИСНЫХ БУКВ. ПЕРЕНОС СЛОВ. ГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ. ОРФОГРАФИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ

СЛИТНЫЕ, ДЕФИСНЫЕ И РАЗДЕЛЬНЫЕ НАПИСАНИЯ

Слитное, полуслитное (дефисное) или раздельное написание значимых элементов речи — один из самостоятельных разделов русского правописания. Принципы написания здесь совершенно особые. Для всего раздела в целом действует принцип раздельного написания отдельных слов, но следует еще определить, на чем основано само выделение слова в речевом потоке. Это определение и будет уточненным названием принципа раздельного написания отдельных слов. Слово выделяется в речи как особая единица на основании ряда лексических и морфологических признаков¹. Поэтому современный подход к слитным и раздельным написаниям можно считать основанным на лексико-морфологическом принципе.

Наше современное письмо с разделением на слова — большое культурное и научное достижение. До XVI в. древнерусским рукописям не было известно раздельное написание слов. В рукописях слитное письмо (*scriptio continua*) продолжало господствовать почти до XVIII в.

¹ См.: Н. М. Шанский. Лексикология современного русского языка. М., 1964, с. 10.

Страница из рукописного русского памятника
XIV в. — „Евангелия Кошки“.

Одно слово писалось за другим без промежутков между ними.

Тот, кому приходится читать или издавать древние тексты, знает, как подчас трудно разделить тот или иной отрывок на слова. Ср.: ...и силы юго великыа. иже **сътвори** въ насъ облѣцѣте са въ оружию. правде; или: **сътворивъ** насъ (Успенский сборник XII в.)¹.

Итак, можно сказать, что наше письмо сейчас хорошо устроено. Делить речевой поток на слова необходимо,

¹ Пример взят из статьи О. А. Князевской „Некоторые вопросы словоделения текста“. Сб. „Лингвистическое источниковедение“ (М., 1963, стр. 28). В этой статье читатель может найти много подобных примеров.

так как это удобно для чтения. Однако, несмотря на то что слово представляется нашему уму особой и вполне отчетливой единицей языка, на практике не всегда легко решить, имеем ли мы два слова или одно слово, например: *мало пригоден* или *малопригоден*, *малоизвестен* или *мало известен*?¹

В таких случаях при написании нужно опираться на хорошо разработанную научную теорию и построенные на ней правила.

Однако, как ни была бы хорошо разработана теория выделения слова как особой лексической единицы, трудно достичь полного соответствия между правилами раздельного, дефисного и слитного написания слов и реальными языковыми фактами, так как последние очень подвижны. Орфографические правила поэтому отражают лишь основные их закономерности.

В речи мы различаем так называемые знаменательные слова (глаголы, существительные, прилагательные, наречия, числительные, местоимения) и служебные (предлоги, союзы, частицы). Знаменательные слова (или знаменательные части речи) отражают действительность в ее предметах и свойствах (*работать, труд, доблестный, хорошо, двенадцать, мы* и т. п.), служебные отражают отношения между явлениями действительности (*работаю на заводе; мать и сын; не тужи* и т. п.).

В живой языковой действительности постоянно наблюдаются случаи передвижения слов из одной части речи в другую, случаи употребления слов, принадлежащих к одной части речи, в функции другой части речи. Иногда этот процесс находит выражение и в правописании (ср. *С начала учебного года я с рвением взялся за учение* и *Сначала я этим интересовался, потом охладел*).

Знаменательные слова отчетливее выделяются в нашем сознании, их легче отделять друг от друга и на письме. Значительно труднее правописание различных служебных слов.

Однако слитное и раздельное написание знаменательных слов тоже не всегда просто. Во многих случаях слова, тяготеющие к слиянию, утрачивают свою само-

¹ См. подробнее об этом случае в статье А. И. Кайдаловой „К вопросу о правописании сложных прилагательных“ („Русский язык в школе“, 1963, № 1).

стоятельность постепенно, что находит отражение в полуслитных (дефисных) написаниях. Особенно трудно решаются вопросы правописания сложных прилагательных. Несомненно, что чисто языковые соотношения между компонентами сложных прилагательных могут быть различны. С одной стороны, мы наблюдаем тесную смысловую спаянность компонентов (ср.: *машиностроительный завод*), с другой стороны, как бы нанизывание этих компонентов (ср.: *англо-франко-немецко-русский словарь*). Но иногда смысловые отношения компонентов затемнены (ср.: *горнолесистая местность, весенне-полевые работы*), правописание в этих случаях осложняется.

На основе смысловых отношений также строится либо слитное, либо раздельное написание прилагательных типа *быстрорежущий*. С одной стороны, здесь могут быть свободные словосочетания: *быстро режущий, скоро портящийся, тяжело раненный, трудно произносимый*; с другой — сложные слова: *быстрорежущий, скоропортящийся* и т. д. Здесь учитывается синтаксический признак: если первый компонент отвечает на вопрос *как?*, то он является самостоятельным членом предложения и пишется отдельно.

Сложность правописания наречий, образовавшихся из сочетаний предлогов с косвенными падежами существительных, также лежит в самом языке. Часто очень трудно решить вопрос, где перед нами уже сложившееся наречие, где еще существительное с предлогом. Не представляет труда этот вопрос только в том случае, если в состав наречия входят имена существительные, в современном языке либо не употребляющиеся (*внутри, врасплох, наискось* и др.), либо употребляющиеся не в том значении, в каком они вошли в состав наречия (*вплоть, вкупе*), либо вошедшие в состав наречия в не употребляющейся сейчас форме (*поделом, воочию*). Очень часто слово долго живет в переходном состоянии, употребляясь и как наречие, и как существительное.

Иногда обстоятельственную функцию сочетаний существительного в косвенном падеже с предлогом смешивают с их морфологическими признаками и считают существительное наречием, между тем на обстоятельственные вопросы *куда? как? откуда?* и т. д. отвечают не только наречия. Ср. *Осетин-извозчик... во все горло распевал песни* (Лермонтов); *Ей было до слез*

жаль хохла (Горький); ... *налопался до чертиков* (Трефолов) и т. п.

Специфические трудности представляет слитное и раздельное написание частиц — „маленьких“ слов, играющих большую смысловую роль в нашей речи. Особо „трудной“ из них является частица *не*.

Слитное и раздельное написание *не* также связано с выделением в потоке речи отдельного слова. В качестве приставки *не* пишется слитно (ср. *Этот поступок — явная невежливость; Невелик* кусок пирога, а стоит много труда); выступая же в качестве единицы, выражающей грамматическое отрицание, т. е. составляя самостоятельное (хотя и служебное) слово, *не* пишется раздельно, как и любое другое слово (ср. *С моей стороны это не вежливость, а долг; Сапоги ему не велики*).

Слитно написанные с *не* слова приближаются к приставочным словам типа *безрадостный, антигосударственный*, а также к сложным словам типа *малопонятный, малоизвестный*. Однако если другие приставки не могут функционировать в качестве отдельного слова, то *не*, как уже сказано выше, может. Отсюда особые, специфические трудности слитного и раздельного написания *не*.

Можно было бы сформулировать одно правило: частица *не* пишется раздельно, приставка *не-* пишется слитно, однако пишущему легче опираться на какие-то формальные признаки (часть речи, к которой примыкает *не*, наличие и характер пояснительных слов), поэтому правила слитного и раздельного написания *не* построены с учетом различных формальных категорий.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П. Сложные слова. М., 1974.

Иванова В. Ф. Трудные случаи употребления и правописания частиц *не* и *ни*. М., 1962, с. 82—105.

Левина Р. И. О различении глаголов с приставкой *недо-* и глаголов с приставкой *до-* при наличии отрицания. — „Русский язык в школе“, 1963, № 4.

Максимов Л. Ю. Частица *не* и приставка *не-* с краткими прилагательными. — „Русский язык в школе“, 1957, № 2.

Прокопович Н. Н. Сочетания наречий с именами прилагательными в современном русском языке. М., 1962.

Черкасова Е. Т. О правописании производных предлогов. В сб.: „О современной русской орфографии“. М., 1964.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОПИСНЫХ БУКВ

Употребление прописных („больших“, „заглавных“) букв — особый графический прием, в основе которого лежит разграничение имен собственных и имен нарицательных. Наряду с обозначением имен собственных прописные буквы используются также для отметки начала новых отрезков речи (новых предложений после точки, вопросительного, восклицательного знаков, а иногда и после других знаков препинания) и для обозначения начала стихотворных строчек. Вместо строчных используются прописные буквы также при написании некоторых типов аббревиатур (*КПСС, ГОЭЛРО, КВН* и т. д.). Прописная буква может указывать на особую патетику употребленного слова (ср. *Где ваша родина?* и *Мы славим Родину!*). Таким образом, функция прописных букв является идеографической: ее употребление непосредственно связано с тем или иным смыслом.

Прописные буквы, по сравнению с некоторыми другими языками (например, немецким), употребляются у нас сейчас довольно умеренно. В прошлом они использовались шире. „Было время, — писал Я. К. Грот, — когда у нас всякое иностранное существительное имя отличали в письме большой буквой. Карамзин писал: *Автор, Литература*. Так же писались еще долее имена званий, должностей, учреждений, наук, титулы, независимо от происхождения слов, например: *Генерал, Профессор, Председатель, Департамент, Землеописание* . . . Слишком пестрить письмо большими буквами, конечно, не годится, но, с другой стороны, и слишком тщательно избегать их нет основания: большие буквы во многих случаях доставляют ту практическую пользу, что при беглом чтении или при пересмотре прочитанного дают глазу точки опоры, отмечают ему отыскание нужного. Кроме того, они помогают узнавать такие собственные слова, которые по своей малоизвестности могут возбудить недоумение, например, напишите: *кокату* или *кинкануп*, — никто не догадается, что это название двух племен, обитающих в Австралии. Прописное **К** укажет, по крайней мере, что — это — имена собственные“¹.

¹ Я. К. Грот. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне, изд. 2. СПб., 1873, с. 358—359.

Трудность написания прописных букв заключается в том, что не всегда просто решить, является ли то или иное существительное именем собственным или нет. Условно в имена собственные включаются названия почетных должностей, званий, орденов и других знаков отличия. Трудность употребления прописных букв, таким образом, не всегда чисто орфографическая. Поэтому в „Правилах русской орфографии и пунктуации“ дается подробный перечень наименований, пишущихся с прописной буквы. Еще обширнее такие перечни в справочниках, предназначенных для работников печати.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Д. И. Прописные и строчные буквы в аббревиатурах. В сб.: «О современной русской орфографии». М., 1964.

Шарашова М. К. Собственные имена или нарицательные? — „Русская речь“, 1968, № 3.

ПЕРЕНОС СЛОВ

В основе правил переноса лежат фонетические и морфологические моменты. Слова в русском языке переносятся по слогам (фонетический момент); но это правило ограничивается запрещением переносить слоги, если они состоят из одного звука (на письме — буквы), и разрывать морфемы (например, *при-слать*, а не *прис-лать*).

Правила переноса слов с одной строки на другую составляют несколько специфический раздел орфографии, ибо вопрос о переносе — это в большей степени вопрос полиграфической техники, нежели орфографии.

Древние писцы не знали никаких правил переноса и переносили при необходимости любую оставшуюся часть текста на другую строку. Потом стали переносить по слогам, а затем появились переносы с учетом морфемного состава слов.

Все стихийно появившиеся переносы Я. К. Грот канонизировал в виде 17 правил. Эти правила были очень сложны. Декрет о правописании 1917—1918 гг. значительно упростил правила переноса слов, сведя их к правилам переноса по слогам (с небольшими ограничениями). Но опять стихийно же стали появляться

и „поморфемные“ переносы. Правила 1956 г. учитывают эти два момента: и слоговое деление, и морфемный состав слов.

Перенос по слогам нетруден и единообразен, когда слово состоит из попеременно чередующихся согласных и гласных звуков: *до-ро-га*, *зо-ло-той*. В тех же случаях, когда в слове имеется стечение согласных, перенос осложняется, так как толкование самого слогового деления не единообразно в этом случае¹. Далекое не единообразное решение вопроса дает и издательская практика переноса слов. Поэтому некоторые современные исследователи приходят к выводу, что при переносе следует выделять условный слог и считать слогом „всякую более или менее приемлемую в акустическом и артикуляционном отношении часть слова, при выделении которой голосом не нарушается плавность речи“². Однако это не правило; в школе, как это ни трудно, при переносе слов следует придерживаться слогового деления с учетом морфемного состава слов.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Зорин Н. И. Вопрос о переносе слов в школьной практике и методической литературе.—„Русский язык в школе“, 1953, № 1.

Рабиц С. Г. К изучению в школе темы „Правила переноса слов“.—„Русский язык в школе“, 1958, № 4, с. 53—55.

ГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

Графические сокращения являются специфическим фактом письма. Они не являются самостоятельными словами; графические сокращения не имеют своего фонемного состава: при чтении графическое сокращение заменяется тем словом, сокращением которого оно является. Так, графическое сокращение *Спб.* читается как *Санкт-Петербург*, *Пб.*— как *Петербург*, *Пг.*— как *Петроград*, *об-во*— как *общество*, *р.*— как *рубль*, *г.*— как

¹ См., например, „Граматику русского языка, т. I. Фонетика и морфология“. М., с. 71—74; Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык. М., 1957, с. 142—146.

² Е. П. Щенников. О правилах переноса слов. „Ученые записки Куйбышевского пед. ин-та“, вып. 26. 1959, с. 54.

год и т. д. Но расшифровываются графические сокращения лишь эпизодически.

В „Правилах русской орфографии и пунктуации“ 1956 г. приведен краткий перечень общепринятых сокращений (см. § 116). Однако четких правил-принципов, которыми следует руководствоваться пишущему при оформлении графических сокращений, „Правила...“ не содержат. До недавнего времени их и не было. Для того чтобы сформулировать принципы, надо было собрать и проанализировать большой фактический материал. Эта работа проделана В. З. Санниковым. Результаты работы изложены автором в статье „О русских графических сокращениях“¹.

В зависимости от графических приемов образования графические сокращения делятся на 1) точечные, 2) дефисные, 3) косолинейные, 4) курсивные, 5) нулевые (графически невыделенные), 6) комбинированные.

Графические принципы сокращения слов следующие: 1) не может быть опущена начальная часть словоформы. Слово *фабрика* нельзя сократить, например, как „брика“; 2) опускаются минимум две буквы: слово *фабрика* не следует сокращать как „фабрка“ или „фабрик.“; 3) сокращенная часть не может оканчиваться гласной буквой или буквами *й, ъ, ь*; 4) опускается только одна линейно последовательная (линейно не расчлененная) часть букв: не следует, например, сокращать „фбрка“, так как будут опущены линейно расчлененные части „а“ и „и“: „ф-бр-ка“.

Различают сокращения „творческие“ (когда пишущий, не зная принятого сокращения, сам образует сокращение) и сокращения по готовому образцу.

Для того чтобы сокращение было понято читающим, пишущий должен учитывать следующие факторы: 1) какова минимальная часть слова, которая может передать читающему смысл слова в целом; 2) насколько вероятно по условиям контекста появление того слова, которое сокращает пишущий. Чем вероятнее появление этого слова, тем в большей степени может быть произведено сокращение (большая вероятность появления слова увеличивает возможность догадки читающего); 3) графические принципы сокращения слов.

¹ См. сб. „О современной русской орфографии“. М., 1964, с. 58—87.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Д. И. Графические сокращения и слова-аббревиатуры. В кн.: „Развитие современного русского языка“. М., 1963.

Санников В. З. О русских графических сокращениях. В сб.: „О современной русской орфографии“. М., 1964.

ОРФОГРАФИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ

Правописание заимствованных иноязычных слов представляет собой специфическую область русской орфографии.

Вопросы, касающиеся изучения общих и частных форм передачи в русских текстах иноязычных слов (особенно слов новых), чрезвычайно актуальны. На необходимость квалифицированного лингвистического участия в этой области правописания еще в 30-е годы указывал Л. В. Щерба: «Усиление интернациональных связей обуславливает приток слов, которые приходится как-то писать и которые действительно как-то пишутся; газеты ежедневно регистрируют ряд фамилий новых иностранных деятелей, а отчасти и ряд географических названий, впервые вступающих в поле зрения общественной мысли, и регистрируют их в какой-то русской транскрипции; переводная литература, особенно техническая, растет с каждым днем, и фамилии иностранных авторов в той или иной русской форме все более и более наводняют русскую библиографию»¹.

Л. В. Щерба отмечал неупорядоченность и разноречивость в передаче новых заимствованных слов, нарушающую основной закон орфографии: единообразие и связанное с этим взаимопонимание.

В настоящее время много сделано по выработке общих и частных принципов и частных приемов передачи в русских текстах заимствованных слов, и особенно собственных имен, однако лингвистам еще многое предстоит здесь сделать.

Л. В. Щерба выделял три группы заимствуемых иноязычных слов:

¹ Л. В. Щерба. Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий. «Известия комиссии по русскому языку АН СССР», т. I. Л., 1931. То же в кн.: Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. I. Л., 1958, с. 153.

а) слова нарицательные, которые, в сущности, часто или вовсе уже не являются иностранными, или являются ими лишь временно, впредь до полного их обрусения (или до исчезновения из обихода);

б) географические названия. Эта группа слов распадается на две подгруппы: 1) названия, часто употребляющиеся, имеющие вековую традицию в языке и на письме, а потому, в сущности, не являющиеся иностранными словами, напр., *Париж, Лондон, Рим, Копенгаген, Брюссель* и под.; 2) названия малоизвестные и употребляющиеся главным образом в специальных трудах. Их написания крайне важны при картографировании. В решении этого вопроса заинтересованы прежде всего специалисты;

в) иностранные имена и фамилии. Вопрос об их написании является самым актуальным¹.

Классификация Л. В. Щербы проведена им применительно к решению орфографических вопросов, но в ней есть интересные и общезыковедческие решения, в частности высказано мнение о том, что названия *Париж, Рим* и др. (именно в такой огласовке) являются уже русскими словами. Ср. французское *Paris* с непроизносимым *s*.

При передаче в русских текстах заимствуемых слов используются четыре способа: 1) прием транскрипции², 2) транслитерации³, 3) перевод, 4) передача латинскими буквами.

Прием транскрипции отличается от обычной транскрипции: это не собственно фонетическая транскрипция с различной степенью точностью, отображающая реальное звучание иноязычного слова в своем языке, а так называемая **п р а к т и ч е с к а я** транскрипция.

Принцип, положенный в основу применяемой сейчас практической транскрипции, был сформулирован А. М. Сухотиным: «Утверждать, что в основу практической транскрипции кладется принцип фонетический, неверно... В основу практической транскрипции должен быть положен принцип отражения звуковыми средствами нормального

¹ Подробнее см.: Л. В. Щерба. Указ. соч., с. 154—156.

² Т р а н с к р и п ц и я — от лат. *transcriptio* — переписываю, от *trans* — «через, сквозь» и *scribo* — «пишу».

³ Т р а н с л и т е р а ц и я — от лат. *trans* — «через, сквозь» и лат. *listera* — «буква».

русского алфавита не изолированных звуков, а фонетических систем конкретных языков, с учетом принятой в каждом языке графики, а также междуязыковых соответствий. При составлении транскрипционной схемы для звуков какого-либо языка надо не только подыскивать наиболее близкие им русские звуковые соответствия, но и стремиться возможно экономнее использовать средства русского алфавита. Нужно систему звуковых противопоставлений транскрибируемого языка по возможности отразить системой звуковых противопоставлений русского языка и русскими буквами»¹.

Практическая транскрипция учитывает правила чтения букв и буквосочетаний, принятых в данной орфографии, хотя для заимствованных слов здесь возможны и некоторые отклонения. Ср. в русском письме: *цукат*, но *Цюрих*; *цапля*, но *Свенцяны* (хотя в русском языке нет фонемы [ц'] и буквосочетания *цю, ця* в русских словах не применяются).

В современном русском письме преимущественно используется транскрипция, меньше — транслитерация.

По образному выражению Л. В. Щербы, норма передачи заимствуемых слов «бесповоротно решила вопрос в пользу произношения», но «не без некоторых небольших реверансов в сторону написания»².

Перевод в русских текстах используется в следующих случаях³:

а) способом перевода передается вся масса апеллятивов, т. е. собственно текст; б) способ перевода иногда применяется к личным именам и географическим названиям, в частности для номенклатурных терминов в составе географических названий (озеро *Эри*) и, по традиции, для ряда крупных географических объектов (*Мыс Доброй Надежды*, *Скалистые горы*). Ср. частичный перевод: *Новая Зеландия*, *Нижний Рейн*; в) употребляется перевод с целью передачи специфики внутренней формы имени в художественных произведениях, а иногда и названия. Например, в переводе

¹ А. М. Сухотин. О передаче иностранных географических названий. В сб.: «Вопросы географии и картографии», вып. 1. М., 1935, с. 144—145.

² Л. В. Щерба. Указ. соч., с. 157.

³ Эти случаи описаны по материалам статьи: Б. А. Старостин. Некоторые тенденции и перспективы в передаче и орфографии заимствуемых собственных имен. В сб.: «Нерешенные вопросы русского правописания». М., 1974, с. 59—60.

«Моникинов» Дж. Ф. Купера (М., 1953) *Lord Chatterino* передан через *Лорд Балаболо, island of Leap-high* — остров *Высокопрыгия* и т. п.; г) полностью или частично переводятся имена многих разрядов, пограничных для ономастики, например названия книг, статей, фильмов.

А. В. Федоров, отмечая возможность перевода (наряду с транслитерацией) по отношению к географическим названиям, пишет об известной тенденции (хотя и не абсолютной) к б о л е е и з в е с т н ы м географическим именам, таким, как названия горных вершин («*Mont-Blanc*», «*Dent du Midi*», «*Jungfrau*» и т. д.), применять транслитерацию (*Монблан*, *Дан дю Миди*, *Юнгфрау* и т. д.). К именам более узкого местного значения (таким, как названия улиц с четко выраженным образным значением местностей, зданий) иногда применяется и перевод (парижские улицы «*Boulevard des Italiens*», «*Boulevard Sébastopol*», парки «*Bois de Boulogne*», «*Champs Élysées*» по-русски обозначаются как *Итальянский бульвар*, *Севастопольский бульвар*, *Булонский лес*, *Елисейские поля*)¹.

Если рассматривать вопросы передачи имен собственных с точки зрения о б щ е й т е о р и и т р а н с ф о р м а ц и и, то передача заимствуемых имен в русском тексте — будь то транскрипция или перевод — в какой-то мере всегда является переводом, ибо это «перенос слова из одной системы языка в другую»². Однако практически перевод и транскрипция — антиподы, ибо перевод стремится «чужое» максимально сделать «своим», а транскрипция стремится сохранить «чужое» через средства «своего»³.

Имеет известные преимущества и четвертый способ, а именно способ включения в русский текст заимствованных иноязычных слов (и особенно собственных имен) с передачей их латинскими буквами (латинская транскрипция).

В такой же степени этот способ актуален и для передачи русских имен в иноязычных текстах: «... как в самом деле писать фамилию *Шубин* в международном масштабе — *Schubin* (по-немецки), или *Choubine* (по-французски), или *Schoobin* (по-английски), или *Subin* (по-чешски), или *Szubin*

¹ А. В. Федоров. Основы общей теории перевода. М., 1968, с. 317—327.

² Б. В. Томашевский. Русская передача французских имен. В сб.: «Восточнославянская ономастика». М., 1972, с. 252.

³ А. А. Реформатский. Перевод или транскрипция? В сб.: «Восточнославянская ономастика». М., 1972, с. 317—327.

(по-польски), или *Sciubin* (по-итальянски)? Совершенно очевидно, что нельзя пользоваться разными орфографиями в зависимости от народа, с которым общаешься; иначе при переезде из страны в страну рискуешь не получить денег по аккредитиву, не получить в срок нужного письма и т. д. Приходится выбирать ту или иную орфографию... Но какую орфографию выбрать?.. В конце концов это довольно безразлично для отдельных лиц, но перестает быть таковым при коллективных выступлениях — в торговом деле, в мореплавании, при почтово-телеграфных сношениях, в иностранной картографии, в международной библиографии. Таким образом, вырастает целая проблема... проблема, имеющая не только чисто технический аспект, но и общекультурный...»¹.

Названный способ применяется сейчас также в русских текстах при передаче слов и словосочетаний, являющихся как бы цитатами. Их Л. П. Крысин называет «иноязычными вкраплениями»². Среди иноязычных вкраплений основное место занимают слова и словосочетания, имеющие и н т е р н а ц и о н а л ь н ы й характер. Это прежде всего латинские выражения типа *alter ego; post scriptum; ad hoc* и т. п., но так употребляются и выражения из современных живых языков. Ср. широко распространенное *c'est la vie* (франц.) и т. д.³.

Способ непосредственного включения в русский текст латиницы иногда используется в специальной литературе, например медицинской: «Авторы приходят к выводу, что удаление коры в области *s. principalis* делают животных *сверхчувствительными к новым раздражителям*» (Е. Д. Хомская. Мозг и активизация. М., 1972, с. 101).

Хотя ведущим способом передачи заимствованных иноязычных слов в современном русском письме является практическая транскрипция, тем не менее нельзя не заметить

¹ Л. В. Щерба. Транслитерация латинскими буквами русских имен и географических названий. — «Известия АН СССР», № 3. Отд. литературы и языка, 1940. То же в кн.: Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. I. Л., 1958, с. 172.

² Л. П. Крысин. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968, с. 43.

³ Обширный материал на этот разряд слов и выражений см. в кн.: В. В. Шендецов, А. М. Бабкин. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. Кн. 1, 2. М., 1966.

взаимовлияния транскрипции и транслитерации, а иногда и противоборствующих их тенденций. Так, известный американский пианист стал у нас известен как *Ван Клиберн*. Это транслитерированный вариант его имени и фамилии. Он появился первым. Транскрибированный вариант — *Вэн Клайберн* — оказался побежденным. Решающую роль сыграла воля самого пианиста, выразившего пожелание «в нарушение правил английского произношения остаться для советских почитателей его таланта *Ваном Клиберном*» («Советская культура», 27 февр. 1960 г.).

При всей популярности приема практической транскрипции в передаче заимствованных слов много трудностей, ибо звуки в разных языках разные и далеко не всегда можно соотнести их даже приближенно со звуками и знаками в русском языке и письме. Так, в современном русском литературном языке нет звука, среднего между [в] и [у] (хотя такой звук есть в русских говорах, напр. в словах *девка*, *лавка*, произносимых с очень кратким неслоговым [у]: *дѐйка*, *ла́йка*). Примерно такой же звук произносится в начале английской фамилии *William*. Фамилия эта в русских текстах записывалась то как *Вильям*, то как *Уильям*. Оба варианта закономерны. Нужна договоренность, как передавать в подобных случаях английский звук, чтобы соблюсти единообразие. Раньше этот звук в русской транскрипции передавали буквой **в**, в последнее время передают буквой **у**. Колебание в выборе подобных написаний закрепилось в написаниях *ватт* и *Уатт* (фамилия ученого, давшего имя этой единице электроэнергии). Букву **в** в фамилии ученого изменили на **у**, в нарицательном же — *ватт* — оставили. В двойном облике «живут» сейчас, напр., фамилия автора «Айвенго»: *Вальтер Скотт* (старый традиционный вариант) и *Уолтер*; имя Шекспира: *Вильям* и *Уильям* и нек. др.

В тех случаях, когда практическая транскрипция почти ничего не дает для сохранения исходного произношения и в то же время сильно искажает графический облик заимствуемого слова, используется транслитерация. Наибольшее применение, по мнению признанного авторитета в этой области Б. А. Старостина, она и далее будет иметь в сфере документации. Здесь она может получить поддержку со стороны машинных методов передачи иностранных имен.

В настоящее время языковеды много делают для того, чтобы установить нормы практического транскрибирования

звуков разных фонетических систем (для каждого языка отдельно). Этим вопросам посвящена большая и чрезвычайно интересная специальная литература.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

А н д р е е в В. Д. Передача болгарских имен собственных в русском языке. В сб.: «Топонимастика и транскрипция». М., 1964.

А н д р е е в а Е. С. К вопросу о транскрипции чешских имен собственных. В сб.: «Теория и критика перевода». Л., 1962.

Д м и т р и е в П. А., С а ф р о н о в Г. И. Передача славянских имен при переводах. В сб.: «Теория и критика перевода». Л., 1962.

К а л а к у ц к а я Л. П., С т а л т м а н е В. Э. Польские и чешские фамилии по-русски. «Русская речь», № 1, 1967.

М и р е ц к и й А. Л. О передаче польского *ć* в русской практической транскрипции. «Советское славяноведение». М., 1974, № 1.

Р е ф о р м а т с к и й А. А. Орфография собственных имен. В сб.: «Орфография собственных имен». М., 1965.

С т р ы ж а к А. С. Украинские названия. «Русская речь», 1969, № 5.

С у п е р а н с к а я А. В. Заимствованные слова и практическая транскрипция. М., 1962.

Т о л с т о й Н. И. Заметки о славянских именах собственных и их транскрипции. В сб.: «Топонимастика и транскрипция». М., 1964.

Ш у б о в Я. И. Некоторые особенности русской орфографии и транскрипции иностранных личных имен. В сб.: «Орфография собственных имен». М., 1965.

ГЛАВА V

ГЛАВНЕЙШИЕ ФАКТЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ ПЕТРОВСКАЯ РЕФОРМА АЗБУКИ

Историю гражданского русского правописания мы ведем с 1708 г., со времени издания Петром I указа напечатать „новоизобретенными русскими литерами“ „Геометрию“ и иные гражданские книги. В выработке нового шрифта Петр I принимал личное участие. Директор московской типографии Федор Поликарпов говорил об этом участии Петра I следующее: „Своим неусыпным тщанием изволил изобрести абецедал, или азбуку, которая и до днесь в гражданских всяких делах действует“¹.

Долгое время (начиная с В. К. Третьяковского) считали, что причиной изобретения гражданской азбуки (с более простым и округлым начертанием букв, чем в церковной кириллице) было желание уподобить русский шрифт латинскому, и лишь в недавнее время установлено, что новый шрифт был создан в России русскими же мастерами-словолитчиками на основе рисунка рукописного гражданского письма конца XVII и начала XVIII в. и латинского шрифта антиква².

После некоторых усовершенствований Петр I ввел новый гражданский шрифт уже в законодательном порядке. 29 января 1710 г. он утвердил образец азбуки,

¹ Цитирую по кн.: Е. И. Кацпрях. История письменности и книги. М., 1955, с. 189.

² А. Шигал. Графическая основа русского гражданского шрифта. М.—Л., 1947, с. 50, 57.

Гражданская азбука на пяти листах с исправлениями Петра I, 1710 г.
Лист 1. (Центральный государственный архив в Ленинграде).

собственноручно написав на нем: „Сими литеры печатать историческіе и мануфактурные (техническіе. — В. И.) книги. А которые почернены, тех в вышеописанных книгах не употреблять“. Эта историческая азбука с собственноручными пометами Петра I имела заглавие „Изо-

бражение древних и новых письмен славенских печатных и рукописных“. В ней старые (церковные) и новые „гражданские“ буквы давались в сопоставлении.

Совершенствоу азбуку, Петр I первоначально исключил некоторые буквы церковной кириллицы. К этим исключенным буквам относились: з—„земля“ (была оставлена буква „зело“), ф—„ферт“ (оставлена „фита“), љ—„кси“, џ—„пси“, Ѡ—„омега“, ѡ—„ижица“, а также лигатура Ѡ—„от“. Однако впоследствии часть этих букв, как полагают, под влиянием духовенства, Петр I восстановил. В 1735 г. согласно постановлению Академии наук из числа восстановленных Петром I букв снова были исключены из алфавита буквы љ—„кси“ и ѡ—„ижица“, но в 1758 г. „ижица“ снова была восстановлена (она применялась в отдельных заимствованных словах).

В азбуку 1710 г. дополнительно были введены буква э (оборотное)¹ для более резкого ее различения с буквой в („ест“) и вместо юса малого—новая форма буквы я (йотированное а), которая, как отмечают исследователи², существовала уже во второй половине XVII в. в гражданской скорописи. Новым было и то, что с введением гражданской азбуки в алфавите впервые устанавливаются строчные и прописные начертания букв, существующие вместе (в церковной кириллице были только заглавные буквы).

И все же гражданский шрифт, введенный Петром I, не представлял собой новой системы письма, в нем лишь получила дальнейшее развитие система славяно-русского письма кириллицы. Название „гражданский“ новый шрифт получил потому, что им в противовес прежнему шрифту, которым набирались церковные книги, набирались и печатались книги светские.

Создание Петром I гражданского шрифта составило эпоху в развитии русской культуры. Важно было и то, что при разработке гражданской азбуки были исключены знаки ударения (или *силы*, как их тогда называли), знаки

¹ 1710 год—это год официального включения буквы э в состав алфавита. В рукописях буква э встречается уже очень рано, а в начале XVIII в. применялась она уже и в книгопечатании (хотя не всегда и не везде).

² А. Г. Ш и ц г а л. Русский гражданский шрифт. М., 1959, с. 81.

сокращений (*титлы*). Вместо буквенного обозначения цифр были введены арабские цифры, что значительно облегчило арифметические действия.

РЕФОРМА 1917—1918 гг. И ЕЕ ПОДГОТОВКА

Реформа Петра I, как видим, была реформой графики, а не орфографии. В грамматических пособиях того времени не было четких правил орфографии, трудные случаи правописания вообще не затрагивались.

Между тем от века к веку возрастало значение орфографии. В Древней Руси, когда книги были рукописными, или даже позднее, когда появилось книгопечатание, но было весьма ограниченным количество издаваемых книг и газет, проблемы правописания не возникали перед широкими народными массами. Но в XVIII в. вопросы орфографии уже стали острыми. Писатели того времени жалуются на пестроту правописания. А. П. Сумароков писал по этому поводу: „Но чем пособить, когда Россия никакого не имеет собрания, пекущегося о языке и словесных науках: да и в школах ни Российскому правописанию, ни грамматике Российской не учат. Это удивительно и достойно великого примечания“¹.

Не могли уничтожить разнобоя и грамматики, так как даже в лучших грамматиках XVIII—XIX вв. (таких, как грамматика М. В. Ломоносова, грамматики Академии наук, грамматики Востокова, Греча, Буслаева) орфография не была предметом особого, пристального рассмотрения. Назрела необходимость в специальном историко-теоретическом освещении русской орфографической системы. Этой потребности ответил появившийся в 1873 г. труд Я. К. Грота „Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого донныне“, который составил эпоху в истории русского правописания. Книга Грота впервые регулировала письмо. Написанное на его основе практическое руководство „Русское правописание“ выдержало более 20 изданий. Книги и учебники печатались в согласии с руководством Я. К. Грота.

Однако гротовское письмо было сложным, многие объяснения представлялись натянутыми и надуманными.

¹ А. П. Сумароков. О правописании. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, т. X., М., 1782, с. 38.

Перед Я. К. Гротом не стояла задача упрощения русского правописания. Актуальной задачей того времени было описание русской письменной традиции и приведение письма к максимально возможному единообразию. После обобщающих трудов Я. К. Грота стала особенно очевидной необходимость упрощения орфографии.

В конце XIX — начале XX в. борьба за упрощение русской орфографии ведется в педагогических кругах. Проекты по упрощению русского правописания были составлены в Петербурге на орфографических собраниях 1862 г., а в 1901 г. также педагогическими обществами: Московским, Казанским, Одесским. В борьбу за упрощение русской орфографии включились известные ученые и педагоги: Ф. Е. Корш, В. П. Шереметевский, Р. Ф. Брандт, В. Куницкий и др.

В 1904 г. вопросами реформирования и упорядочения орфографии занялась Академия наук — самая высокая научная инстанция. При Академии наук была организована комиссия по вопросу о русском правописании. В состав комиссии вошло 55 человек: академики, профессора, представители средних учебных заведений. На заседании 12 апреля 1904 г. за упрощение русского правописания высказалось большинство членов комиссии. Здесь же было принято решение отменить лишние буквы русской азбуки.

Для разработки тех вопросов по упрощению русского правописания, которые не связаны с исключением из алфавита каких-либо букв, комиссия избрала из своего состава подкомиссию. В подкомиссию были избраны акад. А. А. Шахматов, акад. Ф. Ф. Фортунатов, акад. А. И. Соболевский, акад. Ф. Е. Корш, прив.-доц. П. Н. Сакулин, проф. И. А. Бодуэн де Куртенэ, проф. Р. Ф. Брандт и как кандидаты в члены подкомиссии: проф. С. К. Булич, прив.-доц. Н. М. Каринский и Н. К. Кульман.

В мае 1904 г. подкомиссия опубликовала „Предварительное сообщение орфографической подкомиссии“, предлагавшее проект нового правописания. В нем были соединены вместе постановление комиссии, уничтожившее лишние буквы, и предложения подкомиссии.

Однако подготовленный комиссией и подкомиссией проект реформы орфографии был встречен в штыки

реакционными правительственными кругами, консервативной печатью и даже частью ученых. Царскому правительству реформа была ненавистна, как прогрессивное нововведение. И ученые не все считали, что трудность усвоения правописания зависит от сложности русского правописания. Проф. А. И. Томсон, в частности, считал, что все зло только в неправильных методах обучения. Даже, будучи членом подкомиссии, половинчато относился к реформе А. И. Соболевский. Он писал, что „воплям ленивых учеников и плохих преподавателей не следует придавать большого значения“¹.

Окончательный проект реформы, упрощающей нашу орфографию, был готов к лету 1912 г. Он был опубликован как „Постановления орфографической подкомиссии“. Однако противников реформы оказалось так много, что ее удалось провести лишь при Советской власти. Даже в годы войны и разрухи Советское правительство не нашло возможным откладывать разрешение назревших орфографических вопросов — и народ получил наконец упрощенное правописание.

23 декабря 1917 г. Народный комиссариат просвещения издал декрет о введении нового правописания².

10 декабря 1918 г. Советом Народных Комиссаров был издан специальный декрет, подтвердивший декрет Народного комиссариата просвещения. В приложении к этому декрету приводились те же правила нового правописания, но в них не были включены пункт 5 (о желательном употреблении буквы ё) и пункт 13 (о допущении слитного и раздельного написания наречий).

Второй декрет был вызван необходимостью расширить сферу применения новой орфографии, утвердить ее во всей советской печати. Кроме того, он устранил два правила нового правописания, допускающие колебания в письме. Эти правила, созданные специально для школы, не могли иметь применения в печати, где требуется определенность, устойчивость, а не шаткость.

Реформа 1917—1918 гг. была первой и пока единственной реформой русской орфографии.

¹ „Новое время“ от 20 апреля 1904 г., № 10104.

² Текст декрета см. в кн.: А. Н. Гвоздев. Современный русский язык. Сборник упражнений, изд. 4. М., 1964, с. 76—78.

Реформа значительно изменила наше письмо. Она уничтожила уже совершенно чуждые духу русского языка церковнославянские окончания *-аго*, *-яго* у прилагательных, причастий и местоимений („*доброаго*“, „*пятаго*“, „*котоаго*“, „*синяго*“ и т. п.), заменив их русскими окончаниями *-ого*, *-его* (*доброаго*, *пятого*, *котоаго*, *синего*). Было устранено разграничение местоимений *одни*, *они*, с одной стороны, и *однь*, *онь* — с другой (первые употреблялись для слов мужского и среднего рода, вторые — для слов женского рода). Применительно к женщинам до реформы было бы написано: *Онь остались однь*. Реформа устранила такое различие, оставив лишь формы *одни*, *они* для слов любого грамматического рода.

До реформы прилагательные, причастия и местоимения женского и среднего рода в именительном и винительном падежах множественного числа писали с окончаниями *-ья*, *-ия* (например, *В саду росли большые старые дубы и большия старья липы*). Реформа устранила это различие. Прилагательные, причастия и местоимения всех трех родов пишутся теперь во множественном числе с одинаковыми окончаниями. Была уничтожена форма *ея* (писали: *Я видел ее и ея сестру*). Оставлена только форма *ее*. Уничтожена буква *ѣ* (ять) и другие дублетные буквы.

Когда-то буквой *ѣ* передавался живой, реальный звук русского языка, отличный от звука, передаваемого буквой *е*, но с течением времени эти различия стерлись, и нужно было просто заучивать, в каких корнях и формах следует писать *ѣ* (например, *стѣмя*, *кольно*, *в избѣ*, *кромѣ*, *вѣтра*), а в каких — *е* (*сестра*, *колесо*, *верба*).

Все эти изменения свели наше письмо с исторических рельсов: хирургическим вмешательством были отсечены его омертвевшие части. Именно в этом заключалось прогрессивное значение реформы 1917—1918 гг. Итог ее был значителен.

Реформа совпала к тому же со сломом всей старой государственной машины. Это облегчало ее проведение. Страна вступала в новую историко-экономическую эпоху. Только в эту эпоху стало возможным и реальным истинное приобщение широких народных масс к общей культуре. Читающих и пишущих по старой орфографии было не так много, как стало много читающих и пишущих по новой орфографии. Переход облегчался и тем, что до Великой Октябрьской социалистической револю-

ции книги, газеты и журналы не издавались такими тиражами, в каких они стали выходить в советское время с появлением массового, народного читателя.

УПОРЯДОЧЕНИЕ ОРФОГРАФИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Период 1920-х—1950-х годов

Разрешив крупнейшие, основные вопросы по упрощению русского письма, реформа не коснулась регулирования частных вопросов русского правописания, не устранила многих дублетных и колеблющихся написаний. Количество таких написаний заметно увеличилось в советскую эпоху, когда особенно интенсивно протекали процессы пополнения и смыслового обогащения словарного состава языка. Не устраненная реформой 1917—1918 гг. неупорядоченность с каждым годом давала себя чувствовать все острее. Это находило отражение и в печати.

В 1929 г. по инициативе „Учительской газеты“ возобновилось обсуждение орфографических вопросов, а при Главнауке Наркомпроса была организована специальная орфографическая комиссия, которая на основании множества поступивших из разных мест и от разных лиц предложений составила проект реформы правописания. Он был опубликован как „Проект Главнауки о новом правописании“¹.

Проект декларировал: „Рационализация русского письма—это не техническая, а насущная политическая задача“.

Из числа основных положений, на которых строился проект Главнауки, укажем следующие:

„Реформа равняется на малограмотных и неграмотных в первую очередь.“

В основу рационализации орфографии должны быть положены фонетический и морфологический принципы в их органической связи с неизбежным уклоном в сторону фонетики, поскольку, конечно, в ней отстоялись или отстаиваются определенные социальные нормы...“².

¹ „Проект Главнауки о новом правописании“. Сборник под ред. Г. Данилова и Г. Костенко. „Работник просвещения“. М., 1930.

² Там же, с. 10—11.

В соответствии с фонетическим принципом были приняты написания: *жырный, шырь, соцыализм, станця, лежыт, можыт, нашы, скажы, Шылер* (вместо *Шиллер*); *чорный, лжот, шол; портново* (вместо *портного*), *ково, чево, всево, ево, шедшево; добрыи, которыи, животныи*; были унифицированы безударные окончания глаголов: они, как было сказано в проекте, „будут писаться не условно... а по произношению“: *делаиш, любят, возют, гонют, произносятся* и т. п.; был уничтожен *ь* в неопределенной форме глагола: *он хотел учится*. В целях большего упрощения письма и часто вразрез с произношением были уничтожены двойные согласные, если они были не на стыке приставки и корня: *деревяный, русский, класовый, Ана* (вместо *Анна*), *тона* (вместо *тонна*), *масы* (вместо *массы*) и т. п.

Несмотря на то что в проекте Главнауки многое было предложено писать фонетически, он не удовлетворил ревнителей принципа „пиши, как произносишь“.

Любопытна в этом отношении брошюра преподавателя Белгородского педтехникума М. Мальцева. Подчеркнув, что „советская общественность определенно указывала, что она рассчитывала на реформу, которая сделает орфографию доступной самым отсталым в культурном отношении слоям общества и что реформа орфографии должна быть проведена главным образом в интересах этих слоев“ (стр. 5), М. Мальцев приводит в качестве желательного образца такую орфографию: „Кагда я ездил дамой в Одесу мне очин была весила Пачиму патаму что эта мая родина Я там сибя чувствала сщасливой, а кагда уежала то я плакала Пачиму да патаму что я вже болше не смагу видить сваи радные края“¹. Образец или, как его называет М. Мальцев, „проект письма, выдвигаемый малограмотными в своих письменных работах“, взят им „наудачу“ из работы ученицы одногодичных курсов для взрослых ст. Белгород Южн. ж. д. некоей X-ой. Приведя „образец“, М. Мальцев пишет: „X-а во многих случаях не выполнила предъявленных к ней Главнаукой орфографических требований, несмотря на то что это дельная и толковая ученица, справляющаяся с солидной общественной работой“².

¹ М. Мальцев, „Орфография Главнауки“. Белгород, 1930, с. 5.

² Там же, с. 6.

М. Мальцев и далее подчеркивает, что Главнаука не использовала эти „бесценные проекты самих непосредственно заинтересованных в облегчении орфографического гнета масс в виде их неграмотного письма“¹.

Такая задуманная „прежде всего в интересах миллионов масс неграмотных“² рационализация орфографии не могла быть принята. Надо было поднять народ в культурном отношении (что не могло быть мгновенным), а не опускать культуру до тех, кто еще к ней не поднялся.

Проект Главнауки не был научно обоснованным проектом. Он не смог удовлетворить ни школу, ни печать, ни широкую советскую общественность и был отвергнут.

Однако задача упорядочения русского правописания по-прежнему стояла на повестке дня. Она требовала своего разрешения. Колеблющиеся написания были значительной помехой в практике письма. Об их вреде говорили, например, так: „Одни газеты пишут *дифференцировать, наднях, при чем, агрегат*, другие — *дифференцировать, на днях, причем, агрегат*. Госполитиздат печатает: *восвояси, кухонька, паралелограмм*, а помещающийся через улицу от него Детиздат — *во-свояси, кухонка, параллелограмм*. В Доме книги (в Орликовом переулке) сколько этажей — столько орфографий“.

Появление двойных, колеблющихся написаний — явление естественное. Их порождает само развитие языка. В русском языке существует, например, слово *дворняжка*. Оно образовано с помощью суффикса *-к-* от существительного *дворняга*. По такому же типу (образцу) от существительного *деревага* было образовано слово *дереважка* с чередованием *г — ж*. Но написание этого слова стало колебаться: стали писать *дереважка* и *деревашка*. Написание слова *деревашка* стало колебаться потому, что было забыто областное по происхождению слово *деревага*. Таким образом, утратило силу чередование *г — ж*, и слово *дереважка* (в отличие от слова *дворняжка*, ощутимо связанного со словом *дворняга*) получило все права на чисто фонетическое написание, а именно — *деревашка*. Так развитие языка само по себе вызвало колебание в написании этого слова. То же произошло и со словом *копчушка*.

¹ М. Мальцев. „Орфография Главнауки“. Белгород, 1930, с. 10.

² „Проект...“, с. 19.

Двойные написания могут возникнуть в связи с разным пониманием происхождения слова. Так, слово *пескарь* произошло от латинского слова *piscis* (рыба), но его по смыслу стали связывать со словом *песок* (так как *пескарь* — рыба донная), и с течением времени прежнее его написание через *и* (*пискарь*) заменили на написание с *е* — *пескарь*.

Колеблющиеся написания могут быть и следствием разного понимания морфологического состава некоторых слов. Так, колебания в глаголах *остекленеть* — *остеклянуть*, *одревенеть* — *одревянуть* могут быть объяснены тем, что эти глаголы связывались то с прилагательными *стеклянный*, *деревянный* как их производными (отсюда написание на *-януть*), то непосредственно с существительными *стекло*, *лед* (отсюда написания на *-енуть*), по образцу *остолбенеть* от *столб* и т. п. (сейчас приняты написания последнего типа).

Наконец, двойные написания могут возникнуть в связи с написанием слов то по фонетическому принципу, т. е. по произношению, то по морфологическому. Так, например, слово *чёрт* на протяжении многих лет писалось с колебаниями: то *чорт* (фонетически), то *чёрт* (морфологически, ибо во множественном числе — *черти*).

Примерно с середины 30-х годов упорядочением правописания стали заниматься две орфографические комиссии, организованные одна в Москве при Ученом комитете Наркомпроса и другая в Ленинграде при кабинете славянских языков Института языка и мышления Академии наук СССР. В 1939 г. эти комиссии были объединены в единую Правительственную орфографическую комиссию. В ее состав вошли не только специалисты-языковеды, но и педагоги-методисты, а также представители работников печати. Орфографическая комиссия работала в Москве при Народном комиссариате просвещения; руководство подготовкой текста правил орфографии и пунктуации осуществлялось акад. С. П. Обнорским. Позднее руководство работой комиссии было возложено на акад. В. В. Виноградова.

30—50-е годы были периодом создания единого свода правил русской орфографии и пунктуации. Подготовленный комиссией проект свода имел несколько редакций. Последняя — 1951 г. Проект редакции 1951 г. в

1954 г. подвергся широкому обсуждению на страницах журнала „Русский язык в школе“¹ и „Учительской газеты“². Примечательным является то, что не было ни одного вопроса из числа затронутых в дискуссии, по которым ее участники имели бы единодушное суждение. Это свидетельствует о сложности разрешения орфографических затруднений.

Комиссия учла существенные замечания и пожелания специалистов-языковедов и учителей школ. Изданные в 1956 г. „Правила...“ утверждены Президиумом Академии наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР. „Правила русской орфографии и пунктуации“— документ, все пункты которого обязательны для учебных заведений, органов печати, а также для государственных и общественных организаций в их официальной переписке и открытых публикациях (лозунгах, приветствиях, надписях, объявлениях и т. п.). „Правила...“— основной источник для всех составителей учебников, словарей русского языка, специальных словарей, энциклопедий и справочников.

Упорядочение русской орфографии, проведенное в 1956 г., не было реформой правописания, оно не затронуло его основ. И все же изменения в правописании были довольно заметны, так как упорядочение и унификация коснулись всех разделов правописания.

Значение „Правил русской орфографии и пунктуации“, утвержденных в 1956 г., не исчерпывается тем, что они унифицировали случаи различных колебаний, а состоит еще в том, что это первый в истории русского правописания действительно полный свод четко сформулированных и научно обоснованных правил.

Конечно, возможности для совершенствования нашего письма еще не исчерпаны. Это стало особенно видно именно благодаря вышедшему в 1956 г. первому полному своду правил. Его составители, например, излишне бережливо отнеслись к некоторым исключениям. Ср., на-

¹ См. журнал „Русский язык в школе“, 1954, № 4, 5, 6; 1955, № 1, 2.

² См. „Учительскую газету“, 1954, № 65, 67, 69, 71, 73, 75, 76, 79, 82, 84, 85, 87, 92, 96, 104; 1955, № 2, 10, 14.

пример, исключения *цыган, цыц, цыпленок, на цыпочках* в § 2 „Правил...“, исключение *цокотуха* § 6 и нек. др. Поскольку перед Правительственной орфографической комиссией, учрежденной в 1939 г., не стояли задачи реформирования нашего письма (слишком велика была задача упорядочения правописания, и тем более задача создания полного свода правил), то в современном письме остались и случаи явно устаревших и не поддерживаемых морфологическими аналогиями написаний. Подлежат урегулированию колеблющиеся написания заимствованных слов, собственных имен и т. п. Постановка вопроса о дальнейшем усовершенствовании нашего правописания поэтому вполне правомерна.

Период 1960-х — 1970-х годов

Вопрос об упрощении русской орфографии снова был поднят в нашей прессе весной 1962 г.

В ноябре 1962 г. при Институте русского языка Академии наук СССР была образована Орфографическая комиссия по усовершенствованию русской орфографии. Состав комиссии был утвержден Президиумом Академии наук СССР¹.

Проект „Предложений по усовершенствованию русской орфографии“, подготовленный комиссией, опубликован в газетах: „Известия“ (от 24 и 25 сентября 1964 г.), „Учительская газета“ (от 24 сентября 1964 г.), „Советская Россия“ (от 24 и 25 сентября 1964 г.), а также в журнале „Русский язык в национальной школе“, 1964, № 6.

В целях ознакомления общественности с ходом работы комиссии публиковались также специальные сборники, где печатались статьи, посвященные актуальным вопросам русского правописания. В издательстве „Наука“ вышли из печати следующие сборники: „Вопросы русской орфографии“, „Проблемы современного русского правописания“, „О современной русской орфографии“, „Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии“ и „Орфография собственных имен“.

В 1964 г. проект широко обсуждался в печати. После критического обсуждения проекта Орфографическая ко-

¹ Состав комиссии был опубликован в сборнике „Вопросы русской орфографии“. М., 1964, с. 3—4.

миссия продолжала свою работу до 1969 г. (в 1969 г. скончался председатель комиссии акад. В. В. Виноградов).

В 1973 г. организована новая Орфографическая комиссия под председательством акад. В. И. Борковского.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Литература по Петровской реформе

Истрин В. А. 1100 лет славянской письменности. М., 1963.
Шицгал А. Г. Русский гражданский шрифт. М., 1959.

Литература по реформе 1917—1918 гг. и ее подготовке.

Еськова Н. А. Коснемся истории. В кн.: «Орфография и русский язык». М., 1966, с. 57—96.

Чернышев В. И. Фортунатов Ф. Ф. и Шахматов А. А. — реформаторы русского правописания (по материалам архива Академии наук СССР и личным воспоминаниям). Сб. „Академик А. А. Шахматов“. М.—Л., 1947, с. 167—252.

Литература по упорядочению орфографии в советскую эпоху

Период 1920—1950-х годов

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка. — „Русский язык в школе“, 1930, № 4.

Иванова В. Ф. Русское правописание и его новые правила. Л., 1958.

Крючков С. Е. О спорных вопросах современной русской орфографии, изд. 2. М., 1954.

Пешковский А. М. Реформа или улегулирование? — „Русский язык в советской школе“. 1930, № 3.

Шапиро А. Б. Упорядоченное русское правописание. К выводу „Правил русской орфографии и пунктуации“. М., 1956.

Период 1960-х годов

„Вопросы русской орфографии“. Сборник статей. М. 1964.

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.)“. М., 1965.

„Орфография собственных имен“. Сборник статей. М., 1965.

„О современной русской орфографии“. Сборник статей. М., 1964.

„Проблемы современного русского правописания“. Сборник статей. М., 1964 (здесь же опубликован проект „Правил русской пунктуации“).

Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П., Чельцова Л. К. Письма об орфографии. М., 1969.

ГЛАВА VI

СВОДЫ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ ПРАВИЛ. СПРАВОЧНЫЕ ПОСОБИЯ И ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

СВОДЫ ПРАВИЛ

„Правила русской орфографии и пунктуации“ (М., 1956; изд. 2, стереотипное. М., 1962).

„Правила русской орфографии и пунктуации“—первый в истории русской культуры официально утвержденный и обязательный для всех пользующихся русским языком свод правил.

„Правила...“ состоят из двух частей и приложения. В первой части изложены правила орфографии, во второй—правила пунктуации; в приложении дан словарь, который содержит около 4000 слов.

Правила орфографии изложены в семи разделах: 1) Правописание гласных; 2) Правописание согласных; 3) Буквы **ѣ** и **ѥ**; 4) Написания слитные или через дефис (черточку); 5) Прописные буквы; 6) Буквенные аббревиатуры, сложносокращенные слова и графические сокращения; 7) Правила переносов.

Свод правил регламентирует и упорядочивает наше письмо в целом. Значение „Правил...“ не исчерпывается тем, что они унифицируют случаи различных колебаний, а состоит еще в том, что в них дается полный свод систематически расположенных и доступно изложенных правил.

„Правила русской орфографии“. Приложение в „Орфографическом словаре русского языка“ под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро (М., 1956¹).

Это те же правила, которые опубликованы в виде отдельной книги „Правила русской орфографии и пунктуации“ (см. выше), но здесь они даны в качестве приложения к орфографическому словарю, причем перепечатана только первая часть „Правил...“, касающаяся орфографии.

СПРАВОЧНЫЕ ПОСОБИЯ ПО ОРФОГРАФИИ

В практике письма встречаются и такие случаи, которые не охватываются сводом „Правил русской орфографии и пунктуации“. Их называют редакционно-издательскими, или, иначе, „трудными“. Поскольку с ними не сталкивается широкий круг пишущих по-русски, то нет и необходимости увеличивать за их счет объемы общих сводов. Они находят обычно отражение в различных специальных справочниках, в различной степени детализирующих общие своды правил.

Таковыми справочными пособиями являются следующие:

К. И. Былинский и Н. Н. Никольский. Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати (изд. 3, переработ. М., 1957).

В основу справочника положены „Правила русской орфографии и пунктуации“, но в „Справочнике...“ охватывается также значительное количество трудных написаний, не освещенных в своде правил.

„Справочник...“ К. И. Былинского и Н. Н. Никольского является ценным и необходимым пособием для работников печати². Он имел несколько изданий, но пользоваться можно только третьим изданием, 1957 г. Предыдущие издания устарели.

¹ Такое же приложение есть в стереотипных изданиях 2 (М., 1957), 3 (М., 1958), 4 (М., 1959) „Орфографического словаря русского языка“. В 5-м, переработанном издании словаря, вышедшем в 1963 г., этого приложения нет.

² „Справочнику по орфографии и пунктуации“ К. И. Былинского и Н. Н. Никольского предшествовал „Справочник корректора“ К. И. Былинского и Л. Служивова (М., 1950), но он во многих своих разделах устарел и уже не отражает требований настоящего времени.

К „Справочнику...“ приложен орфографический словарь. Особенно ценным является приложенный к этому „Справочнику...“ „Орфографический словарь географических наименований СССР“ (о словарях см. ниже).

В 1970 г. в изд-ве Московского университета вышло четвертое издание, переработанное и дополненное. Однако „Орфографический словарь географических наименований СССР“ в этом издании не напечатан.

К. И. Былинский и А. Н. Жилин. Справочная книга корректора (М., 1960).

В „Справочнике...“ наряду со специальными разделами содержатся стилистические, грамматические и орфографические сведения.

К „Справочнику...“ приложен краткий орфографический словарь трудных по написанию слов (см. ниже).

За 14 лет, прошедшие после выхода в свет «Справочной книги корректора», в издательском деле произошли изменения, и многие ее главы устарели. На смену ей издана «Справочная книга корректора и редактора» под общей редакцией А. Э. Мильчина (М., 1974), куда включены и отдельные главы из книги К. И. Былинского и А. Н. Жилина.

Д. Э. Розенталь. Вопросы русского правописания. Практическое руководство (М., 1962).

Данное руководство также построено на основе действующего свода правил, но в нем дается значительная детализация орфографических и пунктуационных правил свода; приводится много примеров самых различных трудных написаний. Особой насыщенностью материалом отличается раздел о написании сложных слов, а также раздел об употреблении прописных букв. Уделено внимание правописанию иноязычных слов: транскрипции (передаче звуков иноязычного слова средствами русского письма) и транслитерации (передаче букв иноязычного слова при помощи букв русского алфавита).

От „Справочника...“ К. И. Былинского и Н. Н. Никольского „Практическое руководство“ Д. Э. Розенталя существенно отличается тем, что в нем содержится большое количество разъясняющего характера замечаний по многим трудным случаям правописания. Кроме того, по сравнению со „Справочником...“ многие разделы

„Практического руководства“ написаны со значительно большей полнотой.

В 1970 г. вышло третье, исправленное и дополненное издание этого руководства.

В. А. Добромислов и Д. Э. Розенталь. Трудные вопросы грамматики и правописания, вып. 1 (изд. 2, перераб. М., 1958) и вып. 2 (М., 1960).

В этих книгах повторены ответы на вопросы учителей, систематически публиковавшиеся в журнале „Русский язык в школе“ в разделе консультаций.

Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке. Для работников печати (М., 1967).

В справочнике имеются следующие три раздела: 1. Орфография. 2. Пунктуация. 3. Литературная правка.

Материал первого раздела охватывает всю систему орфографии, но преимущественное внимание уделено так называемым трудным случаям.

В 1971 г. вышло второе издание этого справочника.

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

Словарное богатство русского литературного языка очень велико. Ни в правилах орфографии, ни даже в специальных справочниках нельзя охватить всех случаев написаний, причем в языке есть значительное количество слов, орфография которых даже и не определяется правилами. Сюда относятся как русские слова с непроверяемыми гласными и согласными, так и заимствованные. Есть и такие написания, для которых существуют правила, но применение их трудно. Так, очень сложно правописание наречных словосочетаний, сложных прилагательных; написание многих из них сугубо „индивидуально“. Обращение к словарю в этих случаях необходимо.

Орфографический словарь—это такой словарь, к которому следует обращаться для того, чтобы справиться о правильном написании уже известного по своему общему значению слова. Орфографический словарь не толкует значения слов, указание на значение дается только в тех случаях, когда при одинаковом про-

изношении двух слов их написание различается, например: *кампания* (поход, война) и *компания* (общество).

Орфографические словари различаются по объему включенного в них материала, а также по его направленности. В настоящее время можно разделить орфографические словари русского языка на общие, специальные и школьные, т. е. предназначенные только для учащихся школы. Кроме того, можно еще выделить орфографические словари общие, отражающие все случаи правописания, и дифференцированные, т. е. рассматривающие какой-либо один из разделов современной орфографии.

Ныне можно пользоваться следующими орфографическими словарями.

„Орфографический словарь русского языка“ под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко, и Л. И. Скворцова (изд. 13, испр. и доп. М., 1974).

Словарь содержит лексику современного русского литературного языка. Однако, поскольку словарь является справочником собственно орфографическим, а не словарем, нормализующим современное словоупотребление, подобно толковым словарям русского языка, в него включаются многие слова, хотя и не бытующие широко в общем литературном языке, но встречающиеся в художественной литературе прошлого или в специальной литературе и нуждающиеся в орфографической нормализации, а именно: научные и научно-технические термины, просторечные и диалектные (местные) слова, некоторые устарелые слова и т. п.

„Орфографический словарь русского языка“ дает одно, признаваемое правильным написание, не допуская собственно орфографических вариантов. Но словарь дает варианты произносительные, словообразовательные, лексические, которые отражаются в письме. В словаре есть слова *воробышек* и *воробушек*, так как это не варианты письма, а словообразовательные варианты: одно слово образовано с помощью суффикса *-ышек*, другое — с помощью суффикса *-ушек*. Словарь дает слова *галoша* и *калоша*, так как это не варианты письма, а варианты произношения, отражаемые письмом.

В словах отмечается ударение, но в случаях колеба-

ния в словаре даются оба возможные для литературного языка ударения и не указывается на предпочтительность или большую нормативность того или другого ударения¹.

Первое издание „Орфографического словаря русского языка“ вышло в 1956 г. В 1957, 1958, 1959 гг. вышли печатавшиеся без изменений, повторяя первое, издания второе, третье, четвертое. В 1963 г. вышло пятое издание, испр. и доп.².

В новом, 13-ом издании словаря обновлен словник, более рационально подана грамматическая информация, устранены непоследовательности, внесены уточнения, сделаны отдельные исправления с учетом замечаний и предложений, поступивших в Институт русского языка АН СССР начиная с 1963 г.

Словник словаря и сокращен, и пополнен. Беспрерывное появление новых слов и терминов требует постоянного обновления словника словаря. В словарь включены в первую очередь слова, вошедшие в язык за последнее десятилетие. Сокращение шло за счет и исключения редко употребляющихся слов, и сокращения словообразовательных гнезд. Данный орфографический словарь является наиболее полным и наиболее авторитетным словарем.

„Слитно или раздельно? (опыт словаря-справочника)“. Словарь содержит около 43 тыс. слов. Составители Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая, Л. К. Чельцова, под ред. Д. Э. Розенталя. М., 1972.

В словаре впервые с наибольшей полнотой по сравнению с другими пособиями собраны слова, вызывающие затруднения с точки зрения слитного или дефисного написания. Он составлен на основе „Правил русской орфографии и пунктуации“ 1956 г. Если слово имеет колебания в написании, авторами выбран один вариант в

¹ Справки о нормах ударения следует наводить в специальном словаре: „Русское литературное произношение и ударение“. Словарь-справочник под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (М., 1959).

² Первое издание вышло под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро. Пятое издание вышло под ред. С. Г. Бархударова, С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро. В первых четырех изданиях словаря напечатаны „Правила русской орфографии“, в пятом издании их нет.

соответствии с изложенными в предисловии принципами (при отсутствии в „Правилах. . .“ соответствующих указаний о написании).

Словарь имеет приложения. В них помещены выдержки из „Правил. . .“ (1956 г.), из „Справочника по правописанию и литературной правке“ Д. Э. Розенталя (1971 г.) и из „Справочника по орфографии и пунктуации для работников печати“ К. И. Былинского и Н. Н. Никольского (1970 г.), в которых сформулированы правила слитного, дефисного или раздельного написания слов.

Краткий словарь сложных слов, не претендующий на полноту, дается в качестве иллюстрации теоретических орфографических положений авторов и как образчик орфографического решения некоторых трудных и спорных случаев написания сложных слов в интересной книге Б. Э. Букчиной и Л. П. Калакуцкой „Сложные слова“ (М., 1974). В первой части авторы всесторонне анализируют принципы действующих правил о написании сложных прилагательных, существительных и орфографии отдельных терминологических систем. Во второй части приводится словарь, включающий наиболее сложные случаи.

Этот словарь, как и более полный, является дифференцированным, всесторонне освещающим один из труднейших разделов современной орфографии.

Орфографический словарь помещен в книге К. И. Былинского и Н. Н. Никольского „Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати“ (М., 1957). Словарь содержит около 40 тыс. слов. В издании 1970 г. также есть орфографический словарь.

Этот словарь отличается от „Орфографического словаря“ под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко и Л. И. Скворцова своей специализированной направленностью. В нем значительно больше слов, употребляемых в газетах и журналах, и меньше слов, характерных для художественной литературы, много специальной терминологии по экономическим наукам и сельскохозяйственным отраслям.

К „Справочнику. . .“ приложен также орфографический словарь географических наименований (см. ниже).

Орфографический словарь географических наименований СССР помещен в указанной выше книге К. И. Былинского и Н. Н. Никольского „Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати“ (М., 1957). Этот словарь содержит около 7 тыс. наименований.

В словаре приведены географические наименования, орфография которых может вызвать затруднение. Написания названий населенных пунктов даются в соответствии со справочником „СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 марта 1954 года“, но внесены некоторые орфографические поправки, прямо вытекающие из текста „Правил...“.

Как текстом правил, так и орфографическими словарями, приложенными к „Справочнику...“, можно пользоваться только с издания 1957 г. Написания в изданиях „Справочника...“ 1947, 1949, 1952 гг. расходятся с принятыми сейчас написаниями.

Орфографический словарь в книге К. И. Былинского и А. Н. Жилина „Справочная книга корректора“ (М., 1960) содержит примерно 18 тыс. слов.

В словаре даются большей частью слова, написание которых затруднительно для работников печати.

Словарь (орфографический) дан в качестве приложения к „Правилам русской орфографии и пунктуации“ 1956 г. Он содержит около 4 тыс. слов. Этот словарь интересен и особенно полезен тем, что многие слова снабжены ссылкой на соответствующие правила правописания (с указанием параграфов). Проверка того или иного написания с помощью правил способствует сознательному и прочному усвоению правильных написаний.

Словарь (орфографический) в книге А. И. Кайдаловой и И. К. Калининой „Современная русская орфография“ (учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности „журналистика“, изд. 1. М., 1971; изд. 2, испр. М., 1973). Данное учебное пособие может быть использовано и в качестве справочника, так как содержит богатый иллюстративный материал

на многие трудные случаи правописания (в частности, большой материал по правописанию сложных прилагательных).

Д. Н. Ушаков и С. Е. Крючков. Орфографический словарь для учащихся V—XI классов (изд. 26. М., 1971).

Орфографический словарь для учащихся сокращенно называется школьным орфографическим словарем. Как словарь для школьников он, естественно, включает значительно меньшее, чем академический, количество слов—около 16,5 тыс. В него включены только наиболее часто встречающиеся слова из числа тех, правописание которых затруднительно.

В школьном орфографическом словаре значительно больше различных разъясняющих помет. В некоторых случаях дается своеобразное толкование значения слова, объясняющее правописание, например: *запинаться* (говорить с запинкой). Поскольку специально для школьников еще не издан толковый словарь, составители орфографического словаря иногда дают н о р м а т и в н ы е у к а з а н и я по словоупотреблению, например: *одевать, одеть* (кого-нибудь, но: *калоши, пальто надеть, а не одеть*). В этом словаре дается больше и грамматических помет, например: *в продолжение* (как долго? — *в продолжение дня, но где? — в продолжении повести*).

Словарь носит сугубо учебный характер.

Нужно отметить, что орфографическим словарем для учащихся можно пользоваться начиная с 13-го издания, вышедшего в 1957 г., после выхода в свет „Правил русской орфографии и пунктуации“ 1956 г.

В 1972 г. вышло в свет 27-е издание этого словаря, переработанное и дополненное. Переработку словаря осуществил Л. А. Чешко. В словарь было включено значительное количество новых слов (например, *атомоход, кибернетика, космонавт, космодром, прилунение* и т. д.), были исключены устаревшие слова и формы, несколько дополнены и частично уточнены орфографические правила.

Полезным для всех пишущих является словарь географических названий. Очень часто именно в написаниях географических названий наблюдается боль-

шой разнобой. В связи с этим попытка как-то унифицировать подобные написания должна быть всячески подержана.

Укажем прежде всего на книгу М. С. Боднарского „Словарь географических названий“ (изд. 2, испр. и доп. М., 1958).

В 1966 г. издан «Краткий топонимический словарь» В. А. Никонова (М., 1966), где приведены сведения о происхождении, произношении и правописании 4000 географических названий разных стран мира.

В 1965 г. вышел в свет „Словарь географических названий зарубежных стран“ под ред. М. Б. Волостновой (М., 1965), утвержденный в качестве обязательного пособия для всех организаций, издающих атласы и карты. Полезен он также для всех, кто сталкивается с написаниями географических названий зарубежных стран в своей практической работе (учителей, студентов, работников печати). Настоящий словарь, включающий 37 тыс. наименований, устанавливает единое написание географических названий на картах, в учебниках, газетах и т. д. Написание географических названий установлено в соответствии с правилами передачи на картах географических названий с языков мира на русский язык. Согласно этим правилам, как указано в предисловии к словарю, географические названия переданы на русский язык по установленной для каждого языка системе, но часть широко известных наименований объектов пишется в общепринятой традиционной форме. В словаре уточнено написание некоторых наименований объектов на основе переименований, произведенных в ряде стран в последние годы.

Во всех географических названиях, что очень важно для читателя, поставлено ударение. При этом учтены особенности произношения в том или ином языке, а для некоторых широко известных названий сохранено традиционное русское произношение.

В 1964 г. вышел в свет под ред. А. М. Бабкина „Словарь названий жителей (РСФСР)“, включающий около 6 тыс. слов. В этом словаре сделана попытка унифицировать написание слов, служащих для

обозначения жителей по местности. В 1975 г. издан „Словарь названий жителей СССР“ под ред. А. М. Бабкина и Е. А. Левашова. В нем приводятся сведения о написании наименований жителей по месту их жительства в пределах нашей страны. В приложении впервые даны названия жителей городов зарубежных стран.

Оба словаря взаимно дополняют друг друга и помогают навести справки двоякого рода: как называются жители той или иной местности (населенного пункта) и где живут или откуда происходят люди с тем или иным названием по местности. Следует учесть при этом, что названия жителей по месту жительства — один из широко употребительных разделов лексики современного русского языка, не включаемый в общие толковые и орфографические словари.

Полезен в орфографическом отношении справочник „Иностранные имена и названия в русском тексте“ Р. С. Гиляровского и Б. А. Старостина (М., 1969).

Существуют также словари личных имен, где фиксируются широко употребительные на территории СССР собственные имена, включая заимствованные из других языков. Поскольку одной из задач составителей словарей всегда является задача дать правильный орфографический вариант имени, то такие словари также могут быть названы в качестве орфографических словарей. Укажем наиболее известные из них.

«Справочник личных имен народов РСФСР» под редакцией Н. А. Баскакова и др. М., 1965.

«Словарь русских личных имен» Н. А. Петровского. М., 1966 (содержит около 2600 имен).

Отдельными ведомствами и специализированными издательствами часто составляются словари специальной, профессиональной лексики. Издание таких словарей необходимо, так как ни один словарь общего типа не может вместить всю специальную лексику. Однако ведомства действуют при составлении таких словарей несогласованно, в таких словарях много спорных написаний, для устранения которых, а также для устранения разнобоя в написании одних и тех же слов в издаваемых разными

издательствами орфографических словарях нужно проводить специальные организационные мероприятия.

Первым в истории отечественной лексикографии орфографическим научно обоснованным словарем специальной терминологии является „Орфографический морской словарь. Опыт словаря-справочника“, составленный Р. Э. Порецкой, под ред. Ф. П. Филина (М., 1974). В него включено около 25 тыс. слов, относящихся к определенной отрасли специальной терминологии. В приложении приводятся местные, используемые только в некоторых районах (бассейнах), морские и речные термины, а также наиболее употребительные командные слова, касающиеся повседневной службы и быта экипажа корабля.

Словарь дает сведения о правописании, ударении, произношении и особенностях грамматических форм морской и речной терминологии. Словарь составлен в соответствии с „Правилами...“ 1956 г. и предназначен прежде всего для моряков военно-морского, транспортного и рыболовского флотов, преподавателей и учащихся военно-морских, морских и речных учебных заведений, издательских работников, а также для широких кругов читателей, интересующихся как современной, так и исторической военно-морской литературой.

Потребность в обращении к орфографическим словарям говорит не о безграмотности тех, кто обращается к словарям, а об их языковой культуре. При высокой развитости современного литературного языка, при его словарном богатстве обращение пишущих к орфографическим словарям естественно и необходимо.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Букчина Б. З. О типах орфографических словарей (обзор). В сб.: «Нерешенные вопросы русского правописания». М., 1974.

Зинин С. И. Орфографические словари русского языка. «Русская речь», 1968, № 6.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

ВВЕДЕНИЕ

Глава I. Письмо и его значение	5
<i>Дополнительная литература</i>	11
Глава II. Важнейшие труды по теории и истории русской орфографии	12
<i>Дополнительная литература</i>	40

ГРАФИКА.

Глава I. Понятие о графике. Графические средства	41
Общие сведения о графике	—
Алфавит	43
Кириллица и ее постепенное изменение	—
Названия и начертания букв современного алфавита	51
Современные названия русских букв (графем)	55
Названия гласных букв	57
Названия согласных букв	60
Названия букв, не обозначающих звуков	65
Небуквенные графические средства	68
<i>Дополнительная литература</i>	73
Глава II. Соотношение между буквами (графемами) и звуками (фонемами)	74
Фонемный состав языка и принципы обозначения фонем	—
Слоговой принцип русской графики	76
Общие замечания	—
Слоговой принцип применительно к согласным буквам	77
Слоговой принцип применительно к гласным буквам	82
Обозначение звука йот	—

Двузначные и однозначные буквы	89
Гласные буквы	—
Согласные буквы	92
Буквы <i>ь</i> и <i>ъ</i>	93
Разновидности букв по количеству обозначаемых ими звуков	94
Удобство слогового принципа русской графики	—
Ограничения в применении слогового принципа	97
1) Написание гласных после шипящих и <i>ц</i>	—
Общие замечания	—
Вопрос о выборе гласных букв <i>а/я, у/ю, е/э</i>	98
Вопрос о выборе гласных букв <i>и/ы</i>	100
Вопрос о выборе букв <i>е/о</i>	102
2) Написание сложносокращенных слов	104
Отступления от слогового принципа русской графики	105
1) Обозначение йота в заимствованных словах	—
2) Написание букв <i>е</i> и <i>э</i>	108
Написание букв <i>е</i> и <i>э</i> после букв, обозначающих парные по твердости-мягкости согласные	—
Написание букв <i>е</i> и <i>э</i> после гласных и в абсолютном начале слова	111
Значение и употребление букв русского алфавита	112
Звуковые значения букв	—
Развитие понимания звуковых значений букв	119
<i>Дополнительная литература</i>	131

ОРФОГРАФИЯ

Глава I. Орфография как общепринятое практическое письмо	132
Понятие об орфографии и ее важнейших разделах	—
Определение понятий „орфограмма“ и „принцип орфографии“	134
Основные принципы орфографии, возможные при звуковом письме	135
Морфологический принцип как ведущий принцип русского правописания	141
Необозначение позиционных чередований при морфологическом принципе правописания	—
Историческое образование морфологического принципа	149
Морфологические написания как следствие изменения в звуковой системе русского языка	—
Причины закрепления морфологических написаний	150
Влияние морфологических написаний на графику (история написаний гласных после шипящих и <i>ц</i>)	153
Написание <i>е/о</i> после шипящих	—
Написание <i>е/о</i> после <i>ц</i>	161
Написание <i>и</i> и <i>ы</i> после всегда твердых шипящих (<i>жс, ш</i>) и <i>ц</i>	162
Общие выводы	167
Нарушения и ограничения морфологического принципа правописания	168
Фонетический принцип	170
Традиционный принцип	175
Основная разновидность	—
Фонемно-традиционные написания	—

Другие разновидности традиционного принципа	178
Написание гласных в корневых морфемах с чередующимися гласными	—
Традиционно-иероглифические написания	182
Традиционно-исторические написания	183
Традиционно-этимологические написания	185
Принцип морфолого-графических аналогий	186
<i>Дополнительная литература</i>	190

Глава II. Типы написаний в их соотношении с произношением 191

Общие замечания	—
Фонетические и нефонетические написания	192
Разнородность фонетических написаний	194
Определимость (проверяемость) написаний произношением	200
1. Определяемые произношением написания (опорные)	203
Гласные	—
а) Ударные гласные	—
б) Безударные гласные	205
Согласные	206
2. Не определяемые произношением написания	208
Косвенно определяемые произношением (проверяемые) написания	—
Беспроверочные написания	212
Итоги об отношении правописания к произношению. Необходимость учета грамматических связей	222
<i>Дополнительная литература</i>	224

Глава III. Различия в понимании ведущего принципа русской орфографии 225

Определение ведущего принципа русской орфографии как фонемного	—
Различия в понимании морфологического принципа	237
<i>Дополнительная литература</i>	241

Глава IV. Слитные, дефисные и отдельные написания. Употребление прописных букв. Перенос слов. Графические сокращения. Орфография заимствованных иноязычных слов 242

Слитные, дефисные и отдельные написания	—
<i>Дополнительная литература</i>	246
Употребление прописных букв	247
<i>Дополнительная литература</i>	248
Перенос слов	—
<i>Дополнительная литература</i>	249
Графические сокращения	—
<i>Дополнительная литература</i>	251
Орфография заимствованных иноязычных слов	—
<i>Дополнительная литература</i>	257

Глава V. Главнейшие факты истории русского правописания 258

Петровская реформа азбуки	—
Реформа 1917—1918 гг. и ее подготовка	261
Упорядочение орфографии в советский период	266
Период 1920-х—1950-х годов	—
Период 1960-х—1970-х годов	271
<i>Дополнительная литература</i>	272

Глава VI. Сводь орфографических правил. Справочные пособия и орфографические словари 273

Сводь правил	—
Справочные пособия по орфографии	274
Орфографические словари	276
<i>Дополнительная литература</i>	284

Вера Фёдоровна ИВАНОВА

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Редактор *Г. В. Карлюк*
Художественный редактор *Л. Ф. Мальшева*
Технический редактор *М. М. Широкова*
Корректор *П. Т. Нивель*

Сдано в набор 10/VI 1975 г. Подписано к печати 25/II 1976 г. 84×108^{1/32}. Бумага типограф. № 2. Печ. л. 9. Услов. л. 15,12. Уч.-изд. л. 15,34. Тираж 100 тыс. экз. А05532.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41

Отпечатано с матриц ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова полиграфкомбинатом имени Я. Коласа, Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск,

Красная, 23
Заказ № 3263.

Цена 65 коп.

65 коп.

